

НАДЕЖДА

ХРИСТИАНСКОЕ
ЧТЕНИЕ

ВЫПУСК 1

Сборник «Надежда» — Христианское Чтение — составлен и отредактирован в России. Издание его осуществляется на средства, собранные Православным Делом, пополненные существенным взносом Германской епархии Русской Православной Церкви за границей.

Всю техническую сторону издания, защиту авторских прав участников сборника, коммерческое его распространение за границей и, по возможности, пересылку части тиража в Россию согласилось взять на себя издательство «Посев».

Да благословит Господь Бог всех участников этого благого начинания.

+ Архиепископ Антоний

*Господи, устне мои отверзеши,
и уста моя возвестят хвалу Твою.*

НАДЕЖДА

Христианское Чтение

ВЫПУСК 1, 1977

НАДЕЖДА

Составитель данного сборника
Зоя Крахмальникова

© Possev-Verlag, V. Gorachek K.G., 1978
Frankfurt/ Main
Printed in Germany

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Когда был болен Лазарь из Вифании, то сестры его послали сказать об этом Господу. Видно, болел он тяжело, раз решились побеспокоить Бога Мария и Марфа. А Он, услышав, сказал, что болезнь эта не к смерти, но к славе Божией. И пришел по зову их.

Но уже умер Лазарь, когда пришел в Вифанию Господь. И Мария, «увидев Его пала к ногам Его и сказала Ему: Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой» (Ио. 11, 32).

Если бы Он был здесь...

Христианство не исторично — Бог наш верен во веки веков и Его обетования непреложны. Но чувство Бога и чувство Церкви могут как бы вбирать в себя трагические оттенки исторических, временных наслоений, смертоносных законов общественного движения и культурных влияний, возвращенных на историческом грунте.

И все же, это чувство Бога и чувство Церкви не принадлежат ни истории, ни обществу, ни его культуре. Они есть принадлежность церковного сознания, а сознание это всегда на Голгофе. И всегда знает, что нельзя одновременно убивать Бога и звать Его на помощь. И оно всегда должно напоминать об этом, тем более, что у него вечная память.

Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой...

Однако культура теряет память. Проповедь спасения, проповедь победы жизни над смертью вытеснена в обмирщенной секулярной культуре мифом о спасении, пророчество — лжепророчеством. Так, языческое мифотворчество, порожденное «падшей религиозностью», стало одним из мощных духовных соблазнов.

Культура неизбежно теряет память тогда, когда забывает то, что знает церковное сознание, когда

забывает, что лечит и воскрешает только Слово. И служение Слову. Ибо только вера спасает, а «вера от слышания, а слышание от слова Божия» (Рим. 10, 17). И потому культура, если она — порождение человеческого духа, не может быть автономна от Бога.

Отказывается ли культура от воскресающего Слова намеренно, по принуждению или изнемогая от болезней глухоты и слепоты, порождающих иные, не менее страшные болезни, — результат от этого не меняется. Заблудшее, порченное слово разрушает плоть мира, безбожные идеи умерщвляют природу, человека, нации — в каких бы культурных формах ни воплощались бы эти идеи.

Это запечатлено в нашем трагическом, Голгофском, смертном опыте. И этот опыт учит нас, что только нравственный христианский максимализм может быть спасителем в современных условиях, только в присутствии Бога можно узнать о правах человека, ибо нет прав у человека, если нет у него обязанностей перед Богом и ближними. И нет свободы у человека, если он убил Бога в своем сознании, похоронив память о Нем.

Тогда его культура — словесность ли, искусство ли — становится пособником, прямым или косвенным, в убийстве Бога и в самоубийстве.

Потому и очевидно сегодня, что религиозные культурные имитации, породившие десятки направлений, включающих в себя языческую мистериальность или псевдоэллинистическую культурную стилистику; конформизм, так же, как нигилизм и прочие испарения секулярной культуры, в изобилии возникающие в русских эмигрантских изданиях последнего времени, разрушительны для современного русского сознания, нуждающегося в Слове Божьем для воскресения из мертвых.

В силу этой уверенности в спасительности воскресающего Слова мы и составили первый выпуск «Христи-

анского Чтения» по примеру некогда существовавших в России изданий, духовно окормливающих ее культуру.

Составителем таких «Чтений» может быть, как нам представляется, каждый человек, любящий Слово Божие и пожелавший исполнить завет Христа: «Идите и проповедуйте!»

Многие из прилагаемых здесь текстов найдены в Самиздате.

СЛАВА И ВЕЛИЧИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

*Из книги «Земная жизнь Пресвятой Богородицы».
На основании Священного Писания
и Церковных преданий.*

С самого начала христианской эры, Пресвятая Богородица пользовалась глубоким почитанием и благоговением всех христиан. В сущности говоря, слава Ее началась еще в младенчестве, именно с момента введения Ее во храм. Как уже упомянуто в главе о введении во храм, св. Феофилакт, архиеп. болгарский, говорит: «следовало именно царскою одеждою одеть Ее для наибольшей славы». Об этой славе свидетельствует и шествие ее, юной отроковицы, по Иерусалиму в храм: «весь Иерусалим собрался смотреть на такое небывалое шествие».

Когда архангел возвещал Деве Марии непостижимую человеческому уму тайну воплощения Сына Божия, он приветствовал Ее необычайными, прославляющими Ее, словами: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою, благословенна Ты в женах» (Лк. 1, 28). Эта же слава слышится в словах праведной Елисаветы, когда она, после приветствия Девы Марии, исполнившись Духа Святого, воскликнула: «Благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего» (Лк. 1, 42). В ответ на это, преисполненная тем же Духом Святым, Пресвятая Дева в Своей пророчески-вдохновенной песне (Лк. 1, 46-55) не только величит и благода-

рит Господа за спасение людей, но приводит будущую славу Свою, когда говорит: «Се бо отныне ублажат Мя вси роди» (Лк. 1, 48).

Эти слова Пресвятой Девы являются не простым словом, но «пророчеством» в полном смысле этого слова. Иначе как могла бы смиренная Дева, обрученная плотнику, догадаться, что Ее узнает мир, будут почитать все роды во вся времена? Из того ли только, что Ей было предсказано от ангела быть матерью Христа? Но если бы Она рассуждала о сем по разуму и понятию Своего времени, — как и апостолы, которые, три года слушая учение Христово, все еще ожидали только на сей земле устроения царства Израилева (Деян. 1, 6), — то, как мало могло бы это вести Ее к ожиданию всемирной славы? Кто из царей Израилевых был знаменитее Давида? Чья память в народе израильском почиталась благословеннее памяти родоначальника Авраама? Но матери Давида и Авраама не только не ублажаются, но даже никто и имен их не знает. По такому примеру могла ли Матерь Христова ожидать, что Ее будут ублажать все роды во вся времена? К тому же еще надо взять во внимание глубокое Ее смирение, Ее неизвестное в мире сем положение. Кто думает немало о своем достоинстве, видит себя довольно вознесенным пред прочими, тот может еще льстить себя преувеличенною надеждою, но расположение духа Марии было совсем не таково. Она, и когда прославляла Бога за Свое избрание в высочайшее служение Господу, усматривала в Себе одно ничтожество, смиренно называла Себя только рабою Его: «яко призре на смирение рабы Своя» (Лк. 1, 48). Как же вдруг от столь смиренного мудрования переходит Она к столь высокому о Себе вещанию: «отныне ублажат Мя вси роди». Очевидно, такая мысль яви-

лась в Ней уже не от собственного рассуждения, но всеведущий Дух Божий озарил Ее разум, и Она прорекла о Себе то, что определил о Ней Бог. «Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Пет. 1, 21). «Как предсказание о славе Матери Господа показывает, что Она говорила по внушению Духа Божия, так и самое событие Ее слов являет, что Ее прославление есть дело Божие» (Жизнь Приснодевы Марии — Иером. Стефана, Москва, 1898).

Во время проповеди Спасителя, даже из среды людей, не знавших о Его Божественном величии, раздаётся голос из народа, прославляющий Матерь Божию: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие.» (Лк. 11, 27).

Слава Богоматери особенно стала возрастать по вознесении Господа: Она была посреди одиннадцати апостолов, как Матерь Господня; Она теперь неразлучна с собором их. Как имевшая во утробе Своей Христа, Она оставалась для всех верных средоточием их единства, как бы заменяла Собою Сына Своего, хотя и продолжала уклоняться от всякого первенства между ними.

«Благодатные дары Святого Духа, которыми изобиловали апостолы, преизобильно и более их имела Богоматерь. Она имела и дар пророчества, и дар прозорливства, и дар чудотворений, и другие бесчисленные дары, известные Подателю даров и приявшей дары. Прикосновение к Ней исцеляло неисцелимые недуги. Девственное, освященное Богом тело Ее соделалось вместилищем и источником чудес» (Еп. Игнатий Брянчанинов — Изложение учения Православной Церкви о Божией Матери).

«По совершении последней молитвы на горе Елеонской и по принятии благовестия об успении Своем, Пресвятая Богородица возвратилась домой. Все поколебалось от Божественной силы, окружавшей Ее, и от славы, осиявшей Ее. Лице Ее, и без того всегда сиявшее благодатию большею, чем лице Моисея (Исх. 34, 30), теперь озарилось еще блистательнейшею славою» (Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы. — СПб, 1869).

Но вот настал последний день Ее земной жизни; по церковному преданию, апостолы были собраны к Ней Духом Божиим и день успения оказался не столько днем плача, сколько днем Ее прославления. Невольное отсутствие в этот день апостола Фомы обнаружило великую славу Богоматери...

О славе Божией Матери отец Иоанн Кронштадтский в своем дневнике пишет следующее: «Если при жизни Богоматерь проявляла нежное и глубокосострадательное сердце, готовое на близкую и скорую помощь, то что же можно сказать о Пресвятой Деве, когда, после Ее блаженного успения, все существо Ее, покинув земную оболочку, озарилось в сиянии света — Бога, как «уголь, раскаленный в великом огне», когда, пребывая всецело в Боге, Она получила возможность слышать каждый вздох, доходящий к Ней от земли, и являть на всяком месте Свою могущественную и чудодейственную помощь? Когда Она, по учению св. Церкви, одарена благодатию пред всеми ангелами, высшая всех существ небесных и земных, честнейшая херувим и славнейшая без сравнения серафим, Царица Небесная, пред которой в благоговении склоняются самые высшие силы небесные, когда в самых небесах, кроме Матери Божией, нет ближайшего духа к Престолу Божию? Может ли быть другое высшее и надежнейшее ходатайство о нас, грешных? Сколько радостного

для нас в мысли об этом величии Матери Божией, Заступницы и Ходатаицы нашей, и сколько вместе с тем поучительного!» («Вечное» № 118).

Пресвятая Дева — «милости неоскудеваемый источник», «стена необоримая», «ходатайство ко Творцу непреложное»; Ей Единой изрек Господь и Сын Ее, что все Ее прошения исполнятся; Ее Матерним молением отвращается от грешных праведный гнев Божий, на них движимый; Она, как говорит св. Димитрий Ростовский, «ставши между Богом и грехами нашими, как посредница не пускает проходить близ пред Бога грехам нашим, и гласом Своих за нас молитв отражает глас грехов наших смертных, вопиющих на нас к Богу».

В христианской Церкви слава Божией Матери выражается в праздновании различных событий Ее жизни. Так, Православная Церковь празднует Зачатие Пресвятой Девы, Ее Рождество, Введение во храм, Благовещение и Успение. Великие Учители Церкви и подвижники христианские всех времен прославляли Пресвятую Богородицу, составляя умиленные акафисты, каноны, хвалебные песни в честь Ее. Песни и чтения в честь Божией Матери были уже в первенствующей Церкви: так, например, песнь «Достойно есть яко во истину» входит в состав литургии св. ап. Иакова.

Всем нам знакомы трогательные обращения к Божией Матери: «Милосердия двери отверзи нам...», «к Богородице прилежно ныне притецем...» или тропарь: «Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго...» и т. д.; А сколько замечательных слов было произнесено в честь Ее!

Архиепископ Константинопольский св. Прокл так прославляет Божию Матерь: «В мире нет ничего такого, что могло бы сравниться с Богородицею Мариною. Человек! Прейди умом твоим все творения и смотри,

может ли что сравниться или превзойти святую Деву Богородицу? Пробеги землю, осмотри море, исследуй воздух, углубись мыслью в небеса, испытай все невидимые силы, и скажи, есть ли другое подобное чудо во всех тварях? «Небеса проповедуют славу Божию» (Пс. 18, 2); ангелы служат Богу со страхом, архангелы поклоняются с трепетом; херувимы, не могущие зреть славы, ужасаются; серафимы, летая окрест, не приближаются и, трепеща, взывают: «свят, свят, свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!» (Ис. 6, 3); воды не перенесли гласа (Лк. 8, 24), облака служили колесницею при трусе воскресения; солнце, не стерпев поругания Творцу, вострепетало; ад, от страха изрыгнул мертвецов; веревы ада от одного взора сокрушились; гора, принявшая сошествие Божие, воздымилась (Исх. 19, 18); купина, не снося видения, возгорелась; Иордан, устранившись, обратился вспять; море, убоившись жезла, разделилось, повинувшись презнаменованию Владычному; жезл Ааронов, силою прообразования, расцвел, преступив закон природы; огонь в Вавилоне устыдился лика Троичного; исчисли все чудесное, и дивись превосходству Девы. Кого всякая тварь восхваляет со страхом и трепетом, Того Она неизъяснимо приняла в чертог Свой».

Больше всех похвальных песней в честь Богородицы воспел св. Иоанн Дамаскин. Вот выдержка из его слова на Успение Пресвятой Богородицы:

«Воистину благословенна и блаженна Ты в роды родов, Пресвятая Матерь и Дева, единая достоблаженная!..

Тебя преносили ангелы с архангелами, Твоего исхода устрашились нечистые духи, Тебя встречают силы со священными песнями и светлым торжеством. Тебя Царь Небесный ввел в чертог Свой, где власти окружают, начала благословляют, престолы воспевают,

херувимы ужасаются, серафимы славят. Чрез Тебя смерть, прежде столь ужасная и ненавистная, ныне восхваляется и ублажается, — прежде приносившая одни скорби и печали, ныне соделывается причиною радости и светлого торжества. Впрочем, не Тебя смерть соделала блаженною, но Ты украсила Собою смерть, отняв от нее печаль, так как душа Твоя не была оставлена во аде, и плоть Твоя не видела истления (Пс. 15, 10). Не осталось в земле Твое всенепорочное тело, но в царственные чертоги небес переселилась Ты, Владычица Богородица. Как небо приняло Тебя пространнейшую небес, и как гроб вместил вместилище божества! Но они точно приняли и дали место: ибо не по телесному составу Ты была пространнее неба, но преимущественно благодатию превзошла меру всякой высоты и глубины. Самый гроб Твой священный достоин чести и поклонения, его и ныне окружают ангелы, его трепещут демоны, от него земнородные почерпают обильные блага. Как драгоценное миро, быв положено на одежду или какое-либо место и потом взято назад, оставляет благоухание и тогда, как оно уже взято: так и божественное, всенепорочное Твое тело, быв положено во гробе, хотя и взято потом в страну лучшую, однако же не оставило своего гроба без почести, но сообщило ему божественное благоухание и благодать, и соделало его для всех, приходящих с верою, источником всяких благ» (Преп. Иоанн Дамаскин [VIII век] — Слово на Успение Пресв. Богородицы. «Вечное» № 187).

А вот в каких дивных выражениях говорит о Божией Матери святой составитель Четьи-Минеи, наш святитель Димитрий Ростовский:

«Если бы кто меня спросил: что в поднебесной сильнее и крепче всего? — я бы ответил: нет ничего более крепкого и сильного на земле и на небе после Господа

нашего Иисуса Христа, как Пречистая Владычица наша Богородица, Приснодева Мария. Сильна Она на земле: ибо стерла главу невидимого змия и попрала адскую силу, Ею воздвигаются победы, Ею ниспадают враги. Сильна Она и на небе: ибо Бога сильного и крепкого молитвами Своими связывает.

Связывает, говорю, Своими молитвами Бога, Которого некогда на земле связывала пеленами, ибо когда Он, прогневанный нашими грехами, хочет нас казнить, внезапно карая, Она простирает к Нему умоляющие руки Свои и удерживает Его мстительную десницу, чтобы не погубить грешников с их беззакониями».

О славе и величии нашей «Заступницы усердной» хотелось бы говорить и говорить... Но... Надо оторваться.

В заключение повествования о Божией Матери, хочется показать, как изображает славу Ее другой наш духовный писатель — еп. Игнатий Брянчанинов:

«Богоматерь в третий день по блаженном успении Своем воскресла и ныне жительствует на небесах душою и телом. Она не только жительствует на небесах: Она царствует на небесах. Она, как Матерь Царя Небесного, объявлена Царицей Небесной, Царицей и святых ангелов и святых человеков. Ей даны особенная власть и особенное дерзновение ходатайствовать пред Богом о человечестве. Святая Церковь, обращаясь с прошениями ко всем ангелам и архангелам, говорит им: молитесь Бога о нас; к одной Богоматери она употребляет слова: спаси нас. Божия Матерь — величайшая заступница и помощница всех труждающихся о благоугождении Богу, всех посвятивших земную жизнь на служение Богу. Явившись некоторому святому иноку, Она исцелила его от тяжкого недуга, и назвала его

принадлежащим Ее роду*. Она — скорое утешение скорбящих и плачущих. Она — предстательница кающихся; Она благонадежное пристанище для грешников, желающих обратиться к Богу; Она теплейшая ходатаица за них пред Богом. Предстоя Божией Матери, в глубоком благоговении к Ее величию, в священном недоумении и удивлении, в восторге веры и любви, чада Православной Церкви приносят Приснодеве все-радостное славословие. Прими, Владычице, эти младенческие гласы, это младенческое лепетание, усиливающееся по причине теплоты сердечной определить Твое величие, и не могущее определить его по немощи разума, по немощи слова, по необъятности Твоего величия. Радуйся, селение Бога-Слова! радуйся, святая святых! радуйся, престол Вседержителя! радуйся,местилище Бога! радуйся, колесница восседающего и шествующего на херувимах! радуйся, храм поклоняемого и песнославимого серафимами! радуйся, высота неприступная для человеческих помыслов! радуйся, неверных сумнительное слышание! радуйся, верных известная, достоверная похвала! радуйся, являющая мудрецов немудрыми, у хитрословесных отъемлющая и хитрость и слово! радуйся, посрамившая любопытных, бесстыдных, безумных, всезлыхных изыскателей! радуйся, исполнившая духовными познаниями рыбацкие мрежи веры! (Заимствовано из акафиста Божией Матери). — Пресвятая Богородица! слава Тебе!»

Закончим же тем, чем начали — дивными словами св. Иоанна Дамаскина: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, Ангельский собор и человеческий род! Слава Тебе!»

* Блаженному Серафиму Саровскому.

Святой отец наш Иоанн Златоуст
Архиепископ Константинопольский

О МОЛИТВЕ

Великое благо молитва, если бывает с чувством благодарения, если мы научимся благодарить Бога не только получая (просимое), но и не получая. Бог, и когда дает (просимое), и когда не дает, делает то и другое на пользу, так что, получил ли ты, или не получил, ты получил благодаря тому, что не получил, успел ли, или не успел, ты успел чрез то, что не успел. Бывает иногда полезнее не получить. Если бы для нас не было часто полезно не получить, Бог несомненно дал бы; между тем не получить с пользою, значит получить. Не будем же роптать на замедление в даровании просимого, а скорее покажем по этому самому великую твердость и терпение. Разве Бог не мог бы даровать и прежде (исполнения) наших просьб? Но Он ждет для того, чтобы получить от нас самих повод праведно удостоить нас Своим попечением. Поэтому, получим ли просимое, не получим ли, будем настойчивы в своем прощении, и будем благодарить не только в случае успеха, но и в случае неуспеха. Не получить, когда так хочет Бог, значит не менее, чем получить, потому что мы сами так не знаем, что полезно для нас, как ведает Он. Таким образом, получим ли мы, не получим ли, мы должны одинаково благодарить и принимать с радостью то, что Ему будет благоугодно. Не потому Бог часто медлит исполнением наших

просьб, что отвергает их, а желая научить нас постоянству и привлечь к Себе. Так и нежнолюбящий отец часто не соглашается на просьбу сына не потому, что не хочет дать, а желая чрез это побудить сына к настойчивости. Чтобы молящийся был услышан, это зависит, во-первых, от того, если мы достойны получить; во-вторых, если мы молимся согласно с законами Божиими; в-третьих, если молимся непрестанно; в-четвертых, если не просим ничего житейского; в-пятых, если исполняем все должное и со своей стороны, и, наконец, если просим полезного. Как от этих условий зависит быть услышанным, так от противных условий — быть неуслышанным, хотя бы молящиеся были праведники. Кто был праведнее Павла? Но когда он просил бесполезного, то не был услышан: о сем, говорит, трикраты Господа молих, и рече ми: довлеет ти благодать моя (2 Кор. 12, 8-9). Кто также праведнее Моисея? Но и он не был услышан, и ему Бог сказал: довлеет ти (Второзак. 3, 16). Так как он просил о том, чтобы войти в землю обетованную, а это было бесполезно, то Бог и не попустил. Кроме того, мы бываем неуслышаны еще и по другой причине, именно — когда молимся, продолжая оставаться во грехах своих. На это указал Бог, когда сказал об иудеях Иеремии: не молися о людех сих: еда не видиши, что сии творят (Иерем. 7, 16)? Они, говорит, не отстали от нечестия, а ты возносишь о них прошение? Но Я не услышу тебя. Равным образом, когда мы просим чего-либо против врагов, то не только не бываем услышаны, но и раздражаем Бога. Молитва есть врачевство; но если мы не знаем, как нужно приложить это врачевство, то не можем воспользоваться и его целебной силой. Итак, великое благо — постоянство в молитве, как нас научает событие с хананеянкой; в самом деле, на что не соглашался Христос, когда Его просили апосто-

лы, в том успела она, своей настойчивостью достигнув исполнения просьбы. Бог более хочет, чтобы Его просили мы сами за свои прегрешения, чем другие за нас. Когда мы просим людей, нам нужно бывает и тратить деньги, и рабски льстить, и много ходить и хлопотать, потому что часто нельзя бывает прямо получить доступ и говорить с самими господами, а необходимо прежде привлечь на свою сторону и деньгами и словами их служителей, домоправителей, поверенных и чрез них уже получить просимое. У Бога же не так. Он не нуждается в посредниках, когда Его просят, и не так преклоняется на милость, когда умоляют (за нас) другие, как тогда, когда мы сами просим Его. Бог хочет, чтобы мы часто просили Его, и бывает за это весьма благодарен, — потому что Он единственный должник, который, когда от Него требуют, благодарит, и дает то, чего мы не давали взаймы. И если видит усиленно и прилежно просящего, дарует и то, чего не получал от нас; а если лениво просящего, то и сам медлит, не потому, что не хочет дать, а потому что Ему приятно, когда мы просим Его. Не потому, чтобы Бог ненавидел или отвращался от нас, Он медлит дать просимое, а желая таким замедлением дарования постоянно удержать при Себе. Так поступают и нежно любящие отцы: и они отсрочкой исполнения просьб научают беспечных детей прилежанию. Услышана твоя просьба? Возблагодари за то, что ты услышан. Не услышан? Пребудь тверд, чтобы быть услышанным. Тебе нет нужды в посредниках, не нужно ни много хлопотать, ни подольщаться к другим; напротив, хотя бы ты был совершенно одинок, хотя бы не имел покровителя, ты непременно достигнешь просимого, если сам по себе попросишь Бога. Если у людей бывает так, что, несмотря на тысячи оскорблений, когда мы и утром, и днем, и вечером являемся к

обиженным на нас, мы легко прекращаем такой настойчивостью и постоянным появлением им на глаза вражду, то тем более бывает так у Бога. Не так обычно преклоняется Бог, когда Его молят другие за нас, как тогда, когда мы сами просим Его, хотя бы исполнены были бесчисленных зол. Пусть выслушают меня те, которые молятся небрежно и ропщут на медлительность дарования просимого. Когда я говорю: призови Бога, попроси Его, умоли Его, — ты отвечаешь: я просил раз, другой, третий, десять, сто раз, и не получил. Не отставай, доколе не получишь; тогда отстань или вернее — и тогда не отставай, а пребывай в молитве: если ты не получил, молись, чтобы получить: если же получил, благодари за то, что получил. Многие входят в церковь, совершают тысячи молитв, и выходят, сами не зная, что говорили: уста движутся, а слух не слышит. Ты сам не слышишь своей молитвы, а хочешь, чтобы ее услышал Бог? Я преклонял, говоришь, колена. Но мысль твоя летала на стороне. Тело было внутри церкви, а дух твой — вне: твои уста говорили молитву, а ум исчислял проценты, обязательства, торговые обороты, приобретения, дружеские собрания. Дьявол, будучи лукав, и зная, что во время молитвы мы достигаем великих успехов, приходит к нам в это время — часто ведь мы лежим на постели без всяких забот и ни о чем не помышляя, а пришли молиться, и тотчас нападают бесчисленные помыслы, — чтобы лишить нас плодов молитвы и сделать совершенно безуспешными. И часто бывает, что, совершив молитву, мы уходим, как будто и не слышав того, что говорили. Итак, когда мы заметим это, то повторим немедленно молитву, и если опять с нами случится то же, то скажем ее и третий, и четвертый раз и не прежде перестанем молиться, чем изольем ее всю пред Богом с трезвою душою и

внимательным помыслом. И если диавол заметит, что мы не прежде отстаем от молитвы, чем произнесем ее со тщанием и трезвящеюся душою, то отстанет наконец со своими кознями, зная, что из его ухищрений не выйдет ничего иного, кроме того, что он многократно заставит нас повторять ту же самую молитву. Если, приходя к человеку, мы обнаруживаем такую внимательность, что часто даже не видим стоящих вблизи, а сосредотачиваем свою мысль и думаем только о том, к кому приходим, то тем более нам нужно делать так в отношении к Богу, — нужно быть внимательными в молитвах, не блуждая мыслью в разные стороны. Если язык произносит слова, а ум блуждает на стороне, обдумывая домашние дела или соображая об общественных делах, то для нас не только не будет никакой пользы, а напротив еще больше будет осуждение. Если мы предстоим столько времени людям, служа в войсках и перенося тяжкие труды, исполняя рабские обязанности, и в конце концов часто теряем и самую надежду, то неужели Господу нашему, от Которого несомненно можно получить награду, гораздо большую трудов, мы не имеем мужества предстоять с подобающим усердием? И какого наказания достойно это? Ведь, если бы и ничего не предстояло получить, само по себе постоянное собеседование с Богом не заключает ли бесчисленных благ? Подлинно, великое благо молитва и собеседование чрез нее с Богом. Если беседующий с добродетельным человеком приобретает отсюда немалую пользу, то каких благ насладится тот, кто удостоился беседы с Богом? Не безумно ли — слугам приказывать, чтобы они все время служили нам, а самим даже и малого досуга не уделять Богу? Ты не знаешь полезного тебе, человек; часто просишь вредного и обманчивого. Но Он, гораздо более пекущийся о твоём спасении, не молитве

твоей внимает, но прежде молитвы предусматривает полезное для тебя. В самом деле, если плотские отцы не непременно дают детям то, чего они просят, не потому что пренебрегают просящими, а потому, напротив, что более заботятся о них, то тем более делает так Бог, Который и больше всех любит, и лучше всех знает, что нам полезно. Когда ты ослабеешь в молитве и не получишь, вспомни, сколько раз ты слышал, как призывал тебя бедный, и ты не послушал его, между тем он не вознегодовал и не оскорбил тебя; причем ты делаешь это по жестокости, а Бог по человеколюбию. Итак, если сам ты, не слушая по своей жестокости сораба, не считаешь себя заслуживающим обвинения, то как обвиняешь Владыку, не внимающего рабу по человеколюбию? Если блаженный Давид, будучи царем, поглощаемый бесчисленными заботами и развлекаемый со всех сторон, семь раз на дню молился Богу, то какое оправдание и прощение можем иметь мы, которые имеем столько праздного времени и не молимся Ему постоянно, несмотря даже на то, что можем получить великую пользу. Невозможно, поистине невозможно, чтобы человек, молящийся с должным усердием и постоянно призывающий Бога, впал когда-нибудь в грех. Кто воспламенил свой ум, возбудил душу, переселился на небо, и таким образом призвал своего Господа; кто, вспомнив о своих грехах, беседует с Ним о прощении их и молит Его быть милостивым и снисходительным, — тот, предаваясь такой беседе, отлагает всякое житейское попечение, окрыляется и становится выше человеческих страстей. Не так источники водные делают цветущими сады, как источники слез, напаяющие древо молитвы, поднимают его на высочайшую высоту и поставляют молящегося пред Богом. От этого-то зависит более всего и услышание. В самом деле, у кого в то время, как тело

простерто на земле и уста бессмысленно произносят слова, душа блуждает везде — дома и на площади, тот может ли сказать, что он молится пред Богом? Пред Господом молится тот, кто вполне сосредоточил свою душу и не имеет ничего общего с землею, но переселился на самое небо и изгнал из души всякий человеческий помысл. Молящемуся должно молиться так, чтобы всецело сосредоточившись и напрягши ум, призывать Бога со скорбною душою, не умножая слов и не распространяясь в молитве, а произнося немногие и простые слова, потому что не от множества слов, а от трезвости души зависит услышание. И это видно на примере Анны, матери Самуила. Она говорит именно: Адоиаи Господи, Елои Саваоф, аще призирая прирши на смирение рабы твоея, и даси рабе твоей семя мужеско, то дам е пред Тобою в дар до дне смерти его, и вина и пьянственного не испиет, и железо не взыдет на главу его (1 Цар. 1, 11). Много ли здесь слов? Но так как она совершила эту молитву со вниманием и трезвостью, то достигла всего, чего желала: и испорченную природу исправила, и заключенную утробу отверзла, и себя привела в состояние великого благодушия, пожав тучный колос с бесплодного камня. Итак, молящемуся следует и не многословить и постоянно молиться. Творить краткие и частые молитвы, с небольшими промежутками, заповедали и Христос и Павел. Если ты будешь распространяться в словах, нередко делая это без внимания, то дашь диаволу бóльшую свободу подойти к тебе, устроить ковы, и отвлечь твою мысль от произносимых слов. А если будешь творить постоянные и частые молитвы, занимаясь все время частым повторением их, то легко сможешь сохранить внимание и самые молитвы будешь творить с большою бдительностью. Хочешь ли узнать, что такое добрственность, трезвенность и

настойчивость молитвы? Иди к Анне, узнай, что сделала она. Встали, говорится, все от трапезы (1 Цар. 1, 9), и она тотчас же обратилась не ко сну, не к отдыху, — почему мне кажется, что и сидя за трапезой она была воздержана и не отягчала себя какими-нибудь яствами, а иначе не пролила бы таких слез. В самом деле, если мы, постясь и воздерживаясь от пищи, едва можем так молиться, лучше же сказать — никогда не молимся так, то тем более она не могла бы молиться так после трапезы, если бы за трапезой не была подобна постящимся. Постыдимся же мы, мужи, женщины, — мы, которые, молясь о царствии, зеваем от сонливости, — постыдимся той, которая просила о сыне и плакала. Заметь ее благочестие и в другом отношении. Глас ея, говорится, не слышашеся, устне же ея двизастеся (1, Цар. 1, 13). Так приступает к Богу тот, кто хочет что-либо получить, — без потягот и зеваний, без сонливости, без почесываний, без небрежности. Разве Бог не мог дать и без молитвы? Разве Он не знал еще прежде прошения желания жены? Но Он, если бы Он дал прежде прошения, то не обнаружилось бы усердие жены, не открылась бы добродетель ее, не стяжала бы она такой награды. Но посмотрим и на еелюбомудрие. Когда священник Илий счел ее за пьяную, смотри, что она говорит ему: не даждь рабы твоея во дщерь погибели, яко от множества глумления моего истаях даже доселе (1 Цар. 1, 16). Это поистине дело сокрушенного сердца, когда мы не сердимся и не раздражаемся на оскорбителей, а даже и оправдываемся. Подлинно, ничто так не делает сердца любомудрым, как скорбь и печаль по Боге. Итак, мы должны и при начале трапезы, и при конце благодарить Бога. Кто приготовил себя к этому, тот никогда не впадет в пьянство и бесчинство, никогда не испытает следствий объядения, но, сдерживая свои помыслы

ожиданием молитвы, как бы уздою, будет в надлежащей мере употреблять все предлагаемое, и тем доставит и душе и телу великое благосостояние. Стол, начинающийся и оканчивающийся молитвою, никогда не оскудеет, но обильнее источника принесет нам все блага. Не будем же пренебрегать такой пользой. Странно, что слуги наши, получив от нас что-нибудь со стола, благодарят нас и отходят с добрым словом, а мы, наслаждаясь столь великими благами, не воздаем Богу и такой чести. Потому-то у нас и в общественных и в частных делах многое выходит вопреки ожиданию, что мы не о духовных делах сначала заботимся, а потом уже и о житейских. Или ты не знаешь, что, если ты придешь поклониться Богу и примешь участие в здешнем (церковном) занятии, то более легкими станут для тебя и предстоящие (житейские) дела?

Но у тебя есть житейские заботы? Ради них-то и приди сюда, чтобы, привлекая здешним пребыванием благоволение Божие, выйти с безопасностью, чтобы тебе иметь Бога союзником, чтобы с помощью небесной руки стать неодолимым для демонов. Если ты приобщись духовных молитв, если разделишь общую молитву, если привлечешь Божию помощь, если выйдешь отсюда, огражденный Его оружием, то на тебя не посмеют уже взглянуть ни сам диавол, ни злые люди, старающиеся обидеть и оклеветать тебя. Если же ты выйдешь из дому на площадь и окажешься лишенным этого оружия, то будешь легко одолим для всех обидчиков. И пусть не говорят мне, что невозможно человеку мирскому, занятому службой, постоянно молиться днем и бегать в церковь. Возможно, и весьма легко. Если не легко прийти в церковь, то можно помолиться и не оставив своей службы, стоя там, пред дверьми судилища. И это часто многие делали. Когда начальник внутри (судилища) кричал, гро-

зил, выходил из себя, бесновался, они, оградив себя пред дверьми крестным знаменем и помолившись в уме немногими словами, входили и заставляли судию премениться, укрощали его и делали из свирепого кротким; и ни место, ни время, ни молчание не были для них препятствием к такой молитве. Ведь для молитвы нужно не столько слово, сколько мысль, не столько движение рук, сколько напряжение души, не положение тела, а расположение духа. Так и Анна, мать Самуила, не потому была услышана, что произносила пышные и громкие слова, а потому, что много взывала внутри сердцем. Глас ея не слышашеся, говорится, и услышал ее Бог (1 Цар. 1, 13). Не будем же оправдываться, говоря, что не легко молиться человеку, который обременен житейскими делами и не находит поблизости молитвенного дома. Где бы ты ни был, ты можешь поставить свой собственный жертвенник; этому нисколько ни место не мешает, ни время не воспрепятствует. Хотя ты не преклонишь колен, не станешь бить себя в грудь, не прострешь рук к небу, а покажешь только горячую душу, ты этим исполнишь все нужное для молитвы. Можно, ведь, и выходя на площадь, и прохаживаясь в одиночку, творить усердные молитвы. Можно и сидя в мастерской и сшивая кожи, вознести душу к Господу. Можно и слуге, и покупая, и поднимаясь вверх, и сходя вниз, и занимаясь на кухне, когда невозможно пойти в церковь, совершать искреннюю и усердную молитву. Бог не гнушается местом, а требует только одного — пламенного сердца и сосредоточенной души. Так и Павел, не в молитвенном доме, а в темнице распротертый, не прямо стоя и преклоняя колена, — потому что этого не позволяли колодки, в которые забиты были его ноги, — а лежа, помолвившись с усердием, потряс темницу, поколебал ее основание, устранил

темничного стража, и затем привел его к святому таинству. Равным образом Езекия, не прямо стоя, и не преклоняя колена, а возлежа на постели по причине болезни, и обернувшись к стене, с жаром и смиренной душой призвал Бога, и тем отменил произнесенный уже приговор, привлек к себе великое благоволение Божие и возвратил себе прежнее здоровье. И разбойник, распостертый на кресте, немногими словами приобрел царствие небесное. И Иеремия в тине и рву, и Даниил во рву и среди зверей, и Иона в самом чреве китовом, призвав Бога, устраняли все угрожающие бедствия и привлекали к себе высшее благоволение. Что же ты должен говорить, когда молишься? Помилуй мя, дщи моя зле беснуется (Мф. 15, 22), так и ты говори: помилуй мя, душа моя жестоко беснуется. Грех есть великий бес. Бесноватый возбуждает сострадание, а грешник ненависть. Помилуй мя: краткое слово (но оно нашло) море человеколюбия, потому что где милость, там всякие блага. Будешь ли ты вне церкви, взывай и говори: *помилуй мя*, хотя бы не двигая уста, а взывая умом: Бог слышит и молчащих. Требуется не место, а основа благочестия. Иеремия был в тине, и привлек к себе Бога; Иов сидел на гноище, и снискал милость у Бога; Иона был во чреве китовом, и Бог внял ему. Хотя бы ты был в бане, молись; где бы ты ни был, молись. Ты — храм Божий: не ищи же места. Море было впереди, позади египтяне, а посредине Моисей; ничего не говоривший: великое было затруднение для молитвы. И Бог говорит ему: что вопиеш ко Мне (Исх. 14, 15)? Так и ты, когда подвергнешься искушению, прибеги к Богу, призови Владыку. Разве Он — человек, чтобы тебе идти на какое-нибудь место, Бог всегда близ есть. Еще глаголющу ти, речет: се приидох (Ис. 8, 9). Ты еще не кончил молитвы, а Он дает уже врачевство. Если у

тебя душа чиста от непристойных страстей, то будешь ли ты на площади, или в пути, или в судилище, или на море, или в гостинице, или в мастерской, — где бы ты ни был, — ты можешь призвать Бога и получить просимое.

Что означает простертие рук во время молитвы? Руки служат орудием при совершении многих злых дел; поэтому самому нам и повелевается простирать их, чтобы служение в молитве было для них препятствием ко злу и воздержанием от пороков; чтобы ты, когда намереваешься похитить или присвоить чужое, или ударить другого, вспомнил, что ты будешь простирать их как бы ходатаем пред Богом и приносить ими духовную жертву, и не посрамлял их, не делал их безответными чрез служение порочным делам. Итак, очищай их милостыней, человеколюбием, помощью нуждающимся и тогда простирай их на молитву. Если ты не дозволишь себе приступать к молитве с неумытыми руками, то тем более ты не должен осквернять их грехами. Если ты боишься меньшего — молиться с неумытыми руками, то тем более страшишься большего. Молиться с неумытыми руками не так непристойно; а простирать руки, оскверненные множеством грехов, — это навлекает великий гнев Божий и гибель. Хочешь ли знать, как велика сила молитвы, совершаемой в церкви? Некогда связан был Петр и заключен в крепкие узы. Молитва же бе прилежна бываемая от церкви о нем (Деян. 12, 5), и тотчас освободила его из темницы. Итак, что может быть могущественнее этой молитвы, которая оказала помощь столпу и оплоту церкви? Оглашаемым еще не дозволяется такая молитва, так как они не получили еще такого дерзновения; но вам повелевается творить моления и за вселенную, и за церковь, простирающуюся до пределов земли, и за управляющих ею, и за предстоящих в ней. И вы охот-

но повинуетесь, самым делом подтверждая, что велика сила молитвы, единогласно возносимой в церкви народом. Если у людей бывает так, что народ испрашивает преступников, ведомых на смерть, и царь, уступая толпе, отменяет приговор, то тем более царь небесный, умиловленный вами, исполнит ваше прошение. Не слышали ли вы, как Петр был исхищен из темницы вследствие усердной молитвы о нем церкви? Приступать к Богу и умолять за стольких людей, — насколько, думаете вы, недостаточна для этого наша малость? В самом деле, если я не имею дерзновения молиться о самом себе, то тем более о других; это могут делать люди, заслуживающие всеобщего одобрения. Итак, когда и сам я заслуживаю гнева, то как буду молиться за другого? Одному просить за многих — дело слишком смелое и требующее большого дерзновения; но многим, сошедшимся вместе, творить молитву за одного — в этом не покажется ничего несообразного. Конечно, можно молиться и дома; но невозможно так молиться, как в церкви, где такое множество отцов, где единодушно возносится глас к Богу. Не так слышит тебя Господь, когда ты молишься сам по себе, как вместе с твоими братьями, потому что здесь есть еще нечто, а именно — единодушие и согласие, союз любви и молитвы иереев. Для того и предстоят иереи, чтобы молитвы народа, как слабейшие, соединяясь с их, более сильными молитвами, вместе с ними восходили на небо. Если молитва церкви принесла пользу Петру и освободила этого столпа из темницы, то как же ты, скажи мне, пренебрегаешь ее силой? Подобно тому как сила любви не удерживается расстоянием места, так точно и действенность молитвы; но как первая соединяет стоящих вдали друг от друга, так и последняя может принести величайшую пользу находящимся в отдалении. Моисей, хотя и не

присутствовал телом со сражавшимися, однако несколько не менее, а даже гораздо более их оказал действия в этом сражении, простертием руки возбуждая силы своих и вселяя страх врагам. Никакой подвиг не может быть достаточно велик, если от него нет пользы другим. Хотя бы ты был постником, хотя бы спал на земле, хотя бы ел пепел, хотя бы непрестанно плакал, но если ты не приносишь пользы никому другому, ты не делаешь ничего великого; Моисей совершил много великих знамений и чудес; но ничто другое не сделало его столь великим, как следующие блаженные слова, сказанные им Богу: аще убо оставишь им грех, остави: аще же ни, и мя изглади (Исх. 32, 32). И Давид, показывая то же самое, говорил: аз пастырь есмь согрешивый и аз зло сотворивый, а сии овцы что сотвориша? Да будет рука твоя на мне и на дому отца моего (2 Цар. 24, 17). Велики, конечно, и эти деяния, и достойны жизни ангельской; но поступок Павла имеет большое преимущество и пред ними, так как он желал лишиться ради спасения других будущей славы. Между тем Иона за то, что искал собственной пользы, подвергся даже опасности смерти, и тогда как град стоял, сам он потопал в морских волнах. Итак, велики и другие подвиги и добродетели Моисея, но глава и венец этой святой души в том, что он желал быть изглашенным из книги за спасение иудеев. Но желание Павла превзошло в великой мере и это. Моисей хотел погибнуть вместе с другими, а Павел молился не о том, чтобы погибнуть с другими, а чтобы одному лишиться вечной славы, тогда как другие получают спасение. Итак, хорошо пользоваться молитвой святых, но под условием, если мы и сами бываем деятельны, а если этого нет, то не поможет нам и помощь других; напротив, мы и с нею погибнем. Какую пользу оказал Иеремия иудеям? Не

трижды ли он приступал к Богу и трижды услышал: не молился и не проси о людех сих, яко не услышу тя (Иерем. 7, 16)? Какую пользу он принес равным образом и израильтянам? Не говорил ли он: да не будет ми согрешити, оставити еже молитися о вас (1 Цар. 12, 23)? Не все ли они погибли? Послушай, что Бог говорит через пророка: аще станут Ное и Иов и Даниил, не избавят сынов своих и дочерей, так как преусилилось нечестие их (Иезек. 14, 14, 16). Что же? Ужели молитвы не приносят никакой пользы? Приносят и великую пользу, но тогда, когда и сами содействуем. И если хочешь знать, сколь великую приносят они пользу, вспомни Корнелия, Тавифу. Слушай, что Бог говорит: защищу град сей Мене ради и ради Давида раба Моего (4 Цар. 19, 34; Ис. 37, 35). Но когда? При праведном Езекии. В противном случае, т. е. если бы и молитвы великих грешников имели силу, то почему Бог не сказал того же и когда пришел Навуходоносор, но предал город? Потому, что усилилось нечестие. Равным образом тот же Самуил, молился об израильтянах, — и имел успех. Но когда? Когда и сами они были добродетельны, — тогда они побеждали врагов. Но зачем, скажешь, нужна мне молитва других, когда я сам благоугождаю Богу? Что говоришь ты, человек? Павел не говорил: зачем нужна мне молитва, хотя молившиеся не только не были достойны его, но даже и неравны, а ты говоришь: зачем нужна мне молитва? Петр не говорил: зачем нужна мне молитва, — ведь говорится: молитва бе прилежна бываемая от церкви к Богу о нем (Деян. 12, 5), которая тотчас освободила его из уз, — а ты говоришь: зачем нужна мне молитва? Потому она и нужна для тебя, что ты считаешь ее ненужной для себя. Если бы Бог испытал Своим судом нашу беспечность и небрежность во время молитвы, испытал, как мы, стоя пред Ним и умоляя Его, не воз-

даем Ему даже такой чести, какую оказывают слуги господам, воины начальникам, друзья друзьям, потому что, беседуя с другом, ты бываешь внимателен, а обращаясь к Богу с молитвой о грехах, прося снисхождения к великим своим прегрешениям, испрашивая себе прощение, бываешь рассеян и часто, преклонив колена на землю, позволяешь уму блуждать по площади и вокруг дома так, что уста твоя болтают зря и напрасно, — что случается с нами не раз, и не два, а сплошь и рядом, — если бы только одно это Бог захотел испытать, то получим ли мы прощение? Не думаю. Если же Бог испытает наши сладострастные лица и находящиеся у нас в душе дурные пожелания, которые возбуждаются скверными и нечистыми помыслами, происходящими от легкомысленного блуждания глаз, если выведет на суд те злословия, которыми мы ежедневно порицаем друг друга, неприличные пересуды, в которых мы осуждаем ближнего, не имея никакого дела, те коварства, которые мы учиняем против друг друга, хваля брата в его присутствии и беседуя с ним как с другом, а в отсутствии порицая, — неужели за это мы не должны дать ответ? А что сказать о зависти, которую мы часто питаем к людям достоуважаемым, — не только врагам, но и друзьям, — о том, как мы радуемся, когда другие терпят бедствия, и считаем чужие несчастья утешением в собственной беде? Если нам заповедуется воздерживаться от житейских благ и тогда, когда они есть, то как оказываемся мы жалки и несчастны, когда просим у Бога того, что Он повелел и имея отвергать? Если нам велено молиться не только за верных, но и за неверных, то подумай, сколь великое зло — молиться против братьев. Что ты делаешь, человек? Приходишь умиловать Бога, а просишь зла другому? Если ты не отпустишь, не отпустится и тебе; а ты не только

сам не отпускаешь, но еще и Бога просишь не отпускать? Если не отпускается тому, кто сам не отпускает, то как отпустится тому, кто еще и Владыку просит не отпускать? Если иметь врагов есть уже преступление, то подумай, какое преступление молиться во вред им. Ты должен просить прощения в том, что имеешь врагов, а ты еще обвиняешь их? И как ты можешь получить прощение, когда обвиняешь других, и при этом в такое время, когда сам нуждаешься в великой милости? Ты ведь приходишь молиться о прощении своих грехов: не припоминай же чужих грехов, чтобы не напомнили тебе твоих собственных. Если ты скажешь: порази врага, то заградишь этим свои уста и свяжешь себе язык, во-первых, потому, что в самом начале молитвы ты привел в гнев Судию, во-вторых, потому, что просишь совсем противоположной форме молитвы. В самом деле, если ты молишься об отпущении своих грехов, то как ведешь речь о наказании? Надлежало бы поступать совсем напротив — молиться и о врагах, чтобы с дерзновением молиться и за себя. Если ты будешь молиться о них, то, хотя бы о своих грехах ты и ничего не сказал, ты все исполнил. Итак, если нет ничего презреннее души, которая в молитве проклинает других, и сквернее языка, произносящего такие проклятия, то почему ты не стараешься всеми силами о том, чтобы не говорить на молитве ничего такого, что прогневляет твоего Владыку? Ты человек, — не изрыгай же яда аспидова. Ты человек, — не будь же зверем. Уста даны тебе не для того, чтобы уязвлять, но чтобы исцелять язвы других. Вспомни, говорит Бог, что Я внушал тебе: оставлять и прощать. А ты и Меня умоляешь быть твоим сообщником в нарушении Моих же повелений, и снедаешь брата, обагряешь кровию язык свой, подобно бешеным, которые своими зубами терзают свои же члены.

Подумал ли ты о том, как радуется и смеется диавол, когда слышит такую молитву? Подумал ли ты, напротив, как гневается, отвращается и ненавидит Бог, когда ты так молишься? Вспомни, человек, к кому ты приступаешь с молитвой о погибели врагов. Разве ты приступаешь к другому Богу? Ты приступаешь к Тому же, Который сказал: молитесь за врагов ваших (Мф. 5, 44). Как же ты вопиешь против них? Как просишь Бога, чтобы Он нарушил Свой собственный закон? Эта личина неприлична молящемуся рабу: всякий должен молиться не о погибели другого, а о собственном своем спасении. Для чего же ты принимаешь вид молящегося раба, а говоришь как обвинитель? При том, мы о себе молимся, то и почесываемся, и зеваем, и развлекаемся бесчисленными помыслами; а о погибели врагов молимся со всем вниманием. Так как диавол знает, что в это время мы поднимаем меч на самих себя, то он не развлекает и не останавливает нас, чтобы тем больше повредить нам. Но меня, скажешь, обидели и огорчили? Так молись о погибели диавола, который несравненно более всех обижает нас: он-то именно порождает и врагов. Если ты будешь молиться о погибели врагов, то будешь молиться молитвой, которой хочет диавол; напротив, если станешь молиться за врагов, то твоя молитва будет против него. Подлинно, он один — наш непримиримый враг; а человек, что бы он ни делал, остается нашим другом и братом. Итак, зачем же ты, оставив настоящего твоего врага, терзаешь собственные члены?

Итак, возлюбленные, зная это, постараемся поступать согласно заповедям и воле Господа, чтобы нам достигнуть и Царства Небесного, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава, со Отцем и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Архимандрит С п и р и д о н

ИЗ ВИДЕННОГО И ПЕРЕЖИТОГО

Свет и во тьме светит.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Решаюсь предложить редакции «Христианской Мысли» мои записи рассказов нашего русского инока-миссионера в Сибири о виденном и пережитом им на далекой окраине нашего отечества. Записи эти были сделаны мною со всюю точностью и с сохранением высокой, на мой взгляд, простоты повествования отца-миссионера. Последний не предлагал когда-либо опубликовать свои воспоминания и вообще не придавал им того значения, какое, по моему убеждению, этим воспоминаниям принадлежит бесспорно.

...В наше время точно разом пробудился интерес к религиозному опыту, к тому, как воспринимается религия сердцем человека, как влияют религиозные убеждения на его волю, как падают и поднимаются в человеческой жизни волны религиозного воодушевления. И для знакомства с этим опытом обращаются большей частью далеко назад и в сторону, тщательно изучают всевозможные фантастические повествования, делают выводы столь же решительные, сколь и не-

Из журнала «Христианская Мысль», 1917 г.

В данном издании печатается с сокращениями. — И з д.

обоснованные. В рассказах отца-миссионера перед нами выступает близкая нам жизнь, душа современно-го нам русского человека во всей сложности его религиозных переживаний. Достаточно сказать, что более десяти лет рассказчик состоял миссионером-проповедником в наших каторжных тюрьмах, объезжал их, беседовал с заключенными политическими и уголовными, умел понять сложность их духовной жизни, горячо полюбить этих обездоленных людей, что всего реже и дороже, привлечь их к себе, заслужить горячую любовь и доверие. Большая часть воспоминаний (пока, по крайней мере) относится именно к передаче драмы религиозного сознания, переживаемой нашими каторжанами. И если «Записки из мертвого дома» Достоевского приподняли край завесы над их душевной жизнью, то и воспоминания нашего подвижника-миссионера являются ярким свидетельством того, что всегда в душе человека сохраняется свет, который и во тьме светит. Большую ценность, на мой взгляд, имеют наблюдения отца-миссионера над жизнью и верованиями наших сибирских инородцев, над нашими русскими юродивыми и т. д. Словом, здесь, в этих воспоминаниях, выступает перед нами живая жизнь нашей родины, и притом нередко освещаются такие ее стороны, которые могут и не быть доступны нашему непосредственному наблюдению. Может быть, литературная обработка сделала бы этот материал привлекательно-интересным для читателя. Но я лично глубоко убежден, что безусловная точность передачи более соответствует важности и ценности наблюдений над жизнью человеческой души с ее религиозными переживаниями. Поэтому и рассказ весь я позволю себе вести от первого лица, как говорил рассказчик.

На землю я появился в 1875 году. Родители у меня были бедные крестьяне. Первых три года я не помню. Потом я почувствовал в себе влечение к одиночному созерцанию Бога и природы. Насколько припоминаю, меня уже с самого раннего возраста соседи считали каким-то странным мальчиком. Я чуть ли не с пяти лет начал сторониться своих товарищей по своему детскому возрасту и уходить в лес, бродить по полям, просиживать на полевых курганах, где отдавался размышлению о том: есть ли Бог, есть ли у Него жена, дети, что Он ест, пьет, откуда Он явился, кто Его родители, почему Он Бог, а не другой кто-либо, почему я не бог, что такое я, почему я хожу, киваю головой, говорю, ем, пью, сижу, лежу и т. д., а деревья, травы, цветы этого не могут делать. Больше всего на меня производили впечатление солнце и в ночные часы звезды! Я никак не мог понять, каким образом солнце движется.

Были дни, когда я так увлекался солнцем, что вечером, ложась спать, я думал: вот завтра как встану, то обязательно пойду туда, откуда оно появляется, только нужно ломоть взять хлеба и чтобы меня не видела мама. Не менее солнца меня сильно занимали и звезды. Я никак не мог понять, почему они только показываются ночью? Что они такое? Живут ли как люди или зажженные лампы? Особенно привлекал меня к себе Млечный путь. Однажды я от своего товарища мальчика услышал, что его учитель, который жил у них на квартире, как-то рассказывал его родителям, что солнце очень во много раз больше всей земли, а звезды тоже такие же большие, как наша земля и есть у них даже больше солнца, но нам они не кажутся такими большими потому, что они очень и очень

высоко от нас находятся. Этот мальчик своим рассказом до того меня заинтересовал, что я от сильного впечатления эту ночь всю напролет не спал; и рано утром, как только появилось солнце, я отправился к этому учителю. Учитель принял меня и когда узнал цель моего к нему прихода, то сейчас же начал мне рассказывать о земле, о солнце, о звездах и т. д.

Я как сейчас помню, с каким затаенным дыханием я слушал его, а минутами даже всхлипывал от каких-то торжественных радостных слез. Когда же учитель закончил со мною беседу о природе, я под впечатлением его рассказов отправился на свой огород, где росла конопля, зашел в самую глубь этой конопли и, пав на колени, начал молиться Богу. ... Молился так усердно, и с такими слезами, что у меня лицо опухло и глаза были налиты кровью. Через несколько дней после его рассказа я заболел и лежал в постели. Мама на меня после этой болезни стала смотреть с каким-то беспокойством.

Не знаю, сколько прошло времени, я уже стал учиться читать молитвы. Первая молитва была «Отче наш», затем «Богородице Дево», «Достойно есть» и т. д. Нужно сказать правду, что я с самого детства своего почему-то любил молиться без чтения молитв, и это чувство до сего дня меня не покидает.

В нашем селе были религиозные крестьяне, мама меня часто брала к ним. Эти крестьяне много, много моей детской душе доставили пользы.

Однажды как-то я услышал, не припомню, от кого, что на Троицу в Иерусалиме апостолы получили огненные языки с неба, сразу начали свободно говорить на разных языках. Эта весть до того меня всколыхнула, что я еще до восхода солнца отправился искать Иерусалим.

Отошел от своего села каких-нибудь верст пять, идет мне навстречу женщина с ребенком на руках, она спросила меня: «Куда ты, мальчик, бежишь?» Я остановился и вместо того, чтобы ответить ей на вопрос, начал сам ее расспрашивать, где находится Иерусалим и в какую сторону мне нужно идти, чтобы попасть в Иерусалим? Женщина смотрит на меня и улыбается, и я тоже смотрю на нее и жду, когда она мне скажет о Иерусалиме и о дороге, по которой я мог бы скорее добраться до него. Женщина сказала мне: «Я слышала, что Иерусалим находится в той стороне, где садится солнце». Я поклонился ей и отправился в ту сторону. Шел я больше всего чистым полем. Пришел в журавинский лес; вечером этого дня пошел сильный дождь, загредел гром, а я тогда сошел с дороги и присел под куст.

Наступила ночь. Хлеба у меня нет. Есть до смерти хочется. Утром, на следующий день, я встал и опять пошел по той же самой дороге искать Иерусалим. Только что стал подходить к лесу, как слышу, что кто-то вслед мне кричит: «Остановись, куда тебя чёрт несет?» Я как оглянулся, так и присел на месте. Это был мой отец. Он ехал верхом на белом коне, с плеткой в правой руке, во весь карьер мчался ко мне. Когда он поравнялся со мной, то слез с коня, закурил махорку, посадил меня на лошадь и сам сел на коня, и мы шагом отправились обратно домой. К вечеру того же дня мы были уже дома. Мама со слезами встретила нас. Отец привязал коня к плетню, с плеткой в руке вошел в избу и этою плеткою нарисовал мне на всем моем теле такие языки, что я две недели не мог даже с боку на бок перевернуться.

С этого года я начал учиться грамоте. Прежде всего меня учил один благочестивый сосед крестьянин Сергей Тимофеевич Тимошкин. Учился я плохо. Ду-

маю, что причиною этого была та же самая природа, в которую я весь целиком ушел тогда. Начал читать Псалтырь, Евангелие и другие книги.

На восьмом году моей жизни я начал ходить в школу. Школа для меня была настоящей тюрьмой. Меня, дикаря, посадили с такими же как и я ребятами, где я слышал визг, крик, какой-то для меня непонятный говор, все кричат, суетятся, так что я, сидя среди своих товарищей-детей, чувствовал себя очень и очень плохо.

Два года я ходил в школу. В это время я очень увлекался жизнью святых. Из всех святых на меня больше всего производили впечатление мученики и пустынножители, но между ними я почему-то очень много думал об Оригене. Не могу сейчас припомнить, почему Ориген так глубоко врезался тогда в мою детскую память. Я даже в то время однажды видел Оригена во сне. Он с котомкою на спине, длинноликий, безбородый, босой, с палкою в руках явился мне во сне.

В это время наш дом стали посещать монахи и монахини из разных монастырей, посылаемые по сбору. Между этими монахами, хотя редко, заживал в наш дом один крестьянин нашего села. Он временами юродствовал, а потом через некоторое время опять приходил в нормальное состояние. Этот полуюродивый крестьянин стал на меня своею, в высшей степени симпатичной, личностью сильно влиять. В один из летних вечеров я со своими овцами вернулся с поля домой. Вхожу в избу. Смотрю, в нашей избе сидит этот самый полуюродивый крестьянин. Я ему поклонился. Он подошел ко мне и говорит: «Пойдем в монастырь помолиться». Я согласился. Назавтра мы рано отправились в монастырь. К вечеру того же дня мы уже стояли в монастырской церкви. Нужно сказать правду, что на меня монастырь не произвел ни-

какого особого впечатления. Но вот, что на меня особенно произвело сильное впечатление, это лес, который кольцом охватывал этот самый монастырь.

Игумен этого монастыря особенно настаивал на том, чтобы я оставался в монастыре. Я послушался его. Первое послушание дали мне быть пономарем церкви. Я ревностно нес это послушание. Несмотря на то, что я каждый день находился в церкви, я все же для успокоения своей души уходил в лес и там молился. Так я прожил в монастыре два года. В один из последних дней монастырской жизни, сидя вечером в трапезе, я слышу, что читают житие святого Степана Пермского. Когда чтец начал читать о его миссионерской деятельности, тогда в душе моей вспыхнуло желание быть миссионером. Кончилась трапеза. Я пошел в келью. Спать не могу, сна нет. Вышел из кельи и пошел в сад. В саду я предался горячей молитве. Не знаю, просил ли я о чем Бога или просто изливал свои чувства перед Богом. Утром я пошел прямо не в келью, а пошел в церковь. Что со мной случилось, теперь трудно вспомнить, только я босой, без шапки, в одном подряснике оставил монастырь и прилетел домой.

Дома родители встретили меня с каким-то ужасом. Они никак не могли понять, почему я босой, без шапки из монастыря вернулся домой. Через два дня после моего побега домой игумен узнал, что я нахожусь у родителей дома. Игумен монастыря несколько раз посылал за мной, но я почему-то не вернулся в монастырь, а остался дома.

...В это время жил в нашем селе один крестьянин по имени Семен Самсонович. Всегда он при встрече первый снимал шапку и, низко кланяясь, приветствовал: «Раб Божий, Царство тебе Небесное». Этот Семен жил очень бедно. Когда он дочь свою выдал за-

муж, то гостей угощал одним хлебом и вместо водки иорданской водой. Никогда он никого словом не оскорбил; если кто-нибудь его ругал, или обзывал какими-нибудь нехорошими словами, он на все всем отвечал: «Раб Божий, Царство тебе Небесное». ...Как-то он зашел к нам в избу, говорили мы с ним о многом, наконец, он обращается ко мне со следующим призывом: «Пойдем, раб Божий, к Тихону Задонскому, он, авось, укажет тебе путь». Родители согласились меня с ним отпустить, и через два дня мы пустились в путь. Был великий пост. Шли мы четыре (...) Тихона Задонского мы с ним исповедовались, причастились. В этом монастыре был прозорливый иеромонах Иосиф. Зашел я к нему. Он Семена принял очень, очень хорошо, а мне сказал, что я через год буду на старом Афоне.

Когда мы вернулись обратно домой, то через неделю Семен опять, не говоря ничего своей жене, тайком отправился на богомолье в Киев. Это он уже одиннадцатый раз в своей жизни пошел в Киев на богомолье. Были даже такие случаи в его жизни. Вот кто-нибудь даст ему своего коня с сохой, чтобы он вспахал свою какую-нибудь десятину земли. Увидит он, что женщины-старушки потянулись на богомолье в Киев, останавливает их, спрашивает, куда они идут, слышит, что они идут в Киев к отцу Ионе, моментально оставляет чужого коня на поле и без всякой котомки отправляется с ними в Киев.

...Странное дело, в этом году я почувствовал сильное влечение к одной молодой девушке, но влечение это было чистое, для меня совершенно незнакомое. Тогда мне было тринадцать лет. Кроме этого влечения на меня напали богохульные мысли, все это на том же самом году моей жизни. Любовь к девушке долго не могла гореть в моей душе, она скоро во мне

угасла, но богохульные мысли совершенно измучили меня. Я от них лишился аппетита, сна, стал не по дням, а по часам сохнуть, и наконец слег в постель. Наступил Великий пост. Я от этих мыслей говеть боялся и так и не говел. Настала Пасха. На второй день Пасхи приходит ко мне тот же самый Семен и говорит мне: «Раб Божий Ягорий, Христос Воскресе! Царство тебе Небесное!» Я ответил ему: «Воистину Воскресе». — «Что ты заболел, — продолжал Семен, — пойдем скорее в Киев к святым угодникам, они нас ждут к себе в гости». — «Пойдем», — ответил я. Мама моя заплакала. Отца в этот день дома не было. «Раба Божия Пелагея, — обратился к моей маме Семен Самсонович, — отпускаешь ли ты сына своего к святым угодникам Христовым или нет? Чего ты плачешь? Нужно радоваться, что сын твой пойдет в Киев на богомолье». — «Я ничего не имею против этого, но он какой-то у меня странный, чего доброго сбежит он куда-нибудь, а тогда вечно его будем оплакивать. Вот отец придет, и мы тогда подумаем». — «Раба Божия Пелагея, — начал говорить Семен, — у нас у всех один Отец-Бог, мы только одному Ему должны служить и служить без всяких рассуждений».

Через час или два приходит мой отец домой немножечко выпивши. Мать ему передает, что я с Семеном хочу идти в Киев на богомолье, и что для этого дела нужно мне достать паспорт. Отец мой задумался, а потом, обращаясь ко мне, сказал: «Не знаю, что из тебя будет: одни тебя хвалят очень, а другие считают за сумасшедшего дурака. Я не знаю, что с тобой сделать. Сколько раз я тебя бил, оставлял без обеда, наказывал, но ты все делаешь по-своему. ...Если хочешь идти в Киев, то уж иди». Я возрадовался.

Дня через два мы отправились с Семеном в Киев. Нужно сказать еще и то, что Семен Самсонович шел

со мной в Киев без всякой котомочки и без посоха. Ему тогда было лет около шестидесяти.

Первый день мы мало говорили между собой. У него, я заметил, в этот день на душе была какая-то тяжелая мысль. На второй день он совершенно стал другим человеком, повеселел. «Раб Божий, — начал первый Семен, — тебе теперь сколько лет?» — «Четырнадцать», — ответил я ему. «Года идут, — начал говорить Семен Самсонович, — жизнь со дня в день все сокращается и сокращается, и не увидим, как приблизится конец земной жизни, а там уж Суд Божий. Я как-то слышал от грамотных крестьян, они читали святое Евангелие, где говорится, что праведники просветятся в Царстве Божиим, как солнце. Ах, ягодка моя, ведь это только надо подумать о их славе, каково оно будет! Я бы здесь на земле готов землю грызть, червям себя отдать, рабочей лошадкой быть, поганой собакой быть, лишь бы среди этих праведников быть. Люди этого как-то не понимают. Потом я слышал также, что грешники будут вечно мучаться в огне. Но это, как ни тяжело страдать в таких муках, еще не есть последнее наказание. Самое большое наказание это то, что Бог навсегда отвернется от грешников!» Семен заплакал. «Для меня муки не так страшны, страшно лишь то, что Бог лишит грешников Своей милости. Я как подумаю об этом, мне становится очень страшно. Я готов просить Бога не только о всех христианах, но и о тех, которые не крещены. Мне их всех становится очень жалко. Жалко мне евреев, татар, удавленников, самоубийц, жалко мне некрещеных младенцев, умерших; мне всех жаль, даже и диавола жаль. Вот, раб Божий, что я испытываю в сердце своем. Хорошо ли это или не хорошо, у меня такое сердце».

Слова Семена переворачивали все мое существо. Мне становилось как-то легко и светло на душе, я минутами плакал. Сердце мне наполнялось какой-то дивною невыразимою радостью.

«Семен Самсонович, — спросил я, — как мне жить, чтобы угодить Богу?» — «Вот я думаю, как ты теперь живешь и если так проживешь всю свою жизнь, то спасешься», — ответил мне Семен. «Ты знаешь, дедушка Семен, я от Бога ничего не желаю, даже и не желаю быть таким праведником, чтобы сиять подобно солнцу, но я желал бы всем своим существом любить Его так, чтобы больше меня никто не мог Его любить. Я хотел бы все забыть, забыть родителей, забыть дом, забыть весь мир, забыть и себя и превратиться в одну любовь к Нему. Пусть я и не наследую Царства Божия, пусть я никогда не увижу Христа на том свете, но я хотел бы быть не человеком, а одной к Нему любовью. Я, Семен Самсонович, как-то в лужках молился Богу и от этой молитвы я чуть не умер. У меня забилося сердце, я повалился на землю, в это время я не был собою, а был только одною дивною, как огонь, любовью. Вот такую любовь я и желал бы быть».

Семен Самсонович слушал меня. Наконец, солнце стало уже закатываться, и день стал вечереть, мы попросились у крестьянина, не помню какого села, переночевать. Крестьянин нас принял с ласкою, накормил, и мы под впечатлением дневного разговора долго не могли уснуть...

...Дедушка Семен встал рано, разбудил и меня. Хозяин нас накормил молоком, яйцами и мы опять пошли дальше. Семен опять вспомнил наш вчерашний разговор... «Вот, раб Божий Ягорий, ты вчера говорил о любви к Богу, да мне это было по сердцу; и что ж, если ты будешь просить у Бога такую любовь, Он ведь всемогущ, может тебе и даровать такую.

Ты только проси у Бога. А было ли тебе видение какое-нибудь?»

«Нет», — ответил я. «А ведь многим святым были видения», — сказал Семен. «Дедушка! Мне ведь ничего не надо, я очень хотел бы превратиться в чистую любовь к Богу. Меня больше всего влечет к этой любви то, что Сам Бог больше Себя любит Свое творение. Когда я вдумуюсь, что сколько на небе звезд, и на этих звездах тоже кто-нибудь живет, а посмотрю на землю, все зеленеет, цветет, птички радуются, поют, кузнечики трескочут! Да как же Его не любить! Вот почему я хотел бы превратиться в любовь к Богу». — «Да, дитя, любить Бога — надо отречься от себя. Говорят, что есть великие угодники Божии на старом Афоне, вот бы там привел Бог хоть раз побывать, а потом уж и помирать можно».

Я за эти слова сразу ухватился. Мне было очень интересно знать, где этот Афон находится, но спросить я его не мог, не мог потому, что я как-то еще не проник хорошенько в его слова. Я больше всего думал о любви к Богу. Мое детское сердце в это время от таких сладостных бесед горело сильною любовью к Богу.

Было около полудня. Семен был задумчив. Шли мы лесом. Семен взглянул на меня, вздохнул и сказал: «Сойдем с дороги в сторону и немножечко присядем, я устал». Свернули мы с ним с дороги и сели под дубом. «Ягорий, давай-ка помолимся Богу, Он ведь Отец наш», — сказал мне Семен.

Семен молился, стоя на ногах, а я встал на колени. Когда он запел своим старческим голосом «Отче наш» и пал на колени, тогда сразу же загорелось мое сердце какой-то необыкновенной любовью, точно как первый раз было со мной в лужках, слезы заструились из моих очей, обильный пот выступил на мне, и я не мог удержаться от того, чтобы утаить от Семена такое

состояние души моей. Чем дальше шел Семен, тем все более и более душа моя наполнялась пламенем неизреченной любви к Богу... Когда Семен кончил петь «Отче наш», я уже лежал на земле совершенно обессилевший и изнеможенный от огня, который горел в душе моей.

Через час мы встали и отправились дальше. Шли мы молча, но на душе у нас было спокойно. Уже солнце стало закрываться, а до ближайшего села еще было далеко.

«Семен Самсонович, — спросил я, — ты вчера говорил мне о старом Афоне, если ты знаешь, расскажи мне о нем». — «На Афоне живут одни святые, избранные рабы Христовы, — начал говорить Семен, — из них некоторые видели Матерь Божию, а другие до самой смерти своей видят и беседуют с Ней. Так мне передавали те, кто был на этой святой горе. Вот бы тебе, моя ягодка, отправиться туда! Я думаю, что ты там будешь». — «У меня, дедушка, паспорт только на три месяца дан, и денег только один рубель имею», — ответил я. «Ягодка моя, если угодно Богу, то Он все тебе даст, и ты будешь на Афоне. Ты помнишь, что сказал тебе отец Иосиф в Задонске? Он предрек тебе быть на Афоне. Афон — жребий Божией Матери. Ты будешь на Афоне и скоро будешь, так мое сердце говорит тебе». Я дольше не мог слушать его, я упал к ногам его и горячо стал просить его, чтобы он помолился обо мне Царице Небесной. Семен, видя меня лежащим у ног его, заплакал как ребенок и, поднимая меня, говорил: «Я верю, что в нынешнем году будешь на Афоне, но оттуда вернешься опять в Россию».

...На двадцать первый день мы уже вступили в Киев. Здесь меня особенно поразило лаврское пение. Мне казалось, если бы диавол хотя бы один раз заглянул

в Успенский храм этой Лавры, то он, услышав лаврское пение, покался бы!

...Семен мой, посетив все святыни города Киева и распростившись со мной, отправился обратно домой. Я остался в Киеве. Пробыв еще несколько дней в Лавре, я горячо помолился Господу Богу и решил пешком отправиться в Одессу, а оттуда на святой Афон. Это было в начале июня. Шел я больше по железной дороге, боялся заблудиться. Я чувствовал себя еще более глубоко утопающим в безбрежном океане любви, любви Бога ко мне. Нужно сказать еще и то, что любовь Божия ощущается только любовью сердца к Богу. О, как хорошо любить Бога! Я никогда не забуду этих золотых дней моей жизни! С самого раннего утра, еще до восхода солнца, отправляешься в путь. Сладко становится на душе! Пшеница, овес, рожь, как море, колышутся то в одну то в другую сторону, жаворонки поют, ласточки, как фейерверк, — возле и около тебя летают, и ты идешь, как властелин, переступая с ноги на ногу, по дивному, развернувшемуся перед тобой разноцветному ковру чудной, пахучей, мягкой зелени. Ах, дивны дела Божии! Были дни и ночи, когда я окончательно умирал от любви к Богу. Все частички души и тела моего были охвачены пламенем любви ко Христу моему. Одно слово «Христос», «Бог» делали меня новым существом.

В это время у меня было русское Евангелие. ...Читая эту книгу, я приходил в такое торжественное настроение души, что откладывал Евангелие и предавался молитве. О, как тогда был близок ко мне Христос! Я Его ощущал в себе, ощущал во всех формах природы. Все становилось Его храмом, Его обителью.

...Были дни, когда у меня от сильной любви к Богу прекращался аппетит, и я ничего не хотел ни пить, ни есть.

Эти дни моего путешествия в Одессу были самыми торжественными днями всей моей жизни. Были в это время и светлые ночи. Я неоднократно целые ночи проводил в торжестве духа. Ночевал я больше в поле.

Но вот я встречаюсь с полицией в одном каком-то местечке: меня пристав спросил, кто я и откуда, потребовал от меня вид. Когда он узнал, что я иду пешком на Афон, он так и покатился от смеха. Затем повел меня к себе на квартиру. Здесь вторично спросил меня то же самое. И уже не смеялся. Напоил меня чаем, дал двадцать копеек, и я отправился дальше. Помню, что до самой Одессы я не ночевал больше в домах, а все в поле. Нужно сказать, что я почему-то в эти дни стал избегать людей. По два, по три дня я ничего во рту не имел, но я чувствовал себя совершенно здоровым и сильным.

Через пятнадцать дней я наконец-то добрался до Одессы. Как только я стал подходить к Одессе и увидел море (я его никогда не видел), то душа моя опять забилась ключом радости. Я весь в слезах смотрел на море. И все время шептал: «Господи, Ты все можешь, проведи меня на Афон». Когда я вступил в город, то прежде всего стал расспрашивать: где Пантелеймоновское подворие? Мне указали, где оно находится. Когда я пошел на ту улицу, где находится подворие, то один бедняга увидел, что я деревенский мальчишка, схватил у меня мою последнюю шубенку и побежал от меня. Я ничего ему не сказал, хотя было и жаль шубенку. Прихожу на подворие. Монахи, видя меня таким замухрышкой, стали мною интересоваться, расспрашивать. Когда они узнали, что я хочу быть на Афоне, то одни смеялись надо мною, другие смотрели на меня как на ненормального мальчугана, только один из них меня приласкал, и сказал мне серьезно, что я как по своей крайней молодости, а затем как беглец от роди-

телей, хотя бы и имел деньги и документы, все равно на Афоне быть не могу. Эти слова монаха как громом сразили меня. Я заплакал. Настала ночь. Я от тоски пить и есть не мог. Когда все паломники улеглись спать, я из своей комнаты вышел и начал в молитве изливать свою тоску. На заре я пришел в ту комнату, где мне было отведено место среди паломников. Я лег спать. Во сне вижу икону святого мученика Пантелеймона. Утром встал и отправился искать в городе какую-нибудь себе работу. Все, к кому бы я ни обращался, смеялись надо мной, а слезы так и катились по моим щекам. Не помню, на какой улице подошел ко мне господин довольно прилично одетый и, видя, что я так сильно плачу, спросил меня: «Мальчик, о чем ты так плачешь?» Я рассказал ему все подробно: как я ушел от родителей, как я дошел до сего места и как я хочу быть на Афоне. Выслушав меня, господин ввел меня в свой дом, написал мне прошение на имя градоначальника Зеленого и велел мне взять свои документы, положить в это прошение свои документы и отправиться сейчас же к градоначальнику. Я так и сделал.

Прихожу к градоначальнику. Когда градоначальник Зеленый увидел меня, то засмеялся и тут же взял от меня прошение и начал его читать. После этого он позвонил по телефону настоятелю Пантелеймоновского подворья. Когда настоятель этого подворья явился к градоначальнику, то градоначальник указал на меня и велел ему отправить меня на счет монастыря на святой Афон.

Боже мой, какую радостью наполнилось сердце мое, и я не знал, как благодарить Господа Бога за Его ко мне великую милость. А паломники один перед другим спешили расспросить меня и удивлялись провидению Божию, совершаемому надо мной.

На следующий день я вместе с паломниками отправился в Константинополь. Море на меня мало произвело впечатления. Но вот на третий день, рано утром, я увидел город необыкновенной красоты — Константинополь. Меня особенно поразило его месторасположение и бесчисленное множество минаретов. В Константинополе мы пробыли пять дней и за это время обошли почти все святые места. Сильное, неотразимое впечатление на меня произвел Храм св. Софии. Здесь я плакал, но слезы мои были не чувством всеподавляющего страха, а величия святилища Господня. Я не скорбел, как другие, что этот храм стал мечетью, я с этим в душе своей мирился, зная, что и мечеть есть Храм Божий.

Наконец, наступил день нашего отъезда из Константинополя прямо на святой Афон. Ехали мы, приблизительно, несколько дней. Когда же стали подъезжать к Афону, я не мог равнодушно смотреть на это святое место: ноги мои дрожали, сердце билось... «Боже мой, — говорил я сам себе, — вот где живут святые! Вот где Царица Небесная появляется Своим праведникам, вот где почивает благодать Божия!»

Появились на нашем пароходе афонские монахи, стали нас приглашать к себе, я с другими паломниками отправился в Пантелеймоновский монастырь. Здесь мне не понравилось: монахи как-то холодны в своих между собой отношениях... Из этого монастыря я отправился в Андреевский монастырь и вот здесь мне очень понравилось.

Андреевцы почему-то обратили на меня свое внимание, особенно иеромонах Мартиниан, потом Иезекиль, Варнава и сам настоятель великий Феоктист. Этот Феоктист был величайшим монахом в своей святой обители. Этот-то Феоктист и принял меня в свою обитель.

...Когда я стал числиться послушником этой святой обители, когда стал исполнять клиросное послушание, то душа моя как будто стала пополняться чем-то светлым, добрым и святым. Я ежедневно ходил к отцу Мартиниану и открывал ему все мои мысли и чувства. Молитва во мне в то время очень сильна была. Каждый день я как будто бы развивался, рос, совершенствовался, расширялся.

Скоро я заболел ангиной, меня несколько раз сам настоятель отец Феокист посещал, больного. Через две недели я поправился. Скоро после болезни меня отправили в Константинополь. Здесь я был некоторое время поваром и, в то же время, учил греческий язык.

В Константинополе меня монахи тоже любили и любили горячо. Здесь я часто ходил по разным святым местам. Один раз я отправился в Софию и там встретил кучку мулл. Эти муллы обступили меня, и два из них хорошо говорили по-русски. Я вступил с ними в дружескую беседу. Они мне сказали, что здесь, в сем храме когда-то гремели речи Иоанна Златоуста. Эти слова турецкого муллы так сильно на меня подействовали, что я с самого этого момента почувствовал какое-то тяготение к проповедничеству. Я горячо просил Господа Бога и Царицу Небесную, чтобы я был проповедником.

С этого времени я начал читать Священное писание, святоотеческие книги, творения отцов Церкви. Более других отцов я любил Оригена, Василия Великого.

В Константинополе я прожил несколько лет. Затем вернулся опять на Афон. И здесь опять стал предаваться подвижнической жизни. В этот раз под день Святой Троицы, после долгого стояния церковной службы, я уснул и вижу очень реальный сон. Вот перед моими глазами разворачивается какой-то дивный сад, изрытый грядами, и эти гряды, подобно волнам,

одна за другой тянутся цепью. На этих грядах растут дивные цветы, а между ними ходят мужчина и женщина, и они к каждому цветку подходят и, наклоняясь над ним, поют: «Рай мой, рай мой». Я проснулся и почувствовал, что я где-то был. С этой минуты я трое суток не ел и не пил, а только от какой-то внутренней радости беспрерывно плакал. Отец Мартиниан, видя меня в таком состоянии духа, радовался.

...Так я прожил некоторое время на Афоне. После сего моего пребывания там настоятель решил отправить меня в Петроград, тоже на подворие. В Петрограде я случайно познакомился со старшим келейником митрополита Палладия. Он меня представил митрополиту, а последний, на свой счет, отправил меня в Сибирь в Томск к епископу Макарию, а епископ Макарий — к начальнику Алтайской духовной миссии.

Из Петрограда я не сразу поехал в Сибирь, а сначала посетил родителей, затем снова вернулся в Петроград, и уже после этого отправился в Томск.

Родители мои были очень и очень обрадованы моим приездом. Они уже и не знали, что и думать обо мне. Когда я первое письмо послал им с Афона и они его получили, то, говорили они мне, все-таки веры у них не было, что я на Афоне. Не поверил этому и нашего села священник. И вот Бог привел свидеться...

Мама моя очень хотела, чтобы я побывал у «дяди Максима», как звали одного крестьянина, почитаемого в окрестности за святого и прозорливого. К нему в П. съезжалось и приходило множество народа, и ни с кого он не брал денег. Я относился к предложению мамы с каким-то недоверием, но заинтересовался и на следующий день, с одним крестьянином, отправился к этому дивному Максиму. Как только я вступил в его

избушку, я увидел что-то поразительное. Максим стоял на коленях и подняв свои руки к небу, кричал: «Откуда пришел ко мне сибирский миссионер! Ах, Боже мой, сибирский миссионер! Дивны дела Божии! Степан, Степан Пермский пришел ко мне!» Максим поднялся, бросился ко мне и начал целовать меня...

...«Слушай, батюшка, — обратился ко мне Максим, — в то время, когда Господь поставит делать дивные дела Свои, тогда помяни и меня грешного. Ты знаешь, здесь прославится имя Христа, здесь будет место свято. Ах, Боже мой, Боже мой. Вот беда, нет теперь христиан: вот горе, почти все стали врагами Христовыми (сам плачет). Евангелие поругано, да, поругано. А ты, батюшка, будешь миссионером и будешь в Сибири. Туда и родителей своих приведешь. Ах, дивны дела Божии! Говорят, я сумасшедший, а ведь без сумасшествия не взойдешь в Царство Божие. Я, батюшка (падает сам на колени и молится), видел в лесу Святую Троицу в виде трех световидных, подобно солнцу, воинов, препоясанных солнечными лучами. Дивны дела Твои, Господи! (Максим рыдает.) Вчера я видел Петра и Павла, апостолов Христовых. Они, они, батюшка, открыли мне о тебе, и вот ты, батюшка, будешь их дело делать. Господи, Господи, Господи! Дело Божие вручается человеку». Максим становится передо мной на колени, а я упал перед ним, как перед Самим Господом, и мы оба подняли такой плач, как будто над каким-нибудь только что умершим другом. А толпа, пришедшая к Максиму, при виде нас плачущих, и сама пришла в сильное рыдание. «Я просил Бога и святых апостолов, чтобы они сохранили тебя, да, чтобы сохранили. На тебя сатана собирает, батюшка, всю свою рать и хочет погубить тебя, но я молился, и твоя мама тоже молится Христу. Затем, батюшка мой, диавол, как я слышал, будет

всю жизнь преследовать тебя. Вот будут дни, когда, батюшка мой, будет страшная война, весь мир будет воевать, а ты из Сибири поедешь туда и будешь на войне. Война — это суд Божий. Это еще не последний суд Божий. Суд этот над христианами за то, друже мой, что они попрали святое Евангелие (Максим рыдает). А что будет, батюшка, после войны, я тебе пока, батюшка, не скажу...»

После этих слов Максим сразу же загрустил и ушел в себя. Минут двадцать он совершенно молчал, а я не сводил с него своего взора. После этого молчания, Максим обратился к толпе и стал говорить какими-то несвязанными афоризмами.

В тот же день вечером я отправился домой. Максим произвел на меня такое сильное, неотразимое впечатление, что я ушел от него точно совсем другим человеком. Когда я приехал домой и рассказал обо всем услышанном и увиденном, то мама моя прямо сказала, что Максим «предсказывает чистую правду».

Через дней восемь я отправился один в лес, так называемый Высоцкий. В этом лесу, в самом уже конце к западу, присел отдохнуть. Слышу шаги, оглянулся... Максим шел ко мне. «Друг мой, я здесь искал ослиц, а нашел тебя. Ты знаешь, я полюбил тебя. Пойдем в следующий лес». Пошли. «Смотри, батюшка, все дела Божии дивны, о, дивны! Вот лес, ручейки текут, цветы цветут, трава зеленеет, птички поют, и все это — дела Божии!» Когда мы вошли в глубь леса, Максим пал на землю, простер свои руки к небу и запел: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас». Когда он запел третий раз, я повалился на землю и лишился сознания. Не знаю, долго ли я находился в таком состоянии, но когда пришел в себя, то увидел, что Максим стоит на том же самом месте с воздетыми к небу руками. Он что-то шептал...

Начал я с ним молиться. О, эти минуты никогда не изгладятся из моей памяти! Когда молитва была закончена, Максим взглянул на меня и опять сделал несколько поклонов. После этого мы сели, помолчали, а затем начал говорить Максим. «Без молитвы все добродетели — точно без почвы дерева. Ныне нет молитвы в жизни христиан, а если и есть, то жизнь она в себе не имеет. Христос Сам молился больше всего на горах, на горных вершинах, где кроме Него одного больше никого не было. Христианин, друже, есть человек молитвы. Его отец, его мать, его жена, его дети, его жизнь есть один Христос. Ученик Христа должен жить только одним Христом. Когда он так будет любить Христа, тогда он обязательно будет любить и все творение Божие. Люди думают, что нужно прежде любить людей, а потом и Бога. Я и сам так делал, но все было бесполезно. Когда же начал любить Бога прежде, тогда я в этой любви нашел и своего ближнего, и в этой же самой любви к Богу всякий мой враг делался мне другом и человеком Божиим. Первая самая форма любви к Богу есть молитва. В настоящее время повсеместно христиане настроили множество храмов, стали грамотными и учеными, а живой молитвы нет. Вот в чем великая беда. Молитва делает человека евангельским человеком, человеком Христовым. Если бы христиане знали силу молитвы, то они переродились бы. Я ведь мало знаю грамоты, а молитва учит меня, как мыслить, как говорить и делать. Ты, друг мой, знавал Семена Самсоновича. Его молитва переродила и какой он был великий человек. Мы часто в лесу с ним молились. Но одной молитвы мало. Нужно за Христа ежедневно умирать. В этой смерти жизнь христианина. Так дух мне говорит: нужно за Христа умирать. Мы еще живем, и жизнь наша есть точно младенческое состояние души.

Зрелость ее — смерть и смерть ради Христа. Когда ученики умирали за Христа, тогда они вкушали настоящую жизнь, и эта жизнь для них так сладка, что они забывали страдания и самую смерть. Я, юродивый Максим, и говорю, что без юродства нельзя Царствия Божиего наследовать».

«Дядя Максим, ты помолись за меня Богу, чтобы я любил Бога больше самого себя. Я хотел бы быть одною чистою любовью ко Христу своему. Я ничего от Бога не хочу, одного только, чтобы беспрестанно любить Его до полного самозабвения». Так я молил Максима.

...Стало уже темно, нужно было идти домой. «Скажи мне, дядя Максим, — обращаюсь я к нему на прощание, — что мне делать, чтобы быть любовью ко Христу?» — «Я тебе сказал уже, а теперь и еще скажу: будет время, когда Сам Бог укажет тебе, что нужно делать. Так дух во мне говорит: ради Христа на всё будь готов. Кто во Христе, для того нет страдания и смерти». После этого Максим простился со мной и пошел еще дальше в глубь леса, а я отправился домой. (...)

...Приблизилось время моего отъезда из дома. Я отправился на ближайший вокзал. Только что выехал из ближайшего села, как увидел ожидавшего меня Максима. Максим, уже в полном смысле этого слова, юродствовал. И в движениях, и в словах это был совсем не тот человек, каким я его встречал несколько недель назад в лесу. Говорил он отрывисто, речь свою он пересыпал рифмами, понять его было очень нелегко.

Я весь путь плакал. Его слова хотя и были непонятными, но имели какую-то остроту и с необыкновенной силой проникали в мою душу. Когда мы стали

подъезжать к вокзалу, Максим, не простившись со мной, побежал в поле и лес...

Простившись с родителями, я отправился вновь в Петроград. В Петрограде я поселился в Андреевском подворье на Песках. Здесь жить было очень тяжело от обид певчих, но я терпел. Случайно познакомился со мною келейник митрополита Палладия и, не знаю почему, спросил меня, не пожелаю ли я ехать в Сибирь миссионером. И вот 30 ноября, в день Андрея Первозванного, рано утром зовут меня к митрополиту. Являюсь. Митрополит расспросил меня кое о чем и предложил ехать в Сибирь, к томскому епископу Макарию. Я согласился. Тогда митрополит дал мне письмо Макарию и деньги на проезд. Я так и ахнул: вот что, значит, Максим предсказывал! ... По железной дороге мне пришлось ехать только до Омска, а оттуда на лошадях, так как сибирская железная дорога только строилась.

Епископ Макарий принял меня необыкновенно радушно и ласково. Прожил я у него недели две и вынес самое лучшее впечатление. А на второй день Рождества отправился в Бийск к епископу Мефодию.

Дорога в Бийск, верст 700, была очень тяжела не столько трудностью пути, сколько нравственными соблазнами. Но Бог хранил меня и, я думаю, по молитвам епископа Макария.

Очень и очень радушно встретил меня епископ Мефодий. У него я прожил, без определенного дела, до 17 мая, а с этого дня меня взяли в качестве псаломщика, который ежегодно ходил с иконой мученика Пантелеймона по окрестным селам и городам Бийского округа. Священником тогда, в крестном ходе, был дивный и благочестивый простой батюшка, отец Иван Тамаркин, мордвин по происхождению. С ним-то я и отправился.

Под Троицын день видел я такой сон, который произвел на мою душу очень сильное впечатление. Снилось мне, что я в петроградском Исаакиевском соборе. У левого клироса ко мне подходит апостол Петр и шепчет на ухо: «Отныне будешь говорить все Божественное». А апостол Павел в монашеском клобуке, с тихой улыбкой благословил меня, но ничего не сказал. Я, когда утром поднялся с постели, то почувствовал необыкновенную радость в себе.

И с этого самого дня я начал говорить проповеди! Проповеди мои казались настолько сильными слушающим, что съезжались слушать их окрестные священники, старообрядцы. Я казался им какой-то загадкой. Многие спрашивали меня, где я учился. Бог свидетель, что с этого дня тысячная толпа следовала по нашим пятам. Бывало еще так: утром народ уже покрывал какой-нибудь покат горы, и ждал от меня слышать Слово Божие. Бывали и такие случаи, что в вечерние часы народ в большом количестве ожидал моего появления, и после трех-четырёх проповедей приходил в такое сильное рыдание, что мне самому становилось жутко. Многие женщины при всем народе говорили свои грехи, и народ следовал их примеру. Священник местный тут же разрешал им грехи, а на другой день причащал Святым Тайнам. Бывало, что на таких местах строили часовни и даже храмы.

Три года, изо дня в день, с мая месяца и по первое октября, я говорил проповеди в Томской губернии. Некоторые священники были недовольны, но большая часть из них меня любила. Епископ Мефодий в это время был моим руководителем, наставником и благодетелем. Многим я ему обязан...

Кроме участия в крестном ходе, еще я ездил с отцом Михаилом на Алтай. Алтай на меня произвел сильное впечатление. Здесь мне пришлось не раз

слушать славного миссионера и поучиться у него самому.

На третий год епископы дали мне полномочие повсеместно говорить проповеди. Но я на время вовсе лишился проповеднического дара.

Случилось нам отправиться в небольшое село, и мне отвели квартиру в доме одного купца, у него была дочь, молодая девица, прекрасная, как ангел. Здесь диавол поверг меня к своим ногам. Я пал с девицей. Не знаю, как это случилось. Она много плакала о своей невинности, но я чуть не умер. Мне казалось, что все погибло, что я погубил ее и сам погиб. Родители узнали, но нам ничего не говорили. И как ни сильно было мое раскаяние, страсть была еще сильнее. Я теперь, грешным делом, думаю: не было ли это делом самих родителей. Я решил жениться на ней. Но Бог судил иначе: она простудилась и от воспаления легких умерла. С этого времени исчезла сила моих проповедей, и оставила меня самая молитва и любовь к Богу. Я много об этом скорбел, тосковал, молился, но уже не было прежних сил духовных. И я решил отправиться паломником во Святую землю.

На пути в Палестину я заехал к родителям, которые уже готовились к переезду в Сибирь, в Барнаульский уезд. Посетил я по пути своих друзей в Константинополе и на Афоне и съездил на поклонение св. Спиридону Тримифунтскому в город Керено. Горячо я молился у мощей угодника Божия. Настоятель показал мне лицо святого, я держал его руку. Рука его была мягкая и гибкая, борода почти вся выпала, ротик немножечко приоткрыт, цвет лица землистый. Две недели я прожил здесь среди природы и дивной красоты.

Наконец, приехал и в Палестину и ровно два месяца прожил в Иерусалиме; несколько раз побывал у гроба Господня и гроба Божией Матери, и путешествовал

по окрестным святыням Господним. У гроба Господня я чувствовал себя очень и очень нерадостно. Я первый раз в жизни увидел такую страшную торговлю святыней Христовой. Что ни шаг паломника, то деньги, деньги и деньги... Греки внушают паломникам, что если у кого дети умерли не крещенными или родственники тяжкие грешники, убийцы, то для искупления их душ необходимо здесь, при гробе Господнем, отслужить Божественную литургию, так называемую «разрешительную». «Эта литургия и от всех грехов разрешает», — увещают греческие монахи наших русских паломников. И те верят и платят по 25 рублей за имя. Литургию в это время служит какой-нибудь епископ и, во время Великого Входа, поминает этих покойников и читает разрешительную молитву. Это на меня произвело очень тяжелое впечатление. Такое же впечатление производит ужасная торговля священными предметами. Здесь целые кадки, нагруженные маленькими флакончиками с миром от святителя Николая, кресты и иконки из Мамврийского дуба и пр. и пр. Монастыри, со всеми их святынями, отдаются в аренду. Торгуют греки всем, что только можно: гробом Господним, Таинствами Церкви, святыми мощами, торгуют Самим Христом...

Но если у гроба Господня меня так сильно оттолкнула эта торговля святыней Христовой и безнравственная жизнь монахов, то великую радость и утешение доставило мне поклонение тем святым местам, которые отмечены Евангелием. Побывал я на горе Елеонской, в Вифлееме, видел Иордан, Мёртвое море, Генисаретское озеро; ходил в Назарет, видел Фавор, был на том холме, на котором, по преданию, Христос произнес Свою великую проповедь нагорную.

Из всех святых мест, больше даже самой Голгофы, на меня произвело самое сильное впечатление то мес-

то, на котором, по преданию, Христос молился в Гефсимании. Здесь я горячо плакал! Слава Богу, хоть здесь я как следует помолился. А то тяжело и грустно было на душе...

Встретил я в Палестине одного еврея, принявшего христианство. С ним мне много привелось говорить о Христе. Его радости после крещения не было границ. Родом он был из России и сюда приехал поклониться Господу. Сам из мастеровых. Этот еврей до слез поражал меня своей любовью ко Христу. Он никогда не мог пройти мимо палестинских евреев, чтобы не остановиться и не проповедовать им Христа. Евреи его ругали, в лицо плевали, отталкивали, а он, как агнец кроткий, утирал лицо своим рукавом и продолжал им благовествовать Спасителя. Его вера была живой, всезахватывающей, он весь дышал Христом, Христос для него был Все. Но Христос его был словно не вселенский, а израильский. Я должен сказать правду, что я даже немножко ревновал Христа к этому еврею. Еврей так любил Христа, что он целовал землю, которая была поблизости той или иной святыни. Последние дни моего пребывания в Иерусалиме я почти не расставался с этим евреем.

«Вы знаете, господин, — говорил он мне, — я Бога нашел, и мне теперь ничего не надо. Я очень жалею своих евреев, которые не poznали Христа. А ведь Он-то и есть истинный Мессия! О, ослепление Израиля! (Плачет.) Лучше бы ему совсем исчезнуть с лица земли, чем лишиться спасения во Христе. Я как уверовал, так мне больше ничего не надо. Пойду только домой и родителей жены непременно приведу ко Христу. Вы знаете, — продолжал он, — я чувствую теперь себя совершенно другим человеком. Смерти я не боюсь, и сердце мое отдано одному Христу. Ах, почему евреи не верят во Христа! Нас с пеленок учат нена-

видеть Христа как самого страшного врага нашего народа».

Еврей этот был редким христианином. В нем я заметил слияние двух чувств ко Христу: религиозного, любви к Нему как к Господу и Спасителю, и национального, любви к Нему как к еврею. Еврей много влияния оказал на мою душу в Палестине. Мое сердце вновь вспыхнуло любовью ко Христу, жадной мне самому любить Его и любить бесконечно.

Из Палестины я снова приехал в Киев и решил отправиться в Хиву и Бухару. Я мечтал о проповеди христианства в этих магометанских странах. Но в Хиве я прожил несколько дней, а в Бухаре месяц. В Бухаре я познакомился с одним английским миссионером, который там жил уже несколько лет. Этот миссионер жаловался мне на то, что среди магометан очень невосприимчива почва для проповедания Евангелия. Я решил возвратиться в Сибирь, и скоро меня уже в Чите принял в по-отечески раскрытые объятия епископ Мефодий.

В Чите я пробыл несколько недель и был назначен владыкой Мефодием в миссионерский стан Иргень псаломщиком, а через год владыка опять прикомандировал меня к крестному ходу, где я и возобновил свою проповедническую деятельность. С этим крестным ходом мы впервые вступили на каторгу. С этого времени я каждый год стал посещать каторгу и без крестного хода. И не только каторжные, но и другие тюрьмы Забайкальской области. Весь год мною делился на три периода: на участие в крестном ходе, на миссионерство и на посещение каторги.

Хотя и в этом году мои проповеди привлекали массу народа, но все-таки эти забайкальские проповеди, по моему личному сознанию, никак не могли быть

сравнены с томскими. Не чувствовал я в себе уже прежние силы...

Здесь, в Забайкальской области я больше, чем когда-либо прежде работал над собою при помощи и руководстве епископа Мефодия. Этому человеку я почти всем обязан. Но здесь же, живя сначала в Иргени, я живо осознал для себя опасность оторваться от Бога и погрузиться в земную суету. Сама суровая природа содействовала такому моему грустному настроению, наполняла мою душу тяжелыми думами. Душа моя нередко изнемогала и жалостно рыдала во мне. Один как-то раз в Иргени я молился на берегу озера и здесь же уснул. Во сне мне явился отец Иоанн Кронштадтский и исповедовал меня. После этого на душе у меня словно стало легче. Но все-таки я не знал полного мира души. Больше всего меня внутренне терзало мое участие в крестном ходе. Не говорю уж о многих со-блазнах во время этих путешествий, которые нелегко было преодолеть. Но главное то, что моя религиозная совесть была непокойна.

...Два года ходил я с крестным ходом светским, и истомилась душа моя. К концу второго года я вновь решил жениться на одной гимназистке лет восемнадцати. Нужно сознаться, что я мало ее любил, но она мне нравилась. О своем намерении я сказал владыке, и он согласился на это. Но у владыки была дивная старушка-мать, она упростила своего сына, чтобы он не давал мне своего благословения на брак. Так и вышло. Утром владыка Мефодий согласился на мое вступление в брак, а вечером того же дня сказал мне, что он не для того меня готовил, но для Церкви Христовой. «Знай и помни, — сказал владыка Мефодий, — что я никогда не дам тебе моего согласия на брак». Я подчинился епископу, но заскорбел еще больше прежнего.

...Теперь, когда я вспоминаю тяжесть пережитого мною года, то всем сердцем сознаю, как близок я был к бездне совершенного отчаяния...

На двадцатый день моего отчаяния я травлюсь. Слава Богу, отравление оказалось не смертельным. Когда я пришел в себя, когда сознание вернулось ко мне, когда я осознал весь ужас моего греха, то совесть стала страшно мучить меня, и я решил исполнить волю моего епископа. Вскоре после этого епископ Мефодий постриг меня в монашеский чин в Читинском архиерейском доме. И случилось так, что епископ постриг меня не в малый чин иночества, но в большой (схиму), и это случилось не по его желанию, а просто по ошибке: диакон как раскрыл перед владыкой требник, так епископ и начал читать молитвы, которые оказались молитвами большого чина иночества. Вскоре после этого меня рукоположили в диаконы, а через несколько дней в иеромонахи...

*

С инородцами я начал знакомиться тогда, когда был псаломщиком в Иргенском стане. В ближайšie улусы я ходил пешком, но когда в отдаление приходилось отправляться, то, как обыкновенно ведется среди миссионеров, брал пуда три-четыре сухарей, перекидывал мешок с сухарями через спину лошади, садился на коня и отправлялся по улусам. Так я ездил к бурятам, тунгусам, ороченам. Приходилось и переводчика брать с собой. Сначала в своей миссионерской деятельности я хотел как можно больше крестить... Но потом во мне произошел какой-то большой поворот. Дело было так. Заехал я однажды к одному буряту в юрту переночевать. Смотрю, в его юрте среди многих бурханов, стоит икона Божией Матери с Младенцем в руках.

«Ты крещеный?» — спрашиваю его. — «Да, — отвечает, — крещеный». — «Зачем же ты имеешь в своей юрте много бурханов? Тебе нужно иметь только одни иконы и молиться Богу истинному Иисусу Христу». — «Я, бачка, так и делал прежде, молился только вашему русскому Богу. Но потом у меня умерла жена, сын, пропало много коней. Мне сказали, что это наш старый бурятский бог шибко на меня стал сердиться и вот, что он мне сделал: жену умертвил, сына тоже, коней угнал. Я стал теперь и ему молиться и вашему русскому Богу. Знаешь, бачка, это шибко тяжело и больно мне теперь стало на душе, что я променял своего бога на вашего нового». Сказав это, бурят заплакал. Мне стало до боли жалко его, а вместе с ним стало жалко и всех, ему подобных. Я сразу как-то понял, что значит обокрасть духовно человека, лишить его самого для него ценного, вырвать и похитить у него святое святых, его природное религиозное мировоззрение, и взамен ничего ему не дать, за исключением разве лишь нового имени и креста на грудь. Тот бурят, с которым я говорил, представился мне самым несчастным и жалким человеком в мире: лишенный прежней религии и брошенный на произвол судьбы. С этого дня я дал себе слово, что крестить инородцев я не буду, а буду им только проповедовать Христа и Евангелие. По моему убеждению, так обращаться ко Христу, как поступили наши миссионеры с бурятами, это значило бы прежде всего являться палачом душ человеческих, а не Христовым апостолом.

Большие трудности я встретил и на пути проповедования Евангелия буддистам. Как-то я заехал в один из монастырей буддийских. Шеретуй принял меня очень ласково. Но так как было уже очень поздно, то шеретуй беседу нашу отложил до утра. На следующее утро, в сопровождении самого шеретуя, я отправился

в их кумирню. Монахи-ламы были уже там на своих местах. Со мной рядом сел шеретуй. Я начал свое благовестие с того, как Бог сотворил мир, как Он послал Сына Своего Единородного в мир ради спасения человечества. Как Господь смирил Себя, быв послушен воле Отца Небесного, как Он страдал, воскрес, вознесся на небо и опять придет судить живых и мертвых. Затем я перешел на Его святое учение и особенно остановился на нагорной проповеди Христа. Как мне казалось, ламы с затаенным дыханием слушали меня. Окончив свою речь, после маленькой паузы, я уже думал уходить, но вижу, поднимается один из них, делает мне поклон, становится среди своих единоверцев и начинает говорить целую речь, обнаруживая гораздо большие познания, чем я мог предположить. Не могу со всею сложностью передать его слов, так как речь его была пространна, и я был тогда очень потрясен и взволнован. Но вот, что приблизительно он говорил: «Господин миссионер, вы изложили нам вашу христианскую религию, и мы с большой любовью слушали вас и каждому слову вашему внимали. Теперь мы просим послушать и нас, язычников, некультурных людей. Да, господин миссионер, действительно христианская религия самая высокая, общемировая. Если бы и на других планетах тоже жили подобные нам разумные существа, то и они иной лучшей религии не могли бы иметь, чем христианская. Потому что христианская религия не от мира, а Божие откровение. В христианской религии нет ничего человеческого, тварного, она есть чистая, как слеза или кристалл, мысль Божия. Мысль эта есть Тот Логос, о котором Иоанн Богослов говорит, что Он плотью стал и стал воплощением Бога. Христос и есть Воплощенный Логос. Его учение показало миру новые пути жизни для человечества и явилось для него откровением Божией

воли. Воля же эта в том, чтобы христиане жили так, как жил Христос. И учение Христа было эхом Его жизни. Но посмотрите сами, господин миссионер, посмотрите беспристрастно, живет ли мир так, как учил Христос? Христос проповедовал любовь к Богу, к людям, мир, кротость, смирение, всепрощение. Он заповедовал за зло платить добром, не собирать богатства, не только не убивать, но и не гневаться, хранить в чистоте брачную жизнь, а Бога любить больше отца, сына, матери, жены, даже больше себя самого. Так учил Христос, но не такие вы, христиане. Вы живете между собой как звери какие-либо кровожадные. Вам стыдно должно было бы быть и говорить о Христе, у вас рот весь в крови. Среди нас нет никого по жизни хуже христиан. Кто здесь больше всего плурует, развратничает, хищничает, лжет, воюет, убивает? Христиане — они первые богоотступники. Вы идете к нам с проповедью о Христе, а несете нам ужас и горе. Я не буду вспоминать инквизиции, не буду говорить о том, как с дикарями поступали христиане. Я вспомню недавнее время. Вот начала строиться Великая сибирская дорога. Она, как вам известно, проходит около нас. И мы радовались, вот, мол, русские внесут в нашу дикую, некультурную жизнь свет и любовь христианской жизни. Мы с нетерпением ждали, когда дорога пройдет к нам. И дождались, к ужасу и горю своему. Ваши рабочие приходили к нам в юрты уже пьяные, спаивали бурят, развращали наших жен, среди нас самих появилось пьянство, грабежи, убийства, драки, ссоры, болезни. У нас до той поры не было замков, потому что не было воров, тем более не было убийства. А теперь, как наши буряты вкусили вашей культуры и узнали, в чем, по-вашему, жизнь настоящая, то мы уже и не знаем, что с ними делать. Да сохранит нас Аббида и Мойдари от таких христиан! Такие же

и ваши миссионеры. Они сами не верят в то, что проповедуют. Если бы они верили в это и жили так, как Христос учил, то им и проповедовать не нужно было бы и некому: мы все бы приняли христианство. Ведь дело сильнее слова. Как бы мы в самом деле остались во тьме, если бы возле себя увидели свет? Вы напрасно думаете, господин миссионер, что мы такие невежды, что не знаем, где и что такое добро и зло. Но мы боимся, чтобы от вашего христианства нам не стать еще хуже, чтобы совсем не озвереть. Мы видели ваших миссионеров таких, которые любят деньги, курят табак, пьют и распутничают, как наши плохие буряты. А таких миссионеров, которые бы подлинно любили Христа больше себя, таких мы не видели. Ваши священники говорят, что они от Самого Христа получили власть прощать грехи, очищать души, изгонять нечистых духов, исцелять всякую болезнь в людях. А вы, христиане, не только не показываете нам этой своей власти, чтобы все злое, нечистое, уродливое отсекал, очищать и врачевать, но вы своею жизнью только заражаете язычников. Нет, господин миссионер, сначала пусть сами христиане поверят своему Богу и покажут нам, как они Его любят. Тогда и мы, может быть, примем вас, миссионеров, как ангелов Божиих и примем христианство».

После этого лама сел, а я все время сидел, как сам не свой, как громом пораженный. Если бы шеретуй не предложил мне подняться, я бы не сошел с своего места. В жизни не переживал я такого жгучего стыда и обиды за христианство, как во время этого разговора и после него. Я простился с шеретуем, сел на своего коня и поплелся куда глаза глядят. Был я еще светским в то время. Уехал я с самой тяжелой думой о себе, своей жизни, о современных христианах во-

обще. Как мне ни было больно и обидно, но я признавал, что во многом буддийский лама был прав...

«Что же это такое, — думал я, — неужели врагами проповеди о Христе являемся мы сами — христиане? Неужели наша жизнь позорит в мире христианство?» Я остро чувствовал, что и действительно, жизнь моя идет вразрез с Евангелием.

...Один как-то раз я отправился на реку Витим, где кроме бурят я встретил и орочен. Ороченые еще менее культурны, чем буряты. По-видимому, кроме охоты они ничем больше не занимаются. Образ жизни у них кочевой. Прежде они еще имели оленей, но уже в то время, когда я был у них, олени вымерли. У орочен нет даже юрт, а они имеют какие-то мешки, сшитые из звериных шкур, шерстью вверх, и сшиты эти мешки не нитками, а жилами тех же зверей. Раньше ороченые имели лишь кремневые ружья, а теперь большей частью имеют и винтовки. Говорят, эти винтовки они получили после того, как свою старую шаманскую веру оставили и приняли христианство. Сколько я встречал орочен, они уже все были крещены и, большей частью, при епископе Мелетии. Говорили мне, что не одною проповедью о Христе привлекали этих чад природы в Церковь, но и земными соблазнами. Когда мне лично пришлось столкнуться с ороченными, то я убедился, что они какими язычниками были до крещения, такими и остались до сего дня. Вина, по моему, в этом случае падает прежде всего на наших миссионеров. Первою их целью являлось не то, чтобы просветить этих бедных, обездоленных людей светом Христова учения и утвердить пастырским подвигом в христианской жизни, но то, чтобы как можно больше крестить и через число крещеных выдвинуться перед своим епархиальным начальством, заслужить его благоволение.

Очень меня интересовали учителя буддизма на нашем Севере. После того случая, о котором я рассказал, мне не раз приходилось встречаться с ламами, они нередко поражали меня оригинальностью своих религиозных взглядов и широтой образования. Некоторые из них и университет кончили. Припоминаю один свой разговор с одним начитанным ламой. Этот лама хорошо познакомился со мной, когда я уже два года был иеромонахом. Однажды он спрашивает меня: «Почему все гении человечества пантеисты, т. е. ближе стоят к нам — буддистам, чем к христианской вере теистической? Таковы древнегреческие философы и новейшие немецкие». Я отвечал на этот вопрос, что по-моему, человек не может жить без религиозной веры и если он не познал истинного Бога, то ему ничего не осталось более, как обоготворить природу. У гениального человека особенно велик соблазн творить и религию и самого себя, как бы не противопоставлять себе Бога и не преклоняться перед Ним. «А вы, дорогой лама, как вы сами думаете о Христе?» — «Я думаю, — ответил он, — что Христос и Будда два брата, только Христос будет светлее и шире, чем Будда. Если бы все люди были чистыми буддистами, — продолжал лама, — они спали бы спокойно; а если бы все люди были чистыми христианами, то они вовсе бы не спали, а вечно бы бодрствовали в несказанной радости, и тогда земля была бы небом». — «О, — воскликнул я, — как вы, мой друг, рассуждаете! Почему же вы не крестились?» — «Дело, — отвечал он, — не в купели, а в преобразовании самой жизни. Что пользы, если вы, русские, считаете себя христианами? Вы извините меня, если я скажу, что вы, русские, не знаете Христа и не верите в Него, а живете такую жизнью, что мы, дикари, сторонимся вас и боимся порой, как заразы...».

ПО ТЮРЬМАМ

Начну свое описание с Читинской тюрьмы. Здесь, после моего рукоположения, я числился даже тюремным священником. Эта тюрьма была как последний переходный пункт, из которого уже отправляли арестантов на каторгу.

Как только я сблизился с арестантами, так сразу понял, что для этого элемента необходима с моей стороны исключительная любовь к ним. Эта любовь должна была быть искренняя и деятельная. Без нее лучше и не знакомиться с этим миром. Мир этот слишком обижен судьбой, слишком озлоблен на всё и на всех и, чтобы его вывести из этого состояния, священнику необходимо стать, и стать твердо, обеими ногами на почву деятельной любви к ним. Горе тому тюремному священнику, который предпочитает тюремное начальство арестантам.

И вот когда я сблизился с этим миром, когда я до самоотрешения полюбил их, о, тогда я увидел, что и для меня этот мир широко, настежь открыл собственную душу и даровал мне полную свободу во всякое время заглядывать в самые затаенные уголки их интимной жизни! Нужно сознаться, что этот преступный мир, по моему личному опыту, вынесенному из моей тюремной практики, далеко идеальнее, нравственнее и даже религиознее, чем мы, свободные граждане свободного мира. Через мои руки прошло около двадцати пяти тысяч, которых я не раз исповедовал, причащал, убеждал проповедями своими изменить жизнь, быть верными сынами Евангелия и т. д. Среди них были замечательные типы. О них-то я сейчас и намерен сообщить вам, тем, кто интересуется психологией преступника.

В Читинской тюрьме я встретил одного арестанта, осужденного лет на десять на каторгу.

«Я, — говорил арестант, — кончил духовную семинарию, хотел поступить в университет, но мои родители (священник) были совершенно против того, им хотелось, чтобы я женился и скорее шел бы на приход, так как у моего отца, кроме меня, были еще дети, их-то и нужно было, так сказать, поднять на ноги. Долго я сопротивлялся родителям, но наконец решился подчиниться воле их.

Я женился на дочери одного протоиерея. Жена моя оказалась чистой, невинной голубицей. Однажды она как-то в шутку сказала мне: «Я тебя не люблю и не знаю, как я вышла за тебя». Я эти слова принял в шутку и мы посмеялись тут же, и совершенно без всякого подозрения с нашей стороны одного к другому. Случилось же быть в это время в нашем доме и слышать этот шуточный разговор одной маленькой, так лет восьми, девочке, дочери нашего волостного писаря. Эта девочка, когда вернулась домой, то передала своей маме, а мама своему мужу, волостному писарю. На второй день после этого разговора я поехал к своему архиерею просить себе прихода и назначить день моего рукоположения в диакона. Возвращаюсь домой, жену дома не застаю. Пошел в сад — и там ее нет. Отправился в церковь, где предполагал ее встретить. Действительно, я ее нахожу возле церкви, сидящей в церковном палисадничке на скамейке с братом этого нашего писаря. И когда я подошел к ним, она как будто смутилась, подала мне руку, но не встала мне навстречу. Сердце у меня забилося. Слова ее, дня три назад сказанные мне в шуточной форме, теперь прорезали мне все мои мозги и встали передо мной во весь свой рост. Я минут через пять позвал ее идти домой. Она как будто нехотя пошла со мной.

Я ждал, может быть поинтересуется моей поездкой к епископу, но она ни слова. Вот, думаю, я поехал к архиерею, чтобы как-нибудь устроить свое гнездышко, обеспечить куском хлеба и себя, и ее, может будут дети, возрастить и воспитать их, а тут я заподозреваю другое дело, дело совершенно разрушающее всю мою жизнь. Я был в этот день мрачен. Вечером лег я спать. Она легла от меня особо. Мысль блеснула в моей голове: осмотри ее белье. Я, как хищник, подкрался к ее кровати, и к своему ужасу убедился в своих подозрениях. Можете себе представить, до какого исступления я дошел. Я сейчас же отправился в дом этого писаря, зарезал его брата, изуродовал его, взял топор, отрубил своей жене голову, рубил ее до тех пор, пока она не превратилась в какую-то страшную кровавую грязь. Но с каким удовольствием я всё это проделал! Я еще такой радости никогда не переживал, какую я переживал в это время, когда убивал свою милую. Когда же перестал рубить свою жену и оглянулся назад, то возле себя я увидел ее, склоненной на колени в молитвенной позе, стоящей на окровавленном полу нашей спальни. Тогда я, как сумасшедший, выбежал на улицу и закричал, что я убийца, зарезал двух человек. Меня в это время схватили, осудили, и вот я иду на каторгу лет на десять. Жизнь моя — сплошное нравственное мучение. Я весь искалечен нравственно. Временами не хочется верить себе самому, что именно я это сделал. Принимался молиться, но молитва из преступной души не вытекает чистой, прозрачной. Как бы, батюшка, вы помогли мне». — «Сын мой милый, я слезно молю тебя, исповедуйся, и так исповедуйся, чтобы после этой исповеди у тебя ни одного греха с самого твоего детства не было. На самых же страшных постыдных грехах, тобою сделанных, ты нарочно остановись и передай их священнику. Затем причины

твоего греха перенеси лично на тебя и переноси, как на сознательно тобою созданную причину этого греха. И ты, мой дорогой, сразу почувствуешь от такой исповеди облегчение. Затем, кроме сей исповеди, я горячо прошу тебя предаться сердечной горячей молитве. Прodelай так недели две и увидишь, что с тобой будет». Арестант дал слово, что две недели непременно будет исполнять мой совет. Через дней пять я его пожелал видеть. Отправился в тюрьму. Встречаю его. «Что, мой дорогой, чувствуешь?» — спросил я его. «Хорошо, сладко, но очень тяжело исполнять ваш совет». Я начал его целовать, просить, умолять, чтобы он продлил еще свой подвиг, он согласился. На следующее воскресенье, во время моей проповеди я заметил, что он сильнее других рыдал. Мне было его жаль. Кончилась литургия, я позвал его в алтарь. Он сразу отказался войти в алтарь, сознавая себя очень большим грешником, наконец, я попросил его еще и он тогда вступил в алтарь, и здесь, делая поклоны, сильно зарыдал. Я его обнял, стал целовать и утешать его милосердием Божиим. Арестант бросился мне на шею и, увлажняя меня слезами, говорил: «Ах, батюшка, как мне стало хорошо, как мне стало легко на душе. Позвольте мне на следующее воскресенье исповедоваться и причаститься Святых Таин. Еще я прошу у вас Святое Евангелие».

На следующее воскресенье этот арестант явился ко мне такой веселый и жизнерадостный, что я его сразу даже узнать не смог. Он мне на исповеди со слезами исповедал, что ему в сию ночь явилась во сне жена его и сказала ему: «Я тебя прощаю, только об одном прошу тебя: веруй и люби Господа нашего Иисуса Христа».

Ради Божией любви к кающимся грешникам, я его причастил в алтаре, и он от избытка радости и во-

сторга душевного два дня плакал. После этого он стяжал такое большое уважение среди арестантов, что они почитали его за высоконравственного своего товарища. Радовался и я за него и радовался искреннею радостью, как за человека, вернувшегося ко Господу.

*

Это был старообрядец. Прежде он смеялся над другими арестантами, что они любили меня и шли на мои проповеди, которые были мною введены кроме праздничных дней еще и два раза в неделю. Он им часто говорил: «Вот ваш спаситель идет, идите слушайте его». Один раз как-то я его встретил и, кажется, спросил его о чем-то, он плюнул, отвернулся от меня и произнес по моему адресу такое милое словечко, что мне было страшно стыдно. Но я заинтересовался и подумал: «Посмотрим, что сильнее, — зло или добро, ненависть или любовь».

Недели через две он, бедный, заболел. Я стал его посещать. Он удивился, что я стал посещать раскольника-арестанта. «Чего ты меня, батюшка, посещаешь, или хочешь в Никоновскую веру меня обратить?» — «Нет, мой друг, я этого дела не преследую. Для меня важно то, что ты сын Божий и образ и подобие Божие». — «Правду ли ты это, батюшка, говоришь?» — «Да, мой друг, чистую правду говорю». — «О, Боже мой, я — арестант — погибающий человек, от злобы даже иногда ругал Бога, и вот ты говоришь, батюшка, что я сын Божий». При этих словах арестант уткнул свою голову в подушку и как ребенок плакал. Я схватил его голову, начал его целовать и вместе с ним так же плакал, как и он.

«Милый батюшка, — слышались слова арестанта, — прости меня Христа ради. Я ведь вас также все

время ругал, что вы представить себе не можете. Как, батюшка, я выздоровлю, то буду ходить на ваши проповеди и другим говорить о вас. Боже мой, я — сын Божий! Да оно, может быть, и буду, когда покаюсь, а теперь я ужасный грешник. Вы знаете, батюшка, я восемь душ убил, с матерью жил, с животными совокуплялся, с сестрою жил, из одной церкви вашей святые дары выбросил собакам, крал коней, две церкви спалил, насиловал женщин, детей — вот какой я грешник!

Я это невольно как-то открыл вам себя. На меня вы очень подействовали тем, что во мне, в таком великом грешнике и последнем арестанте, вы нашли человека, и какого человека — сына Божия! Вот что меня тронуло до глубины души! Все нас презирают, все на нас смотрят как на какие-нибудь отбросы, да и мы сами ненавидим иногда себя, и вот вы находите нас совершенно другими. Вы знаете, батюшка, как нам легко чувствуется, когда нас считают людьми; да и на самом деле, звери мы что ли, мы люди, и зачем нас презирают? Ах, батюшка, если бы к нам относились так все люди, если бы они так любили преступный мир, как относитесь вы к нам, поверьте, преступного мира не было бы на земле, ведь зло побеждается только добром. Я беру в пример хотя бы самого себя, я ведь с детства почти ни от кого доброго слова не слышал: отец у меня был пьяница из пьяниц, мать предавалась развратной жизни, и вот я, из жалости к ней, после смерти моего отца, сам стал заменять его по отношению к своей матери и опустил так, что стал грешить даже с животными. Один раз мне так было тяжело, что я взял веревку в руки и хотел удавиться, но товарищ спас меня от этой ужасной смерти. Встретился я как-то раз с одним благочестивым своим начетником, разговорился с ним между прочим, я заговорил о

грехах, покаянии, он мне и говорит: если бы у нас было священство, то покаяние как таинство могло бы иметь силу. Тут-то у меня и явилась мысль: пойду, мол, в один из ближайших наших монастырей православных, покаюсь, и, может быть, Бог меня простит. Через неделю я отправился в монастырь Сергиеву пустынь. Начал уже каяться священнику, да и скажи ему на духу, что я, мол, батюшка, раскольник, а он давай меня тут же в церкви срамить, ругать, называть меня врагом Христовым, беспутным человеком и т. д. Я как стиснул зубы, да и закатил его по макушке. Ох, как я тогда озлобился! С этого дня я решился, как говорят, на все, и вот с того времени прошло пятнадцать лет, и я все эти годы не выхожу из человеческой крови. Что же, посижу я здесь, и, может быть, как-нибудь освобожусь, и опять придется взяться за то же самое ремесло». Арестант замолчал. Молчал и я. После большой паузы, арестант вскинул свой взор на меня и спросил: «Батюшка, вы можете меня исповедовать и причастить Святым Тайнам? Только бы так, без всякого присоединения». — «Когда желаешь, сын мой, — ответил я, — я всегда готов это для тебя сделать». Арестант бросился лицом в подушку и весь затрясся от рыдания.

Через несколько дней я его исповедал и причастил Святых Таин. Можете себе представить, какое ликующее состояние духа было у этого арестанта! Через недели две он вторично пожелал исповедаться и причаститься Святых Таин. Как мне было радостно видеть его всегда молящимся со слезами!

Встретил я здесь одного раскольника-арестанта, который почти при каждой встрече со мной улыбался и, вынимая из своего кармана затертое Евангелие, спрашивал, что нужно делать ему, чтобы унаследовать Царствие Божие? Я всегда ему говорил: «В Боге и в ближнем через деятельную любовь к ним все святое обретешь. Ты, родной, люби Бога и человека так, чтобы, как будто не живешь, а живет только один Бог и твой ближний».

«Я, батюшка, вот уже семнадцать лет живу в тюрьмах, а теперь сослан на каторгу... Хотел бы я, батюшка, побеседовать с вами. Я попрошу вас, батюшка, прийти ко мне».

Через две недели арестант-раскольник с Евангелием в руках опять подошел ко мне, и взяв у меня благословение, доложил мне, что на днях попросил начальника тюрьмы, чтобы его посадили в одиночную камеру. Действительно, его просьбу тюремное начальство удовлетворило. Я приезжаю на днях после этого в тюрьму, надзиратель тюрьмы уведомил меня, что меня желает видеть арестант, помещенный в такой-то одиночной камере. Я пошел к нему. Арестант-раскольник с величайшей радостью принял меня к себе в гости. Сели мы с ним на пол.

«Батюшка, что-то я чувствую, что жизни мне осталось недолго. Я хочу вам открыться, и вы, только вы один, будете знать обо мне. Родом я из Москвы. Был я человек богатый. Женился, детей у нас не было. Познакомился я со старообрядческим епископом святым Мефодием, которого, батюшка, правительство заточило куда-то в Сибирь. Я хотя и беспоповец, но этот епископ на меня очень сильно повлиял. Я как поехал от него, то решил себе на уме беспрестанно читать

«Отче наш». Сперва мне было очень трудно, а через месяца два я так свыкся с «Отче наш», что спал и шептал эту дивную молитву. Заразил я этой молитвой и свою жену. Легко и радостно было нам на душе.

Пронеслась славушка о Льве Николаевиче Толстом, поехал я к нему. Он меня принял. Я рассказал ему свою жизнь, а он улыбнулся, да и говорит мне: «Не имей себе наставника никого, Христос пусть будет твоим наставником; купи Святое Евангелие и учись от Него». Я поехал от него радостно настроенный. Через месяц я рано утром поехал в Тулу к одному приятелю. Возвращаюсь домой, дома у меня все благополучно. Дня через три я от одного товарища возвращался домой, слышу в доме крик, вбегаю, слышу крик в спальне жены. Смотрю, жена стоит с разрезанным сердцем, а возле нее стоит мой знакомый, который все время ухаживал за моей женой. Он хотел на ней жениться, но она его не любила и не вышла за него замуж. Он же, несмотря на то, что уже был женат, имел четверых детей, все же за моей женой ухаживал.

...Когда я увидел такую кровавую драму, то ужаснулся. Убийца же пал к моим ногам и попросил у меня прощения. Я сразу хотел его убить, но как вспомнил Христа, то сказал ему: «Иди и больше этого не делай», — а сам пошел в полицию и заявил, что убил жену. После этого меня судили и посадили в тюрьму. В московской тюрьме я просидел недолго, меня перевели в Тюмень. Там я просидел четыре года. Из Тюмени меня перевели в Красноярск. В тюрьме случилось убийство. Я принял его на себя. Теперь меня через вашу Читинскую тюрьму переводят на каторгу. Знаете, батюшка, свидетель Бог, как я люблю своих братьев-арестантов. Все они как ангелы Божии и Христос непременно их спасет. Когда будет страшный суд, то Христос скажет всем арестантам: узники Мои, стра-

дальцы Мои, меньшие братья Мои, идите ко Мне, Я для вас особую обитель у Отца Моего уготовал, она создана из ваших страданий и горячих слез, просветитесь же, как солнце, в Царствии Небесном Отца Моего! И все арестанты возрадуются и вечно восторжествуют в Царствии Агнца Божия». (Арестант закрыл свое лицо Евангелием и заплакал.)

«Какое же у тебя настроение душевное бывает?»

«Батюшка, я бы всех любил, всем все прощал и за всех людей страдал бы вечно. Я думаю, отец, это молитва меня переродила, я ведь на воле таким не был».

«Бывает ли у тебя когда-либо печаль на сердце?»

«Нет, никогда. Когда совесть перед Богом чиста, тогда на душе свет радости не гаснет. Теперь я кроме «Отче наш» еженедельно по вторникам умственно читаю: «Ты мой, я Твой, спаси меня!» Я ведь, батюшка, не открылся тебе, если бы ты не трогал мое сердце своими проповедями. Они очень действуют на наши сердца... Арестанты куда хотите пойдут за вами, хоть в огонь. Полюбил я вас, батюшка, у меня есть к вам просьба: вы исповедайте меня и причастите, я еще в жизни своей не причащался». — «А может быть, ты, сын мой, хочешь и миропомазание чтоб я над тобой совершил?» — «Хорошо, я буду очень вам за это благодарен».

В той же камере одиночной я его миропомазал, на второй день исповедал и причастил его Святых Таин. Через неделю я опять его причастил. Он со слезами просил его еще причастить Святых Таин. Я его удовлетворил. После этого я его потерял.

Через год я, посещая Нерчинскую каторгу, нашел его больным в Алгачинском тюремном околотке. Здесь часа два я беседовал с ним. Он был очень доволен моим приездом. Через месяцев шесть я снова посетил эту тюрьму, и вот на третий день моего пребыва-

ния в этой тюрьме, меня пригласили арестанты к умирающему сему блаженному арестанту. Когда я пришел к нему, он от радости приподнялся и, осенив себя крестным знамением, сказал: «Вот и я, батюшка, через час оставлю землю». Минут через пять он сидеть уже не мог, лег на постель, что-то шептал. Затем вскинул свой взор вверх, сказал: «Открылись небеса, вот снисходит ко мне Матерь Божия и с Нею множество Святых. Ты, батюшка, видишь?» — спросил у меня умирающий. «Нет, дитя мое», — ответил я ему. «Вот и Христос Царь славы появился на облаках и снисходит к нам».

При этих словах все части тела его пришли в какое-то живое движение. С правой стороны он не сводил своих глаз. Мне стало очень жутко. «Господи, — воскликнул умирающий, — я бы хотел еще ради других христиан страдать на земле, но да будет так, как Ты хочешь, Господи! Этого батюшку спаси». Минута, и его не стало на земле. О, какой был плач по нем арестантов! Я его никогда не смогу забыть. (Он еще заживо два видения видел, о чем мне поведал на исповеди.) Да дарует ему Господь и по смерти тот дар, который он имел еще на земле, чтобы мог он и теперь помогать нам грешным нести тяжелый крест на земле.

В моей тюремной практике таких типичных христиан встречалось очень мало, но есть. Эти типы поистине являются особыми избранниками Божиими! Для них нет жизни, кроме Христа одного. Сколько они перенесли всяких мук, страданий всякого рода, притеснений, и во всем этом они кроме утешения, радости, какой-то духовной услады ничего не видели...

Арестантка. «Батюшка, я до безумия мучаюсь, страдаю душой, вся моя жизнь перевертывается вверх дном. Я уже вас проклинала и ругала ваши проповеди, что вы со мной сделали? Зачем вы всю мою душу всколыхнули, а? О, я великая грешница! Господи, помоги мне, облегчи все мои страдания! Смерть моя, где ты? Господи, спаси меня грешницу».

Я попросил ее успокоиться, и она, когда пришла в себя, начала рассказывать мне свою жизнь. «Родители мои, — так начала она свой рассказ, — были люди зажиточные. Нам жилось хорошо. У родителей нас было пятеро: три сына и две дочери, и я была самая младшая. Бог наградил меня умом и красотой. Еще в шестом классе гимназии я была помолвлена уже за одного студента врача. Два года мы жили хорошо, затем мы разошлись. Он очень был ревнив, хотя отчасти был и прав. Лесть мужчин скоро свела меня с пути честной жизни. Когда мы разошлись, то я не пустилась открыто в проституцию, а решила под другим флагом предаваться страстям. Я выстроила в Москве гостиницу, где вербовала молодых подростков и девочек и занималась живым товаром. Прежде я их жалела, мучилась за них совестью, но потом с годами я всем этим пренебрегла и преспокойным образом вся ушла с головой в это ужасное ремесло...

...Да, батюшка, как еще Бог терпит грехам моим. Я более чем двести невинных подростков растлила, выбросила их за борт жизни, да тридцать браков разбила, двух девушек отравила и одну замучила до смерти. Чего только я ни делала, ах, тяжело даже подумать. Наконец я решила на еще одно ужасное преступление: убить своего любовника, чтоб он больше никому не достался. Любовник мой был семнадцати-

летний гимназист. За него-то и попала на каторгу. Я спокойна была до сей Читинской тюрьмы. Но когда послушала ваши проповеди, то теперь места не могу себе найти. Совесть ожила во мне, поднялись, как тени, все мною замученные девушки, глядят на меня, и взоры их настолько страдальчески-грустны, что они невыносимо больно насквозь прожигают меня как самой острой, тонкой докрасна раскаленной проволокой. Милый батюшка, что же я теперь должна делать, чтобы хоть немножечко облегчить мое душевное состояние?»

«Вот что, голубушка. Чистосердечно покайся, так, чтобы с самого раннего возраста вы могли бы припомнить, и всё, что есть у вас на душе, должны перед Богом высказать, и высказать до самого последнего греха. Как бы вам ни было стыдно и больно, вы все-таки должны будете это сделать. Затем, чем для вас исключительнее кажутся по своему преступлению грехи более других тяжелые, постыдные и мерзкие, тем внимательнее вы должны на них остановиться, дабы они духовнику были совершенно известны. Это пока первое для вас лекарство. Второе: прочтите все Святое Евангелие два раза, и третье — утром и вечером молитесь так: «Господи, спаси меня грешную». Молитесь не много, но горячо, а потом посмотрим».

Через две недели я зашел к ней. Она немного стала лучше себя чувствовать. Решилась на мои советы. Исповедовалась, но от причастия я ее еще удержал. Удержал, не ради того, что я ее считал недостойной, а ради того, чтобы опостоянить в ней духовное настроение. Душа женщины не так глубока, как душа мужчины, и поэтому я решил закрепить в ней сознание греховности. После этого купил ей Евангелие и просил ее, чтобы прочла она два раза и так же молилась Богу.

Недели через две я зашел к ней. Она была веселой, спокойной, но на душе ее чувствовалось еще что-то. Настал воскресный день. Я нарочно подыскал для нее Евангелие о блуднице, умывшей ноги Христа. Послал за ней, чтобы она сегодня была в церкви. Она пришла. Евангелие было мной прочитано. Бог мне помог на евангельскую тему о всепрощающей любви Христовой произнести сильную проповедь. Арестантки плакали, плакала и она. В заключение своего слова, я велел арестанткам встать на колени, стал и я, и обратясь к местной иконе Спасителя, воскликнул: «Господи! вот и эти узники, из них есть и такие, как и та блудница, до Твоего появления перед ней грешила, продавала душу и тело миру сему, предавалась разврату, но до тех пор, пока не знала Тебя и не увидела Тебя, вселюбящего Спасителя падших грешников. Как только Ты показался ей, так она уже лежит у ног Твоих и горячими слезами вымаливает у Тебя прощения себе. Господи! оглянись и на этих узников, ведь и они льют слезы на Твои для нас незримые ноги, будь милостив, открой всепрощающе уста, скажи всем им: «Чада моя, прощаются грехи ваши за вашу любовь ко Мне».

Церковь рыдала, а бедная арестантка лежала без чувств, как мертвая. Кончилась литургия. Арестантка все никак не могла успокоиться.

Через дня три после воскресенья я опять зашел к ней. Она со слезами встретила меня и передала мне, что, читая Святое Евангелие, она чувствует какое-то тяготение к Богу, перед Которым ей хочется излиться в слезах покаяния.

После этого дня я был командирован на каторгу. Через месяц, когда вернулся в Читку, нахожу ее в весьма угнетенном состоянии духа, она думала, что я больше не вернусь в Читку. На следующий воскресный

день я еще раз исповедал ее, а потом и причастил ее Святых Таин.

...Она так радовалась, что даже после этого часто говорила мне: «Я еще в жизни такого дня не переживала».

*

Во время моей духовной беседы из толпы арестантов вдруг я слышу: «Хорошо вам, сытому, одетому в енотовую шубу, разводить нам мораль, вы бы обратились к начальству вашему, чтобы оно хоть кормило нас лучше». Я, не обращая внимания, продолжаю свою беседу. Только кончил, как слышу, арестанты окружили этого бедного арестанта и уже поднимают кулаки на него. «Что вы, друзья, делаете?» — крикнул я. «Как он смел оскорбить вас, батюшка», — раздались голоса. «Мы его сейчас поучим», — повторили арестанты. «Дорогие мои, если бы он мне сказал какое-нибудь оскорбление, ведь он только на днях пришел в тюрьму нашу, меня мало знает, а быть может, приходилось ему в жизни сталкиваться со священниками». — «За них-то я вот и осужден на каторгу», — со слезами ответил арестант, который корил меня во время моей духовной беседы. Я подошел к этому арестанту и при всех поцеловал его и поблагодарил его за прямолинейность.

Видя мой поступок к оскорбившему меня, по их понятию, арестанты были совершенно обезоружены против него, а на меня смотрели как на дурака. Арестанты разошлись по своим палатам, а я отправился домой. Этим арестантом я заинтересовался.

На следующий день я приезжаю в тюрьму и хотел видеть его, но его не было ни на моих духовно-нравственных беседах, ни в этот вечер на всенощной. Уже

через три недели я случайно встретился с ним во дворе тюрьмы. Я его остановил. «Как, друг мой, поживаешь?» — «Ничего, хорошо», — нехотя ответил арестант. «Мне хотелось бы с тобой поговорить и вообще по душе побеседовать». — «Да и мне, батюшка, хотелось поговорить с вами, да как-то стесняюсь». Мы условились с ним встретиться в церкви. Наступил день праздничный, отслужил я им обедню, позвал арестанта того в алтарь, и когда все вышли, мы приступили к взаимной беседе.

«Скажи мне, друг, за что ты обвинен?» — «Ах, батюшка, тяжело мне даже об этом говорить, — начал арестант. — Я был учителем. Воспитание получил православно христианское. От пеленок был религиозным. Начал я увлекаться социалистическими идеями. Познакомился я с некоторыми немецкими социалистами. Нужно сознаться, что социализму настоящему чего-то недоставало существенного. В нем не было христианской души, если позволите так выразиться. Меня крайне поражало то, что он, этот современный социализм, имел притязание заменить собой христианство. Это меня как-то отчасти удерживало от него. Вы знаете, все вожди и глашатаи социализма, они страшные враги христианства. Когда я ездил в Германию и некоторое время жил там, я вынес очень горький осадок относительно нашего русского государственного и церковного строя. На Страстной неделе Великого поста, я пришел в церковь и пожелал в Великую пятницу исповедоваться и причаститься Святых Таин. У нас было два священника. Я подошел к протоиерею. Ничего не подозревая, начал ему исповедоваться. Во время исповеди я ему сказал, что я не верю в святость Александра Невского, Владимира Святого, царевича Дмитрия, Бориса и Глеба, последние пали от острия меча из-за политических целей, а первые

свою святость не оправдали своею жизнью. «Не верить в их святость — верх безбожия», — ответил мне протоиерей. «Да, батюшка, я не верю им, не верю им еще и потому, что от них исходит война и насилие». Он разрешил меня от моих грехов, в субботу великую причастил меня, а на третий день по его доносу меня арестовали, судили, лишили всех прав состояния и как политического ссылают на каторгу. Вы знаете, батюшка, я после суда отрекся от Церкви и от всего христианства». Арестант прослезился. «Мне было жаль, очень жаль христианства, но такого христианства, где священнослужители через исповедь кающихся лишают всех прав и состояния последних, я его проклинаю и не хочу о нем даже и думать. Что же это такое? Во что священнослужители превратили таинство Церкви Христовой?! Неужели Христос установил таинство покаяния для того, чтобы им ограждать царей, королей и предавать ужасным страданиям и тюремной, каторжной жизни людей, которые в этом таинстве желают найти себе очищение грехов и помириться с Богом? Ах, Боже мой, страшно подумать! Что же это за христианство, которое обслуживает всех самых злейших бесчеловечнейших насильников мира сего и их опричников? Теперь я не могу, не могу, мой милый батюшка, ходить в церковь и слышать только одно: «благочестивый самодержец», «святейший синод», «христоролюбивое воинство», «покорите под ноги его всяка врага и супостата», и т. д. Для меня лучше бы дохлая собака в алтаре была, чем я слышу эту обоготворяющую низость». Арестант замолчал. Ему было тяжело. Затем он вздохнул и опять начал говорить: «И ведь себя не считаю анархистом, пусть власть была бы, пусть начальство существовало бы, я против этого ровным счетом ничего не имею, но зачем, зачем низводят Христа на степень жалкого служки, который

обязан обслужить этих насильников, кровопийц и тиранов человеческой жизни. А архиереи, им только давай деньги, награждай орденами, дай им власть и тогда говори: прощай христианство, идеалистическая утопия, недомыслие и невежество галилейских рыбаков! Я вот как-то совестью мучаюсь, что отрекся от христианства». — «Сын мой милый, не надо малодушничать, предайся терпению, вспомни Христа: Он не проклинал мир, который Его распял, а молился за него. Наши проклятья людей есть признак нашей беспомощности и крайней ограниченности нашей силы по отношению друг к другу. Христос мог бы одной Своей мыслью уничтожить не только Своих врагов, но и весь мир превратить в совершенное небытие. И что же? Он молился за Своих врагов и не противлялся злом злу. Вот в чем заключается непобедимая сила!»

«Да, я сознаю это, но у меня душа-то очень измята, вся изуродована, хотя я сознаю свою вину перед Христом». — «Потом, мой друг, вы страдаете не за свои политические тенденции, а за свою веру в таинство покаяния! Отсюда, мой друг, вы страдаете за свою свободу религиозную, дарованную нам с тобою Самим Христом». — «Неужели я косвенно страдаю за Христа?» — «Да, мой друг, страдаете за Него».

Арестант опустил голову и мне было радостно видеть, как слеза за слезой скатились с его очей и падали вниз.

«Мне что-то становится легко и светло на душе, неужели вправду я страдаю за религию?»

«Да, мой друг, ты страдаешь за нее».

Через дней пять после нашего разговора арестант сам встретил меня и показал мне свое письмо, адресованное тому самому протоиерею — своему врагу и верному стражу государственных интересов. Письмо было по содержанию очень нравственное. В нем

арестант убедительнейшим образом благодарит отца протоиерея за его любовь к арестанту. Я прочел это письмо, оно поразительно было сильно. Арестант вручил мне его, чтоб я послал по назначению. Ровно через неделю арестант этот пожелал исповедаться и причаститься Святых Таин. Мне после этого было очень радостно на душе, когда я увидел, что лицо этого арестанта со дня на день становится светлее и светлее. Ни одной беседы, ни одной проповеди он уже не пропускал. Каждый праздник находился в церкви.

Кроме сего он стал упражняться, кроме церковной, частной своей молитвой. Помню, что Великим постом он три раза причащался. Стал очень мало говорить. Я ему купил русское Евангелие, он почему-то читал больше всего прощальную речь Христа. Многие арестанты почувствовали к нему какое-то особое уважение. Как-то он обратился ко мне и спросил у меня: как я понимаю Толстого? Я ответил ему: если бы мир так понимал Святое Евангелие, то он наполовину бы был христианином.

Арестант улыбнулся и, ничего мне на это не выражая, поклонился и пошел обедать.

Этот тип почему-то глубоко врезался в мою память. Я его почитал и любил, как своего родного брата.

ЗАПИСКИ ЕПИСКОПА

ЧАСТЬ III

1955. 23-ХI

О. ИОНА АТАМАНСКИЙ

Предисловие

Мало кто теперь знает об о. Ионе — большинство даже и не слышали его имени. А между тем, как увидим, это был замечательный подвижник и даже необыкновенный чудотворец. А я еще в молодые годы слышал о нем. Его называли вторым о. Иоанном Кронштадтским. Он был нашим современником (1855-1924). А по своим делам достоин быть упомянутым здесь. Может быть, кто другой и не напишет о нем. А мне Бог дал встретиться с его духовной дочерью и описательницей его жития (17-го с. сентября) и получить его жизнеописание, — которое я и буду точно копировать сейчас, ничего не изменяя, только прибавив оглавление отделов.

Дорогой Батюшка, о. Иона Моисеевич Атаманский
Житие и смерть его

Великий угодник Божий, о.Иона Моисеевич Атаманский родился в 1855 году* 14 сентября, в день Воздвижения Честного Креста Господня.

Родился он в семье диакона Моисея Флоровича Атаманского, рано умершего и оставившего малолетних детей на руках вдовы, рабы Божией Гликерии. Семь лет было о.Ионе, когда умер его отец. Мать желала, чтобы сын пошел по дороге отца, и еще мальчиком отдала его в церковь прислуживать. Умирая, мать благословила его на священника, сказав: «Хочу, чтобы ты был добрым пастырем». Завет умирающей матери был выполнен. В 1884 году о. Иона рукоположен в дьяконы, а через два года — во священника.

Преосвященный Никанор, рукополагавший отца Иону, говорил окружающим: «Берите благословение у о.Ионы, это — будущий добрый пастырь». Преосвященный Никанор назначил священника миссионером* в одно село, население которого состояло преимущественно из штундистов. Беседы о.Ионы со штундистами, молитвенные труды о них принесли плоды: 200 штундистов, вместе с своим руководителем присоединились к православной Церкви.

Затем о.Иона был переведен в г. Одессу, где и служил в Успенском соборе. А в последние годы жизни

* В этот год, только тремя месяцами позднее, славный о.Иоанн Кронштадтский стал священником — 12 декабря.

** Вероятно, местным, сельским миссионером; а кроме того были уездные и епархиальные миссионеры. — Все примечания — мои. — М. В.

был настоятелем св. Николаевской приморской портовой церкви.

Умер о.Иона после тяжелой продолжительной болезни в 1924 году, 17 мая.

Похороны его были необыкновенные, грандиозные. Не только все население г. Одессы, все нищие, все так называемые «босьяки» — благодетелем которых был о. Иона, все грузчики, портовые рабочие, знавшие и любившие Батюшку, люди из окрестных сел, деревень, ближайших городов, съехались хоронить своего молитвенника и благодетеля.

Власти запретили хоронить его в воскресенье, не желая громадного скопления людей. Но в понедельник съехалось еще больше народа. Вся громадная лестница Одессы, внизу которой находилась церковь св. Николая и дом, где батюшка Иона жил, и Побережная, — были так густо запружены народом, что гроб о. Ионы, несенный на руках почитателей, крайне медленно двигался. Рабочие просили задержать вынос тела до 4-х часов вечера, когда оканчивался их трудовой день. Несли гроб на кладбище с 4 часов вечера до глубокой ночи; и спустили в могилу лишь в 12 часов ночи: так медленно, торжественно, с частыми заупокойными литиями, несли многострадальное тело дорогого о. Ионы.

Батюшка запретил хоронить себя в своей портовой церкви Св. Николая сказав пророчески: «Церковь разорят; храма этого не будет». — О. Иона заповедал похоронить себя среди природы, которую он очень любил: «Чтобы птичка могла пропеть надо мной»; «храма не стройте; похороните около родных!»

Предсказание его исполнилось: церковь разорили; не осталось и следа от бывшего храма.

Милосердие к людям

О. Иона отличался любовью и милосердием к людям. С юности любил помогать больным и бедным. Много добра делал он так называемым «босьякам», одесским нищим, людям, опустившимся до последней ступени: он наделял их одеждой, пищей, давая им билеты в столовые. При церкви им была устроена странноприимница, в которой зимой жило много «босьяков», странников и населенных им бесноватых. Исповедью, причастием, молитвами и беседами он возвращал их снова к жизни: и они становились людьми честными и порядочными.

Это был второй Иоанн Кронштадтский, только на юге: славился такими же добрыми делами, какими и его сомолитвенник на севере. Когда с юга приезжали к о. Иоанну Кронштадтскому, он говорил: «Зачем вы ко мне приехали? У вас есть свой Иоанн Кронштадтский — отец Иона!» Между ними, этими двумя светильниками, была взаимная любовь и дружба. О. Иоанн Кронштадтский в знак любви прислал в подарок чудное белое облачение с отделкой василькового цвета, и с такого же цвета поручами необычайной красоты! Батюшка Иона очень любил это облачение: вид его был неземной в нем.

О. Иона отличался музыкальностью: любил пение, и сам сочинял музыку на многие духовные слова и стихиры. Вся служба Успению Божией Матери пелась в его храме на умиленные, трогательные, нежные напевы, написанные им самим. Особенно была хороша музыка на слова светильна: «Апостоли, совокупльши-

ися zde! В гефсиманийстей веси погребите тело мое»*, — и прочее.

По воскресным дням и в большие праздники, после обедни, о. Иона приходил в странноприимницу на обед, устраиваемый странникам, нищим, бедным приезжим.

Около него за столом помещался хор певчих. По окончании обеда хор пел «духовные кантаты, переложенные на музыку о. Ионой».

3

Молитва и пост о. Ионы

Во время обедни в церкви о. Ионы стояла необычайная, глубокая тишина: сильная молитва его увлекала всех молящихся, они тоже горячо молились. Проникновенная глубокая вера слышалась в его молитве: он с Господом говорил, как с Живым Лицом, пред Которым он стоит и зрит Его.

Однажды его духовная дочь была свидетельницей силы его молитвы: 1 августа, в день Нерукотворного Спаса, по окончании обедни, Батюшка в облачении сошел с соли, подошел к большому образу Нерукотворного Спаса, стоявшему в его храме с правой стороны; опустился на колени пред ним, со словами: — «Пречистому образу Твоему поклоняемся, Благий!» В этот момент Лик Христа Спасителя сделался совершенно живым, ожил. С такой силой и живой глубокой верой произносил слова молитвы дорогой о.Иона.

Святую четырехдесятницу Батюшка проводил очень строго: не вкушал ничего, кроме Причастия. Из церкви

* Вероятно, это напев праздника, написанный в древнем обиходе, действительно умильный и тихий.

домой не ходил. Изредка выходил в находившуюся рядом с алтарем комнатку, в которую никто не имел доступа, кроме него: в ней помещался громадный, во всю стену образ преп. Серафима Саровского, которого о. Иона очень чтит.

Духовные дети Батюшки, с его благословения, вели так же строгий пост следующим образом: в понедельник и вторник ничего не вкушали; в среду причащались и вкушали хлеб, который Батюшка раздавал по окончании обедни; в четверг — ничего не вкушали; в пятницу причащались и вкушали хлеб с чаем; в субботу причащались и вкушали вареное без елея; в воскресенье причащались и вкушали вареное с елеем. И таким образом проводили весь пост. В конце поста, — как передавала одна его духовная дочь, проводившая так пост, — она перестала ощущать вес своего тела: такая была легкость и радость духовная, по молитвам о. Ионы.

По окончании великой обедни Батюшка раздавал хлеб*, под умиленное пение псалма 33-го: «Благословлю Господа на всякое время». О. Ионе было указание: не читать, а петь этот псалом.

4

Благодатные дары

Рано в нем стала действовать и проявляться благодать Св. Духа.

Будучи еще диаконом, он стал совершать чудеса. Умерла его старшая дочь Вера, еще младенцем. О. Иона взял мертвое дитя за руки, стал на колени перед образом Божией Матери и начал молиться. Ребе-

* Антидор — который полагается всегда раздавать.

нок мало-помалу стал оживать и вернулся к жизни. Эта дочь была любимая и пережила своего отца.

Много чудес совершал Господь через о. Иону: слепые прозревали, бесноватые и больные исцелялись.

В Одессе жил* известный доктор, профессор Филатов. Принесли слепого ребенка к о. Ионе. Он велел показать его Филатову. Профессор осматривает его и говорит «безнадежен». Возвращаются родители к Батюшке с ответом Филатова. О. Иона становится на колени, — молится о даровании зрения ребенку; дитя прозревает. Батюшка снова отправляет родителей с исцеленным к Филатову. Профессор в недоумении разводит руками.

У одного крестьянина был слепорожденный. Мальчику было 12 лет. Услышав, что о. Иона исцеляет слепых, крестьянин привез сына к Батюшке. О. Иона отправил родителей с сыном к Филатову. «Только чудо может помочь ему!» — сказал профессор. Родители вернулись к о. Ионе. Батюшка предложил оставить мальчика у себя. Дело было в Великом посту. О. Иона начал молиться о слепом и причащать его.

Через две недели мальчик прозрел.

После этого случая Филатов стал посещать о. Иону и сделался его другом. Когда спрашивали его: как он нашел способ пересадки ткани, он отвечал: «При помощи молитв о. Ионы».

Как-то ксендзы, услышав про чудесные дела о. Ионы, про изгнание бесов и пр., пришли в церковь его, желая убедиться в истинности ходивших о нем слухов. С сомнением и любопытством ждали они случая проявления благодатной силы о. Ионы. Привели бесно-

* Филатов, Влад. Петр. Он и сейчас еще жив. И я переписывался с ним (1954-55). Адр. его: Одесса, Пролетарский Бул. 43, 14. Глубоко верующий.

ватых. Вдруг они бросились на ксендзов, стали их бить и кричать: «Что пришли смотреть, что с нами делают и как нас изгоняет Иона?»

В другой раз привели к о. Ионе бесноватого. Больной стал кричать. Батюшка, после молитвы, сказал духу: «Выйди из него!» — «Я — страшный!» — отвечал бес. «Праведник тебя не боится; а грешный — не увидит. Выйди! — тебе говорю!» — «Я — страшный!» — снова повторяет бес. «Праведник тебя не боится, а грешный не увидит!» — говорит опять о. Иона. И так три раза. За третьим разом бес вышел.

За изгнание бесов враг жестоко мстил семье о. Ионы. Стоило ему изгнать беса, как в доме происходил пожар, без всякой видимой причины, или кошки бесились; так что измученная семья не любила, когда приводили бесноватых для исцеления, зная, что снова будут беды. ... (Пропускаю)...

Совершая панихиды, молитвы за усопших, о. Иона часто видел в кадильном дыму лица улыбающихся ему усопших, за которых он возносил молитвы.

У одной еврейки, жившей в Одессе, умирали дети в младенчестве; уже умерло 11 детей. Когда родился 12-й ребенок — девочка, мать сильно скорбела, ожидая такой же участи и для нее. Кто-то научил мать обратиться к о. Ионе и просить его молитв о сохранении жизни девочки. Мать послушалась, пришла в храм. Люди не хотели пускать ее и даже передавать просьбу ее.

Услышав шум, Батюшка вышел из алтаря и сказал: «Пустите ее!» И обратившись к еврейке, спросил: «Что вам надо?» — Женщина со слезами рассказала о своем горе, умоляя помочь ей. О. Иона положил руку на голову девочки и сказал: «Будет жить». — Ребенок остался жить и в 1948 году был уже взрослой женщиной.

Во время обновленчества он один удержал и сохранил чистоту веры в Одессе. Все священники зашатались и впали в обновленчество. Позже, убедившись в своей ошибке, они приходили каяться к о. Ионе и при этом кланялись ему в ноги, прося прощения. Батюшка им говорил: «Кланяйтесь не мне, а народу, который вы ввели в заблуждение!» — Кающиеся священники выходили на амвон, становились на колени, кланялись людям, прося прощения. Тогда только о. Иона воссоединил их с Православной Церковью.

Много бед, горя, скорбей причинили ему обновленцы; хотели выслать его. Но Господь охранял его, как Своего избранника.

Батюшка Иона окормлял два женских монастыря: Михайловский, расположенный в городе, и Благовещенский, находившийся верст за 25 от Одессы. Окормлял он и великосветское общество в городе, действуя своим благодатным словом и молитвами. Одна из женщин, муж которой занимал видный пост, говорила описательнице сего жития: «Мы сидели и в театре — когда того требовало служебное положение мужа — в парижских шляпках, — но творили молитву Иисусову».

5

Скорби Батюшки

Много гонений и бед перенес о. Иона не только от врагов невидимых, но и видимых. Однажды на него напала толпа неверующих матросов; повалила его и стала душить; повредила ему голосовые связки настолько, что последние годы жизни о. Иона говорил так тихо, что дьячок специально стоял у дверей алтаря во время богослужения и передавал возгласы Батюшки.

Много клеветы и злобы перенес о. Иона от завистников и злобных людей. Его родная дочь причинила много горя ему.

Перед своей смертью он сказал ей: «Я вымолю тебе у Бога мучительную смерть для покрытия твоих грехов и для спасения!» Впоследствии она сошла с ума и попала в дом умалишенных. Когда пришли немцы, они расстреляли ее, вместе с другими психическими больными.

Много горя причинила ему одна из его духовных дочерей, инокиня М... Она была одной из любимых им дочерей. Талантливая художница, она стала орудием дьявола: пленившись молодым иноком, она впала с ним в грех, и вместе они уехали на Новый Афон. По дороге она сходила с парохода на берег и разливала яд клеветы на о. Иону, понося его доброе имя. Враг мстил о. Ионе и через его родных детей: почти все они были неудачники, несчастны; из школ изгоняли их, неудачи преследовали их, браки были несчастливы.

Все это было мезтью дьявола.

Однажды, сидя в кресле в алтаре и молясь Божией Матери, о. Иона увидел беса, вышедшего из-под престола в виде маленького ребенка. Батюшка спросил: «Как ты попал сюда?» Бес ответил: «А ты все молишься Божией Матери?! У-у, если бы не Она!... Ну, я тебе отомщу на твоих детях!» И исчез.

О. Иона вышел тогда из алтаря и говорит дьячку: «Пойди-ка выведи старуху из бокового коридорчика!» Тот пошел. Но не успел он войти, как бес тот вихрем пронесся по церкви и исчез.

Отец Иона, как и большинство угодников Божьих, любил Матерь Божию и всегда молился Ей. Как-то, вынимая частицы на проскомидии, он вынул частицу со словами: «Помилуй, Господи, всех земных и пре-

исподних!» — Бесы закричали в храме: «Не молись за нас, старик!»

Одна дама, слыша об о. Ионе, понесла своего тяжелобольного ребенка к нему и пожелала отслужить молебен отдельно. Батюшка сказал ей: «Солнце светит для всех одинаково; и благодать и милость Господа — для всех одинаковы: молитесь вместе в общем молебне. Станьте все на колени!» Дама тихо опустилась с больным ребенком на колени; но так как ребенок был тяжел, она потом встала. Стояла она от о. Ионы на расстоянии нескольких шагов позади: видеть глазами, что она встала, Батюшка не мог. Вдруг он говорит псаломщику: «Пойди, скажи женщине с ребенком, чтобы она стала на колени!» Дрожь прошла по телу ее, пораженной прозорливостью его. Ребенок поправился.

В последние годы своей жизни, предвидя будущие скорби, о. Иона в церкви Благовещенского монастыря сказал: «Я вижу 200 венцов мученических над сестрами!»

Во время гонения 200 инокинь были замучены.

6

Видения и чудеса Батюшки

Чудные дела открывал Господь о. Ионе.

Некоторые видения Батюшка записывал на полях богослужебных книг.

В начале Японской войны 1905 года было следующее видение: он увидел крест, на кресте — распятый Христос, а под крестом сидел японский микадо. Микадо говорит: «Господи! Пошли мне победу». Господь от-

вечает: «Ты — язычник». — «А я прославлю имя Твое!» — говорит микадо. Победа была у японцев.

В японскую войну и стихии помогали японцам: ветер дул в ту сторону, куда летели их снаряды и прочее.

Однажды о. Иона за всю ночь стоял у Престола. И вдруг он умолк, застыл, а через некоторое время, подняв руки, стал восклицать: «Хвалите имя Господне! Хвалите имя Господне!... Аллилуиа, Аллилуиа!» Так, с поднятыми вверх руками, всего в слезах, с этими словами, увели его из церкви домой, не окончившего службу. Присутствующие поняли, что Батюшке было видение. Старшая его дочь Вера видела только часть видения: огнем наполнился весь алтарь. А позже о. Иона рассказал, что он видел: шел Христос, за Ним — священники, раздиравшие на Нем ризы.

Рядом с Господом шел преп. Серафим и горько плакал. А Господь сказал ему: «Не плачь: они покаются!» (О других чудесах уже говорилось.)

7

Исчезновения и появления Батюшки

Необыкновенные явления происходили с о. Ионой. Часто, уйдя в свою спальню в присутствии семьи, Батюшка исчезал, и в то же время внезапно появлялся на отдаленном хуторе за городом, в котором жили исцеленные им бесноватые. Или: уходил из дома и непостижимым человеческому уму образом вдруг оказывался в своей спальне при закрытых дверях.

Однажды о. Иона отправился вместе со своим пономарем в окормляемый им Михайловский женский монастырь. Отслужив там всю ночь, Батюшка возвращался домой. Дойдя до лестницы, внизу которой

находился храм и дом, где о. Иона жил, Батюшка вдруг исчез. Остались только сапоги около лестницы, которые пономарь и принес домой. В ту же ночь ехали на телеге крестьяне, муж с женой, в город; и подъехав на рассвете к Благовещенскому монастырю, находящемуся на пути к городу, увидели перед воротами монастыря стоявшего на коленях священника. Подъехав ближе, они нашли рясу священника; а сам он исчез. Взяв рясу, крестьяне приехали в город, пришли в храм о. Ионы, рассказали о виденном и показали рясу. Прислужники узнали рясу Батюшки. А о. Иона на рассвете очутился в своей спальне в одном белье.

Отдавши рясу и помолившись, крестьяне отправились на постоялый двор, но не нашли там лошадей, оставленных утром; лошади пропали. Прибежали к Батюшке в слезах с своей бедой. О. Иона сказал крестьянину: «Пойди в (такой-то) постоялый двор; там найдешь коней и уведи их».

Кони нашлись.

Необыкновенный, поразительный случай произошел с о. Ионой летом в Кишиневе, описанный в местной газете. Статья называется: «Что это такое? Сон это или явь?»

В июне месяце (такого-то числа) одна женщина пошла на кладбище на могилу матери. Там она вдруг услышала чудное тихое пение. Повернувшись на голос, она увидела высокого бледного священника, певшего «Святой Боже». Она подошла ближе, священник ушел вперед. И как она ни старалась приблизиться к нему, не могла: священник не ходил, а как бы летал по могилам, молясь и разговаривая с покойниками. Долго женщина гонялась за незнакомым священником; из сил выбилась.

Вдруг священник сел на могилку, вытащил просфору и раскрошил ее муравьям; и потом поднял голову и сказал ей: «Ну, ты, бедная Наталка, устала, за мной гоняясь. На тебе просфору». С этими словами он подал ей кусочек просфоры и прибавил: «Несчастливая, ты не говела уже 15 лет!»

... И исчез!

Пораженная его словами и ничего не понимая, женщина стала бегать по кладбищу, искать его; но нигде не нашла.

Усталая, измученная, вернулась она домой. Но спать не могла: все ей чудился бледный священник с кроткими глазами и тихим голосом.

Рано утром, после бессонной ночи, вышла она из дома и подошла к соборной площади. Около собора она увидела двух ночных сторожей, споривших между собой. Один говорил: «Это был Иоанн Кронштадтский». Другой возражал: «Нет: о. Иоанн был невысокого роста; а этот священник — высокий». Когда она подошла к ним ближе, сторожа рассказали ей следующее:

Вчера утром на рассвете они увидели на небе черное пятно, несущееся к городу. Они думали, что это аэроплан. Пятно приблизилось; и стало видно, что то была огромная стая воронов; а в середине — человек, которого вороны клевали, и он отбивался от них палкой. Стая спустилась на соборной площади и снова поднялась, и разлетелась на деревья и купол собора. А человек, поднявшись с земли, погрозил им палкой, сказав: «У, проклятые! Разлетелись?!»

Это был священник с бледным лицом, высокого роста.

Он стал вытирать с лица пот и кровь. Потом он подошел к церковным дверям, вошел в собор и стал молиться с поклонами. Окончилась утренняя, обедня.

Незнакомый священник подошел ко кресту. Местный священник подал ему просфору и спросил: «Кто он? и откуда?» — незнакомец, ничего не ответив, вышел из собора. На паперти он стал раздавать деньги нищим. Одним из них сказал: «Вы — пьяницы; все равно пропьете», и ничего не дал им. Одной старушке дал монету со словами: «Ты — труженица, молишься за мир!»

И исчез.

Услышав все это, женщина догадалась, что это — тот же самый священник, которого и она видела на кладбище. ... Она совсем потеряла сон. У нее было одно желание: найти этого священника. Стала она ездить по городам, обходя церкви в поисках его. Приехала в Одессу. Пришла в церковь Св. Николая. Увидела о. Иону и, закричав, — «это он!» — упала в обморок. Придя в себя, она рассказала все о. Ионе, — оставив Кишиневскую газету.

Духовная дочь о. Ионы, писательница сего, будучи в Москве, рассказала об этом случае одному духовному старцу. Старец пояснил ей: «О. Иону ангелы переносили в разные места. Бесы видели это и похитили его и перенесли в Кишинев. А ангелы снова вернули его домой».

8

После смерти

В 1947 году больная припадками пришла на могилу Батюшки, плакала, молилась и упала около могилки, испуская пену. Очнувшись, больная почувствовала себя здоровой; припадки с той поры прекратились.

Зубной врач, еврейка, опасно заболела. Доктора советовали ей операцию, так как положение больной было серьезное. Верующие соседи посоветовали ей

сходить на могилку о. Ионы. Тяжелобольную с трудом доставили до могилы. По возвращении домой, из больного места стал истекать гной, — и она поправилась...

Описательница сего жития, после смерти Батюшки, получила целую коробку хлеба, который по окончании обедни раздавал, бывало, о. Иона. Она узнала, что с ее родственницей произошло несчастье: вспыхнула бензинка, залила родственницу бензином, и она превратилась в горящий факел. Растерявшись, она стала бегать по двору и кричать. Пока сбежавшиеся на ее крик люди погасили огонь, ноги, живот, грудь представляли сплошной пузырь. Узнав об этом несчастье ее ... отправилась в больницу и дала ей съесть кусочек хлеба о. Ионы. Ожоги были признаны смертельными. Но по молитвам Батюшки она осталась жива и поправилась.

... (Пропуск) ...

Одна из духовных дочерей о. Ионы видела явно своего Ангела Хранителя — высокого роста, в белом. Эту дочь Батюшка прежде отправлял на беседы с обновленцами.

*

Умер о. Иона от уремии. Спальной Батюшки была маленькая, узенькая комнатка, где стояла кровать, кресло и простой деревянный шкафчик, в котором под стеклом находилось много икон.

На 20-й день смерти о. Ионы почитатели посещали эту спальную. В кресле (при жизни) всегда сидел о. Иона, так как лежать он не мог; в нем он и умер. С одной посетительницей был маленький ребенок. Войдя в комнату, дитя, указывая матери на кресло, сказал: «Дедушка сидит».

В своей спальне о. Иона принимал посетителей, сидя в том кресле, в котором он провел последние дни земной жизни.

*

Известен был о. Иона не только в своей стране, но и за границей, получая — как и о. Иоанн Кронштадтский — письма, телеграммы с просьбой помолиться о болящих и страждущих; а также и благодарственные письма от получивших, по его молитвам, исцеление и помощь.

Между прочим, о. Иона верил в силу родительских молитв. И в тяжелых или неприятных случаях ходил молиться на могилку родных.

Увидел во сне о. Иона умершего брата своего всего в огне. Утром следующего дня он отслужил обедню за него. В следующую ночь о. Иона увидел брата снова; но уже не всего в огне, а лишь до колен. Снова отслужил обедню; и увидел его — уже освобожденным от огня.

К о н е ц

П. С. За молитвы о. Ионы Г.И.Х.С.Б. (Господи Иисусе Христе, Сыне Божий — И з д.) помилуй и меня, переписчика жития.

М. В.

«ИСПОВЕДУЙТЕ ПРЕД ВСЕМИ ЖИВУЩИМИ, ЧТО ОН СДЕЛАЛ ДЛЯ ВАС»*

*«Тайну цареву прилично хранить, а
о делах Божиих объявлять похвально».*
(Товита 12, 6-8)

Великая и неисповедимая милость Божественного Промысла обильно проявилась в моей личной жизни, о которой, если я не буду возвещать, то горе мне, как неблагодарному рабу. Излившаяся благодать всеспасительного Промысла не должна остаться тайной, так как все это совершилось на глазах многочисленной монашествующей братии и при таких обстоятельствах, где человеческая мудрость и сила не в силах спасти и продлить жизнь.

Был 1920 год. В январе месяце сего года я был мобилизован советским правительством для отбывания воинской повинности. Мне в это время со дня рождения был 21 год. Будучи мобилизован, я был отправлен в г. Курск. По выяснении там нашего отношения к воинской службе, я намеревался немедленно возвратиться в славную Глинскую пустынь. 22 февраля рано утром я, тайно от других, оставил город Курск и для удобства путешествия избрал путь по шпалам железной дороги. В этот же день я прибыл на станцию Льгов, где в ближайшем селении попросился переночевать. На следующий день рано утром я отправился в дальнейший

* По всей вероятности, записи эти принадлежат перу архимандрита Тавриона, духовника Спасо-Преображенской пустыни под Ригой. — Прим. сост.

путь, не имея с собой ни крошки хлеба. Изнуренный от пути и голода, я зашел в ближайшее селение попросить хлеба. Но на мою мольбу хозяин ответил горьким укором, и я со скорбным чувством о немилосердии современных христиан, продолжал путь далее.

К вечеру я пришел на ст. Корянево. Хотя я и узнал, что поезд на г. Рыльск отправляется только в 9 ч. утра, все же не решился оставаться ночевать здесь, так как проситься на ночлег у местных жителей, значило получить в ответ тяжелый укор, а потому я решил тут же вечером отправиться на Рыльск по путям железной дороги.

Выходя со ст. Корянево, я намеревался купить себе хлеба, но его не оказалось, потому что было время неурожая, голода и страшных его последствий. У торговцев съестными продуктами были некоторые продукты, но они были мясные, а между тем, была третья неделя Великого поста, и я не решился нарушить пост.

Так рассуждая, я двинулся в путь по шпалам. Вдруг заметил, что откуда-то впереди меня появился старичок-крестьянин с корзиной в руках. Он подошел ко мне, вынул из корзины два еще теплых пирожка и подал их мне со словами: «Возьми, ты кушать хочешь», — и поспешно удалился. Я взял эти пирожки и обратился поблагодарить его, но его уже не было...

Тогда я с благодарностью Богу съел пирожки и продолжал свой путь. Я достиг станции Рыльск в 11 часов вечера. Будучи первый раз в этом месте, я стал стучать в двери станции с просьбою приютить меня или указать мне дорогу на город Рыльск. Однако в ответ из-за двери услышал несколько грубых непонятных слов. Была темнота — темная, сырая, весенняя ночь. Дрожа от холода, сырости и голода, утомленный ходьбой, я склонялся ко сну. Несмотря на поднявший-

ся лай собаки, я пробрался в соседний коридор и лег на сыром каменном полу. Холод и голод лишили меня необходимой теплоты для сна, но все же я заснул, хотя и ненадолго. Очень скоро я встал. Холод пронизывал меня насквозь. Новая попытка заснуть не удалась, я не мог дольше лежать в таком холоде и сырости.

И несмотря на такую ночь, я снова отправился в путь. Не зная дороги, я скоро сбился с нее. Был густой туман. Растаявший от дневного весеннего солнышка снег изгладил следы дороги, и я очутился среди непроходимой массы кочек и болот. Оказавшись в столь затруднительном положении, я решил вернуться на станцию. Но увы, вместо станции, я оказался на островке, среди разлива воды. Таких островков было много вокруг меня. Блуждая по ним, я переходил с одного на другой по колено в воде, и дошел до самого Сейма. Сейм был уже наполнен весенней водой, и поэтому я был лишен возможности переправиться на другой берег. Долго я обдумывал свой план переправы через Сейм. Я даже становился на большую оторванную льдину с тем, чтобы на ней с помощью палки переправиться на другой берег. Но льдина от тяжести моего тела всякий раз тонула и не повиновалась мне. Я был готов снять с себя одежду и, укрепив ее на спине, броситься вплавь, но Спасительный Промысл Божий дал мне образумиться и укрепиться надеждой на рассвет, который вскоре и наступил.

Где-то пропел петух, который дал мне понять, что недалеко есть селение. Ходя вдоль берега, я время от времени стал своим ослабевшим голосом взывать о помощи, но, объятые крепким предрассветным сном, селение меня не слыхало, и помощь все не шла. Начиная светать. Через туман я стал понемногу слышать и видеть движение неопределенных фигур и стук ведер. Это начиналась ранняя работа женщин-хозяек, они

брали воду в береговых колонках и промоинах. Черпая воду, они заметили меня и говорили между собой: «Смотри, лошадь, что ли, блуждает на том берегу реки?». Но по мере рассвета, они ясно определили, что ходит человек, нечаянно попавший на острова и теперь ожидающий переправы на берег. Один из христолюбцев оказал мне милосердие, приехав на лошади; и мы переправились. Многие удивлялись, спрашивали, как я мог попасть туда, ведь рукава Сейма наполнены водой. Узнав у моего перевозчика дорогу в монастырь, я через город пошел к нему.

В монастыре я остановился у о. Кессария, который принял меня с братской любовью. Я попросился у него немного отдохнуть. После приятного сна, он накормил меня братским супом, который принес с трапезы, и напоил чаем. На другой день после чая я зашел в храм и в краткой молитве воздал благодарение Христу Спасителю и Его угоднику святителю Николаю за сохранение моей жизни и за удержание от самонадеянного поступка.

Однако все это было лишь началом проявлений Благодати спасающего и сохраняющего нас Промысла Божия.

Имея при себе хлеб, данный о. Кессарием, я отправился в дальнейший путь — в Глинскую пустынь. Я не мог понять, почему сейчас в моей памяти живо и ясно предстает вся пройденная мной жизнь и все продуманное в ней. Кроме того, в памяти стали появляться картины и события из жизни Христа Спасителя и его Божественного домостроительства. Все эти воспоминания вызвали во мне чувство благоговения, благодарения и молитвы. Я невольно задавал себе вопрос — не случится ли сегодня что-либо роковое в моей жизни?

Совершив путь в 45 верст, я еще к раннему вечеру пришел на Шалыгинскую горку, с которой в первый раз опять увидел славную Глинскую пустынь, которая своей белизной на фоне зеленых садов казалась похожей на только что расцветшую величественную лилию, а ее колокольня напоминала корабль, приставший к тихой лесистой пристани. Да, это поистине была пристань и спасительный корабль, который в продолжение многих лет стоял у пристани. Много, много житейских бурь разбилось в брызги и пену о священные стены. Якоря корабля были крепки. Это были благодетельствованные старцы, которым открыта была от Господа судьба венценосцев и близость упадка благочестия. Да, сколько скитальцев юдоли земной отправил этот корабль на Тот берег, где вечная жизнь и блаженство. Сколько разбитых неудачами и суетой ложного мира жизнью нашли в нем покой и правду.

В эту святую обитель стремилась и моя истерзанная, расстроенная и исстрадавшаяся душа. Приближаясь к пустыни, я на пути к мельнице встретил препятствия. Это были размоины, но все же за счет своих больших и крепких сапог я перешел их. Придя на мельницу, я встретился с братией, которая обрадовалась моему внезапному возвращению. Тотчас пригласили разделить с ними чай и обогреться, а также и переночевать по случаю невозможности переправы в монастырь. Дорога идет недалеко от реки через топкий и низкий луг. Во время разлива невысокая речная насыпь затоплялась и смывалась. Поэтому сообщение с монастырем становилось опасным и трудным. Братия с мельницы стала мне говорить: «Сейчас пройти в монастырь нет никакой возможности, так как вода с каждым часом и минутой прибывает, а ехать на телеге в эту пору никто уже не решится...»

Я не был удовлетворен этим ответом. Я никак не мог согласиться с тем, что пройдя такой длинный путь, почти у стен монастыря, я должен оставаться до следующего дня. Тут я должен признаться, что с самых детских лет и до сего события я никак не мог согласиться с тем, что есть для меня что-то невозможное. Самонадеянность, быстрота и твердость ошутимо и всецело завладели мной. Обдумавши план, я спросил у своих, нет ли у них лодки. Они мне ответили, что лодка есть, но худая и показали ее мне. Это меня не остановило. Я попросил у них каких-нибудь ключев и принялся чинить дыры лодки. Насколько это было возможно, я исправил лодку. На мою просьбу о весле, они дали мне длинный шест, настоящего весла не оказалось. На все предостережения братии я ответил: *«Богом моим пройду стену!»* — с этими-то словами я оттолкнул лодку и оказался на реке. Отправляясь в плавание, я поднял свой подрясник повыше и опоясал его поясом, чтобы было удобнее работать шестом; маленькую черненькую котомочку, в которой было Святое Евангелие и миссионерские заметки, да одна пара белья, прикрепил себе к поясу.

Братия мельницы, поднявшись на высокую террасу, стояла у перил и, не сводя глаз, следила за моим плаванием. Солнце было уже на закате. Река с немногими голыми ольхами и вербами была вся в полном разливе, напоминая собою бушующее море. Моя лодка начала быстро наполняться водой, проникавшей через щели. Все это было еще терпимо, но тут лодка попала на промоину, которая образовалась от обилия воды в этом месте. До этого лодка плыла по воде, текущей поверх льда, который еще не поднялся и не поломался. Глубина этого слоя воды была почти в аршин. В промоину, куда попала моя лодка, впадала глубокая канава, идущая с дальнего скита. Эта канава

при весенней воде превращалась в реку, получался быстрый и шумный круговорот. Попав на это опасное место, моя лодка затрепетала, как перышко, и, набравшись воды, стала тонуть. Опрокинув меня, она перевернулась вверх дном. Быстро выбравшись из-под нее, я залез на ее горб, т. е. наверх опрокинутой лодки, в надежде, что так я переправлюсь на берег, но она, опрокинув меня еще два раза, с водной быстринной пошла под лед.

Я очутился среди моря бушующей воды, которая понесла меня до конца промоины с быстротой спущенной стрелы. Схватившись за край льда, я пытался взобраться на него, а там, думал я, хотя и по пояс в воде, смогу добраться до кучи конопли, которая вымачивается соседними крестьянами в прибрежье этой реки. Но когда я два раза усилился взобраться наверх льда, то у меня для этого не хватало уже сил. Но все же, в третий раз, я из последних сил сделал последнюю попытку... В этот самый момент огромная льдина, принесенная водой, защемила меня за сапоги и потащила под лед. Я успел только крикнуть отчаянно: «Ой!».

Несомый подо льдом, я чувствовал, как моя голова в большой монашеской шапке, беспрестанно ударяется об лед, я не терял присутствия духа и сознания. Первые мои мысли подо льдом были таковы: «Вот, Тихон, конец тебе и твоим делам и желаниям! Как горел ты желанием приобрести познания и что-то совершить, а вот теперь на тебе исполняются слова пророка Давида — ‘и погибнут в тот день вся помышления твоя!’»

При этих мыслях мне стало очень тяжело, к тому же я старался крепиться, чтобы не набрать воды в рот. Я вспомнил слова людей, говоривших, что для утопленников самая легкая смерть, но почему же мне

так невыносимо тяжело?! И не выдержав больше, я открыл рот и нос, в которые хлынула грязная и холодная вода, сразу наполнившая меня. Отяжелев, я почувствовал, что к чему-то прислонился и сел, поджав под себя ноги. Очутившись в таком положении, я сознавал, что нахожусь в пасти смерти, но робости и страха не испытывал. Сидя так, я вспомнил слова Христа Господа, сказанные Им Своим ученикам на прощальной беседе: «Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам... просите и получите... (Ио. 16, 23-24).

Крепко веруя в эти слова, я стал молиться Богу: «Господи, Боже! ради жизни возлюбленного Твоего Сына Господа нашего Иисуса Христа спаси меня!»

Я надеялся на спасение, но в то же время и не смущался при мысли, что если Господь и не пошлет мне теперь спасение, то значит лучше для меня умереть здесь, чем жить, а не потому, что Он не услышал молитвы моей.

«Господи, спаси меня!»

Молился я также и Богородице — заступнице рода христианского, Предтече Господню Иоанну, святителю Николаю чудотворцу, великомученице Варваре, великомученику Димитрию, святителю Иоасафу, епископу Белгородскому и преподобному Серафиму Саровскому.

Вспомнил, что я недавно исповедовался и приобщился Святых Таин Христовых.

Помощи все еще не было...

При мысли, что мой безжизненный и разлагающийся труп всплывет на поверхность, я, чтобы люди узнали, что я скончался с верой в Распятого Христа, сложил пальцы для крестного знамения и, перекрестившись со словами: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!» — оставил сложенные пальцы, крепя их на

левом плече, и в таком положении ожидал своего разлучения от тела.

«Жив ли я?» — подумал я и, чтобы утвердиться в этом, стал ощупывать сложенными пальцами плечо, но плеча я почти не чувствовал, и рука моя едва повиновалась моим усилиям. Я уже не чувствовал ни холода, ни тяжести, но только ожидал нового мира.

Вдруг от какого-то толчка я наклонился и почувствовал тошноту, моментально был выброшен на поверхность.

Плывя, я видел, как заходящее солнце бросало свои последние светло-багровые лучи на облака и на разлившееся море воды. Плывя, я не чувствовал ни холода, ни тяжести, я не тонул. Мне в голову приходила мысль: «Не бред ли это или, может быть, сон?» Чтобы увериться в этом, я протянул руку к кустарнику, мимо которого несла меня вода. Схватился руками за ветки, но ветки оборвались, я снова схватился, но они опять оборвались, я схватился в третий раз и на этот раз удержался и остановился. Тут я сразу почувствовал тяжесть собственного тела, холод и мокроту воды, которая проникала во все части моей одежды. Держась за веточку, я ухватился еще за две и за все вместе. Для крепости нагнувши их, стал на них ногами, а за другие, соединенные вместе, стал держаться руками.

Хотя пристань моя в редком лозовом кусточке была малонадежная, но я все же немного успокоился и стоял по колени в воде на веточках, которые при неосторожном повороте могли сломаться, и я бы опять поплыл по водам. Собравшись с духом, я стал ослабевшим голосом звать на помощь и услышал с мельницы ответ:

«Ты жив?»

«Жив», — ответил я.

«Ну крепись, спасен будешь!..»

Услышав эти слова, я стал крепиться. Солнце уже совершенно зашло и наступила тьма. Поднялся сильный холодный ветер, который все на мне заморозил. Руки и ноги от изнеможения и холода онемели, отказывались повиноваться движениям, которыми я хотел сохранить в себе теплоту, необходимую для сохранения жизни.

Не меньше моего крушения испытала и мельничная братия. Она, видя, как я на их глазах с последним звуком «ой!», скрылся под водой, страдала душой и горько раскаивалась в том, что пустила меня на опасной лодке, да еще в такую позднюю пору... И вот вдруг они слышат мой голос, взывающий о спасении, умоляющий о помощи.

Отец Измаил, проникнутый христианской любовью, тотчас решил пренебречь всеми опасностями и пешком по размытой гребле пробраться в монастырь, сообщить о случившемся и подать помощь. Переправа его совершилась благополучно. Придя в монастырь, он рассказал о. архимандриту, настоятелю пустыни, о случившемся. О. архимандрит Нектарий сейчас же поручил о. Авелю дело спасения утопающего брата. О. Авель со свойственной ему быстротой и умением, снарядил лодку с братией. Но плыть по реке было невозможно — лед, идущий навстречу, мог дать лишь новых утопленников. Тогда решено было запрячь телегу и отправить лодку к ближайшему берегу, то есть к месту моей пристани. Так и сделали. Но когда на телеге была привезена лодка и спущена на воду, то она не смогла двигаться: мешали пни, покрытые водой, они не давали почти никакой возможности проникнуть к реке.

Тут из монашеской братии выделилось четыре инок, которые решили во что бы то ни стало спасти брата или самим погибнуть за его спасение. Это были:

о. Ювеналий, о. Савин, о. Нифонт, о. Астион. Отец Астион сел у руля и стал управлять лодкой, о. Савин сел на носу и держал в руках два больших фонаря, отцы Ювеналий и Нифонт были гребцами. Насколько опасно и трудно было держаться на моем кустике только один Господь знает! Томительно и длинно было для меня ожидание помощи. Сколько искренних молитвенных воплей моей страдающей души пронеслось до Престола Божия, сколько обещаний, при воспоминании которых трепещет теперь мое неблагодарное сердце, — все это было произнесено на слабеньком лозовом кусточке.

Время тянулось медленно. С мельницы не слышно было укрепляющего голоса, а виднелся только слабый огонек фонаря. Видны были огоньки фонарей и с противоположного берега, где братия с нетерпением ожидала моего спасения.

Время все шло, я уже лишился голоса. Я приходил к уверенности, что если и придется братии спасти меня, то только для того, чтобы мне умереть в стенах монастыря, ибо все испытанное и случившееся со мной не в силах будет перенести мое расстроенное здоровье.

Но вот, наконец, я увидел, что какие-то два фонаря чуть заметно движутся все ближе и ближе. Я даже услышал голос, говоривший мне: «Тихон, раздевайся...»

Как горьки были мне эти слова. Неужели, думалось мне, так тяжело и невозможно приехать: что требуется еще этот последний опасный шаг? Но по мере их приближения, я услышал их призыв:

«Тихон! Чаше отзывайся!...»

Я стал напрягать последние силы, чтобы хоть слабым голосом дать знать, куда плыть пловцам, которые быстро направили свою лодку к моему кусту.

Когда лодка пристала ко мне, то я сам уже не мог поставить в нее ноги, и только с помощью о. Савина я встал в лодку и скоро был привезен на берег.

Братия, узнавши, что я еще жив, в радости благодарила Бога. Не успел я стать на берег, как два каких-то дюжих монаха, набросили на меня шубу, подхватили под руки и почти бегом направились в братскую больницу. Снявши мокрую одежду и получивши возможную в монастырской больнице помощь, я уснул. Сон мой был спокойный и крепкий. Проснувшись наутро, я не чувствовал ни малейшей боли, и когда я явился на глаза настоятелю, он, смотря на меня с удивлением, сказал:

«Тихон, ты ли это?!»

Выслушав все подробно о случившемся, он воздал благодарение Богу за спасение и милость, проявившуюся на мне, а мне сказал: «Смотри же, не забывай того, что обещал Богу!»

Монашеская братия почти вся была уверена, что я не буду жить, но, благодарение Богу, я по-прежнему здоров и благополучен.

Время с момента потопления до прибытия лодки к берегу длилось четыре с половиной часа. Я был привезен в больницу около одиннадцати часов ночи.

Я, по милости Божией, был спасен: а котомочка моя оторвалась от пояса и погибла. Но вот через три месяца со дня этого события монастырские послушники ловили рыбу и у берега ближней мельницы, которая от места события отстоит более версты, своей подсадой вытащили со дна реки большой комок грязи. Когда стали его рассматривать, то оказалось, что в ней небольшая котомочка. Они сразу догадались, что это та, о которой говорил Тихон, что она погибла, оторвавшись от его пояса. Очистив от ила, они представили ее мне. Когда я ее развязал, то Евангелие

предстало открытым и занесенным илом на том самом месте, где Христос сказал Марфе: «Я есмь воскресение и жизнь. Верующий в меня, если и умрет, оживет» (Иоан. 11, 25). Очистив его от грязи и высушив, я снова его переплел, и эта маленькая котомочка является вещественным неопровержимым свидетельством силы веры во Христа Спасителя.

И, действительно, если бы не сила имени Христова, то я был бы найден занесенным илом, но неочищенным, а предан земле, как должная дань ей.

Все сказанное мною является только тем, что было испытано в действительности.

Исповедаю, что я был спасен силою Божиею по молитвам Пресвятой Богородицы и святых, к которым обращена была моя молитва подо льдом!

Причина, побудившая меня передать подробно о случившемся со мной, есть Слава Божия, ибо не мое благочестие, которого я не имею, заслужило эту милость спасения, а единственно благодать и милосердие Божие дали мне жизнь.

Я надеюсь, что своим рассказом о сем благодеянии Божиим хотя бы немного облегчу свою неблагодарность к Богу за Его Милосердие!

Боже! Как дивны и величественны дела милосердия Твоего!

г. Курск, 1926 г., 19 окт.

г. Пермь, 1940 г., ноябрь.

(переписано)

Рига, март 1972 г.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ДВУХ СВЯЩЕННИКОВ

г. Самарканд 1/X-71 г.

Дорогой Батюшка!

Вы, наверное, недоумеваете по поводу столь долгого отсутствия от меня сообщения о моей поездке в Дивеево, в общих чертах о которой Вам, вероятно, уже известно от Павла Ивановича.

Дело в том, что я изрядно простудился в Дивееве и, отправляясь в Самарканд, повез и свое гриппозное состояние, от которого никак не могу освободиться до сих пор. Общее недомогание и страшная головная боль заставляют меня то и дело прикладываться к подушке, так что я до сих пор даже не был в городе, хотя все же два раза служил всенощную и литургию и два раза сослужил настоятелю храма великомуч. Георгия — о. Серафиму.

Отдыхается мне хорошо, так как меня окружает необыкновенная забота, что меня страшно стесняет, и если бы не то недомогание, которое заставляет меня больше всего сидеть дома, то отпуск мой и отдых, благодаря теплой погоде, можно было бы считать удачным.

Но на все Воля Божия и, если нужно, чтобы в этом году я отдохнул менее, чем в прошлом году, то да будет так, как Господу изволися.

Теперь о поездке в Дивеево.

Началось все необыкновенно и чудесно, так же как и закончилось, чудесным участием Батюшки Серафима. От начала поездки и до обратного возвращения преподобный Батюшка сам, как бы за руку, вел нас,

ни на минуту не оставляя и немедленно рассеивая все недоумения и могущие произойти от них огорчения.

Мой духовный сын — Анатолий, — будучи у меня, с огорчением сказал о том, как бестолково прошел у него отпуск. «Мне, сказал он, хотелось куда-нибудь съездить помолиться, но вот осталась только одна неделя и теперь уже некогда ехать, да и некуда». На что я ему сказал: «Я на несколько дней еду в Дивеево, — поедem со мной». Он с радостью согласился и уехал искать Павла Ивановича. Однако утром, в день отъезда, он вдруг вновь приехал ко мне с вопросом, когда мы уезжаем. На мой вопрос, взял ли он билет и едет ли с нами, Анатолий ответил, что он хочет ехать, хотя дома неприятность, но билета у него еще нет. «Чего же ты медлишь, — сказал я ему, — ведь поезд уходит сегодня вечером, билеты у меня с Павлом Ивановичем уже в кармане, три дня как приобретены, я даже не знаю, достанешь ли ты билет». Он уехал, оставив меня в беспокойстве, достанет ли он билет, и о том, как мы и где встретимся, не разойдемся ли мы в дороге и где он нас, или мы его будем искать на незнакомой нам железнодорожной станции.

Накануне моего отъезда ко мне пришла наша Сходненская Дивеевская мать Антония и, между прочим, спросила — есть ли у меня адрес? Я сказал, что Алла мне написала адрес, но, чтобы никого не затруднять встречей, я никакого извещения о своем приезде не сделал. Уходя от нас м. А., между разговором, вдруг и говорит: «Да, вы когда будете ехать на автобусе, попросите остановить на Калгановке».

Распростившись с домашними, в сопровождении Л. и К. после напутственного молебна я уехал со Сходни и только в Москве, сидя на вокзале перед посадкой в поезд, который должен был вот-вот отправиться, я обнаружил, что оставил записку с адресом у себя на

столе. Беспокойство, охватившее меня, в связи с этим, немного рассеялось, когда подойдя к своему вагону я увидел Анатолия и сначала даже не обратил на это внимания, но когда в купе меня встретил П. И., тогда только я догадался спросить Анатолия — «А где же едешь ты?» — «Как где? Вот мое место». Оказывается, уехав в 11-12 часов дня от меня Анатолий пошел в жел.дор. кассу и попросил дать ему билет. Кассирша взялась за бланк билета и вдруг спросила: «Может быть, вы возьмете купейный билет?» Он согласился. И этот билет, взятый тремя сутками позже, чем наши билеты с П. И., оказался четвертым билетом в нашем купе.

Так Преподобный сам рассеял первую причину моего беспокойства, в связи с приглашением Анатолия в эту поездку.

Выехали из Москвы в проливной дождь. В такой же проливной дождь вышли мы из вагона на ст. Арзамас и, прождавши час или полтора, пока подойдет автобус, в такой же проливной дождь, приехали в Дивеево. В автобусе, впереди меня сидевший мужчина, спросил: «Отец, куда едешь?» — «В Дивеево», — ответил я ему. «А к кому?» — «К родственникам». — «А где живут?» Ни улицы, ни фамилии сестры А. П. я не мог вспомнить и потому назвал фамилию Д. «Что-то я не знаю такой, а где все-таки она живет-то?» — «Да, на Калгановке», — вспомнил я, наконец, наименование места, где по словам м. А. мы должны были сойти.

Вышли мы из автобуса на автобусной остановке. Только что кончился дождь. Куда идти? Кого искать? Кроме смутного наименования улицы, да номера дома в моей памяти ничего не сохранилось. Поэтому решили идти на почту, узнать, есть ли здесь улицы под названием Лесная или Зеленая. Прошли довольно длинное расстояние, но почты не нашли. Идет навстречу

какая-то старушка. «Матушка, как нам пройти на Калгановку?» — «Это Вертьяново, что ли? — услышал я наконец знакомое слово. — Да, вот, сейчас поверни на мост, это и будет». — «А что, матушка, есть там Зеленая или Лесная улицы?», — спросил я ее вновь. «Лесная или Зеленая? — задумчиво спросила она, — а кого вы ищите-то?» — «Л..., — вспомнил я одну фамилию из записки А., которую оставил дома. «Что-то не знаю такой... Да погоди, я сейчас спрошу, — и, подозвав к себе женщину, спросила: — Ты не знаешь ли — вот ищут Л. в Вертьянове». — «А где она живет?», — спросила новая собеседница. — «Да видите ли», — ответил я ей, — знаю только, что живет она в доме № ... или ... по Зеленой или по Лесной улице». — «Идемте, я как раз туда иду, но что-то не знаю такой улицы... Послушай, — обратилась она к идущему навстречу к ней мужчине, — в Вертьянове есть Зеленая или Лесная улица?» — «Лесная есть. Вот, как перейдешь мост, так сразу направо — это ж и есть Лесная». Отойдя от него, наша новая провожатая вновь спросила: «А какой дом-то, вы знаете или нет?» Я опять назвал те же номера. «Да вы к монашкам что ль едете? Они тут живут рядом в двух домах».

Как камень какой сняли с меня эти слова нашей провожатой, так как я в душе очень волновался за своих спутников, чувствуя свою вину перед ними, благодаря своей забывчивости. Узкий грязный переулок с домами двумя параллельными рядами, поднимающимися в гору, без надписи о его наименовании и с еле заметными номерами, чуть не повернул наш путь обратно, так как на мой вопрос плотнику, тесавшему бревна, — «Лесная ли это улица?» — он ответил: «Не знаю». Однако на тревогу моих спутников я сказал: «Пойдем дальше. Посмотрим, что дадут нам ... номера домов, если только эти номера имеются». Анатолию я сказал, чтобы

он смотрел номера домов, так как у него зрение лучше, чем у меня и у П. И. Остановившись, Анатолий показал на дом, стоящий на противоположной стороне, и говорит: «Вот № ...» — «Да что ты смотришь на ту сторону. Нам нужны №... или №....» и, не успев сказать этих слов, как услышал голос А. П.: «Господи, да как же это вы не предупредили-то, ведь мы бы вас встретили. Да как вы и нашли-то нас?» — «Преподобный привел нас к вам», — ответил я ей и другим в домике, куда мы вошли.

Все, что было привезено мною съедобного, было сейчас же распаковано, а в это время нам собрали поест: пришла и Л. из дома № ..., как оказалось впоследствии, духовная дочь о. Н. из Загорска, присланная им для ухода за больными сиротами Преподобного. После обеда нас всех взяла М. (в постриге) и уложила спать в отдельной келейке, специально устроенной для (как она сказала) батюшек.

...Вечером, после ужина, за вечерним чаем я подарил им фотоснимок портрета Преподобного и показал им Вашу фотокарточку. Они все были так рады увидеть Ваш фотоснимок, очень умилились сердцем, целовали Вашу карточку, вспоминали Вас и Н. Н., вспоминали, какие Вы были оба молодые, как Вы постарели и изменились; как будто время не коснулось их самих и не оставило следов на их лицах и не согнуло некогда прямых, вероятно, фигур. В этот момент они как будто стали по-прежнему молодыми и, чувствуя себя таковыми, с детской наивностью удивлялись: «Какой же старенький стал батюшка...»

Был намечен план, по которому я должен посетить: во вторник дер. Ламасово: чтобы причастить там ..., в монастыре Мастридию. Они считают ее прозорливой и блаженной; в среду мы должны были пойти на

источник, а оттуда в Осиновку, а Дивеево и Козеваново оставить на четверг.

Во вторник мы трое в сопровождении А. П. и М. отправились в Ломасово с целью закончить там все в один день и, возвратившись обратно, на следующий день ехать в Осиновку. Однако, оказалось, что живущих в Ломасове никто не предупредил о нашем приезде и нам пришлось там ночевать.

Едва мы успели войти в сени, как нам навстречу распахнулась дверь и послышались радостные возгласы: «Господи помилуй, Господи помилуй», причем слов разобрать было почти невозможно; их произносила стоявшая около кровати с одутловатым лицом матушка, низко кланялась, крестилась и, не успев переступить порог комнаты, как она первая подошла под благословение. Послышались голоса: «Ишь как обрадовалась-то, а то все лежала». Это и оказалась больная «Машенька»... Во время ее пребывания в заключении, ей очень сильно давили на горло и у нее парализовало горло, а раньше она пела в хору монастырском. Она так бурно выражала свою радость нашему приходу, что непрерывно вставала с постели, на которой сидела, все вновь и вновь просила благословения. Если кто-нибудь из вновь входящих (а в избу входили все новые и новые люди) подходил под благословение, то Машенька тут же подходила, протягивая руки. Это было так необыкновенно трогательно, что и сейчас при воспоминании о ней, у меня текут слезы.

Пришлось нескольким отказать в Крещении, т. к. со мной не было «мира». По этой же причине я отказал и миропомазать крещенных бабушками. Несколько женщин попросили дать им молитву, с тем, чтобы утром на следующий день причаститься. Пришла женщина с просьбой причастить больную мать, а за ней

вторая, с такой же просьбой. Этим просительницам я назначил время 4 часа утра, а всем остальным 8 часов, с тем, чтобы первым автобусом доехать до Сатиса, а там пешком четыре километра до источника.

Меня оставили ночевать в этом доме, а моих спутников — П. И. и Анатолия — отправили ночевать в дом напротив. В половине четвертого утра в среду за мной уже пришли и я пошел к больной. Там я причастил умирающую и кроме нее хозяйка подняла с постели трех ребят, которых я тоже причастил. Затем она повела меня к больному мужчине, когда я его причащал, женщина мне сказала, что еще один мужчина просит причастить его мать, я пошел туда и причастил старушку, отказавшись, однако, от соборования, так как надо было торопиться, чтобы успеть к автобусу.

Вернувшись в дом Машеньки я застал там человек 9, в том числе и Машеньку, одетую в белый апостольник, ряску и такую сияющую, что вся комната как будто освещалась сиянием ее лица.

После общей исповеди я причастил всех взрослых и еще двух детей, отказавши в причастии двум детям, так как они, хотя и крещены, но миропомазаны не были. Преподавши Святые Тайны Машеньке, мы увидели, что она вдруг сделалась как мертвая, ее уложили на кровать и, со скрещенными руками на груди, в беленьком апостольнике, с бледным лицом и с закрытыми глазами, она действительно казалась умершей. Но это только казалось, оказывается это бывает у нее всегда, т. к. парализованное горло не проталкивает пищу внутрь: а задерживает ее на полпути. Я очень беспокоился и потому несколько раз подходил к ней узнать, прошла ли у нее святыня. Наконец, она сумела проглотить и я успокоился. Эта Машенька замечательна вот чем:

Мария Л., похоронивши старушку, для ухода за которой она была прислана сюда о. Н., взяла к себе из дер. Елизарово 95-летнюю Вареньку (в монашестве Агнию), которая осталась одна после смерти своей товарки Агриппины. Эта Варенька в монастыре была шорницей и поселившись в дер. Елизарово, после разгона монашек, в доме племянника своей товарки, стала работать в колхозе и очень долго заработанным хлебом и овощами подкармливала оставшихся без крова и пищи стариц обители. Когда силы ее стали убывать, то вместе со своей теткой Агриппиной племянник последней стал помогать им. Так прожили они до Пасхи, а на Пасху Агриппина скончалась и, хотя племянник умершей и предложил Вареньке жить в его доме до смерти, но она почла за благоразумное принять предложение Марии Л., перейдя на жительство к ней в Дивеево.

Сама Мария имеет свою комнату в Москве, получает пенсию 100 рублей и, имея благословение о. Н., взялась за хлопоты об открытии Церкви.

Смелая, энергичная, она вот уже второй год обивает пороги всех. Добилась получения положительного решения от Косыгина, но местные власти никак не разрешают открыть церковь и несколько раз грозили выслать надоедливую просительницу из Дивеева. Так вот: когда Мария начинала хлопоты, то она неоднократно спрашивала Машеньку: разрешат или нет? На что Машенька неизменно отвечала: «Трудно, трудно». В этом году она стала говорить: «Откроют, откроют!» и при этом утвердительно осеняет себя крестным знаменем. Спрошенная мною несколько раз об этом же, она неизменно отвечала — «Откроют, откроют!», «скоро откроют» и, кланяясь и протягивая руки для благословения, пела, еле-еле выговаривая

слова своим парализованным голосом: «Господи помилуй, Господи помилуй».

Последний раз, кажется, в марте месяце, Марию вызвали в горсовет и после многих уговоров и угроз, наконец, спросили: «Ну, а какую церковь вам отдать?» На это она ответила: «А какую дадите». — «Да ведь потребуется затрата на ремонт», — сказали ей. «Это не ваша забота. Деньги наши, а материал продадите нам вы. Мы согласны, если это будет простой дом, только дайте разрешение». Такой разговор был в марте, а в конце августа Марии сообщили, что 28 сентября ее вызовут на заседание горсовета. Что будет дальше и состоялся ли вызов, — не знаю. Может быть, Вам уже и известно что-нибудь об этом?

В Машеньке заметно много смирения, когда я, благословляя ее, поцеловал ее в голову, она вдруг сказала: «Нельзя, нельзя целовать голову, она грешная; тебе нельзя целовать, а вот мне можно твою голову поцеловать». На это я ей ответил: «Ну, раз тебе можно, то ты и поцелуй, только вперед перекрести меня». Она подумала, перекрестила мою голову, поцеловала и вновь сказала: «Грех мою голову целовать, а твою можно», — и вновь перекрестила меня и поцеловала в голову, запев свое «Господи помилуй», с глубокими поклонами и ежеминутным протягиванием рук для принятия благословения. Не знаю, как на моих спутников, но на меня эта Машенька произвела большое впечатление.

Забыл еще сказать, дорогой батюшка, что дорога, которая накануне, когда мы приехали в Дивеево, была совершенно непроходима, так что мы едва добрались до цели нашего путешествия, во вторник совершенно просохла, с неба лились яркие лучи солнца, ласково согревавшие нас во все дни, пока мы ходили по земле,

где некогда ступали ножки преподобного Батюшки Серафима.

В Ломасове мы закончили дела тогда, когда автобус, которым мы должны были доехать до Сатиса, а оттуда пешком отправиться до источника, уже ушел; поэтому мы остались завтракать, а затем, сопровождаемые словами молитвенных пожеланий, благодарными возгласами любви и просьбами приехать к ним еще, — решили пойти до Сатиса пешком.

Я, правда, не заметил времени, когда мы вышли из Ломасова, но Анатолий и П. И. уверяют, что мы шли 3 часа до Сатиса, поэтому расстояние 7 км, которое считают местные жители от Ломасова до Сатиса, — оказалось не менее 9 км, если не более. Нам предстояло идти еще 4 км до источника и обратно до Сатиса, с тем чтобы успеть в Осиновку к 12 часам, а мы в 11 часов еще только дошли до Сатиса. Нужно сказать, что если бы я был один или даже с П. И., то я ничего не смог бы там сделать; Анатолий освободил меня от очень тяжелого портфеля, в котором лежали Евангелие, Крест, подрясник, требник, книга молебных пений, облачение, свечи и еще что-то. У него у самого свой портфель, кроме того бидоны для воды; у П. И. своя сумка, у Марии и А. П. свои ноши, так что, если бы не их помощь, то я не смог бы пройти пешком такое большое расстояние, а если бы и прошел, то уже делать ничего бы не сумел.

Надо думать, что соизволение о помощи и причастии своих сироток батюшки Серафима было так велико, что в самый последний момент перед сборами в дорогу он послал мне такую подмогу, как Анатолий.

Все мои спутники оказались заядлыми грибниками и потому, уже по дороге к источнику, почти полностью набили: Анатолий свой портфель, а женщины свои сумки — грибами, преимущественно опятами. Я же на-

грузил их еще шляпками красных мухоморов для растирания, которых никто в Подмоскowie мне привезти не смог. Думаю, что и это не без Промысла.

Мария сказала, что она поведет нас на гору, с которой можно увидеть Саров. Наконец, мы подошли к месту, где по правую сторону протекает река Сатис, а налево от нашего пути очень высокий, почти отвесный, поросший лесом, вероятно, бывший берег (правый) обмелевшей в настоящее время реки. Наверху тракторами валили лес, бульдозеры снимали верхний слой чернозема, а экскаваторы нагружали машины желтым, золотистого цвета, песком, вероятно, для строительства в городе, а может быть, и в самом Сарове. С трудом, цепляясь за сучья и стволы сваленных деревьев, хватаясь за пни и кустарники, мы взобрались наверх и увидели искусственно насыпанный холм, возвышающийся недалеко от нас. Влезши на этот холм и повернувшись в сторону реки, я увидел необычайно красивую картину. Когда я взбирался на эту возвышенность, я представлял, что увижу или полную картину разрушения, или, во всяком случае, не более как верхушки полуразрушенных зданий бывшего монастыря, основания которых скрыты от посторонних взоров густо поросшим лесом на левом берегу Сатиса.

Каково же было мое удивление и как-то особенно сжалось сердце не то от радости, не то от сожаления, когда моему взору предстала, как на ладони, панорама Саровской обители. Прямо передо мной, вся белая, стройная, как невеста, возвышалась колокольня, видимо, недавно отремонтированная (говорят, даже часы на ней вновь установлены и не только показывают, но и отбивают время). Налево от колокольни, также вся белая, возвышается церковь и около нее, насколько я мог разглядеть, двухэтажное здание. Еще левее вдаль виднеются здания и среди них храм. Все

это имеет очень опрятный вид. Вправо же от колокольни расположено здание однокупольного храма, а почти рядом с ним — другой храм, причем оба они имеют вид заброшенный, с ржавыми крышами, непокрашенные и, вероятно, используются (если только используются) под какие-нибудь хозяйственные нужды. Долго задерживаться на этом холме нам показалось небезопасным, так как механик одной машины (трактора) стал давать какие-то частые свистки, остановив машину как раз напротив нас. Мы поспешили покинуть свой наблюдательный пост и, спустившись с трудом вниз, пошли в обратный путь к ближайшему источнику, вытекающему из-под правого обрывистого берега реки Сатис. Это еле заметная струйка воды, вытекающая из водосборного ящика, углубленного в землю не более, чем на 15-20 сантиметров. Вода там мутная и потому мы только помочили себе руки и лицо и отправились на другой источник на левом берегу реки. Для того, чтобы попасть к нему, нужно перейти реку вброд. Не без тревоги думал я о предстоящем переходе босиком через реку, вода в которой холодная, и как этот холод подействует на мой радикулит, когда даже ступить босой ногой на крашенный пол я не могу без того, чтобы не было осложнения. Пройдя метров 300 от первого источника, мы спустились к реке. Вижу, что первыми начали разуваться женщины. За ними сняли обувь и мы. Случайно встреченная нами на первом источнике женщина побоялась переходить реку, ну, а мы, в том числе и я, засучив брюки выше колен, пустились вброд, причем вода была настолько теплой, что переход получился довольно приятным. Выйдя на берег, мы оказались на земле собственно самого Саровского монастыря, по которой 150 лет тому назад, несомненно, хаживали ножки самого Преподобного. Пройдя не более 200-250 метров по поляне, мы вновь

оказались на левом обрывистом берегу той же самой реки, причем внизу бежал, журча по камешкам, очень быстрый ручей чистой, как слеза, воды. Первым делом мы наполнили нашу посуду водой, потом в сильной струе холодной, как лед, воды мы смочили голову, грудь и шею, помыли руки и ноги, пособирали «снитку» (оказавшуюся вовсе не сниткой) и пошли в обратный путь.

Пока мы проделывали водную процедуру, Мария рассказала нам следующее: «Здесь еще недавно проходила зона ограждения монастыря, удаленная от пустыньки Преподобного не более, чем на 400-500 метров. Ранее на этом месте никакого источника не было. Однажды, в начале весны, начальник осматривал ограждения и, проходя недалеко от вышки охраны, увидел идущего впереди себя старца с посохом, который подошел к месту, где теперь бьет источник воды, ударил посохом в землю и стал невидим. После этого ограждение зоны было отнесено в глубь территории монастыря на 40-50 метров. Немым свидетелем того, что здесь проходила зона ограждения, оставлен столб со следами бывшей на нем колючей проволоки. Этот столб стоит в метрах 15-20 от чудесно возникшего источника».

Возвращались мы обратно в приподнятом настроении. Первой перешла реку Мария, за ней шли П. И. и Анатолий, последними переходили А. П. впереди, а за нею я и сожалел, что мы не захватили с источника камешков. Вдруг посередине реки А. П. поскользнулась, уронила бидон в реку и, склонившись, чтобы подхватить его, сама упала в воду, искупавшись во всем, в чем была одета. Мария, которая успела уже обуться, быстро вновь разулась, схватила бидон из рук растерявшейся А. П., перешла вновь реку и, со словами: «Видимо, Преподобный хочет, чтобы вы за-

хватили с собой и камешки из его источника», побежала обратно, вернувшись вскоре с полным бидоном воды и с горстью камешков со дна источника.

Нужно было скорее поспешать в Сатис на автобус до Осиновки, причем мы решили, что так как П. И. и Анатолий очень устали в пути, взяв на себя обязанности носильщиков всего груза, то они с автобусом поедут домой, а я с женщинами сойду в Осиновке, куда мы уже запаздывали часа на два, чтобы удовлетворить нужды живущих там, о чем их уже предупредили. Но спутников моих обуяла грибная лихорадка. Они никак не могли спокойно пройти мимо необыкновенно больших семейств опеночных поселений, которые так соблазнительно ожидали любителей и словно просили: «Ну, пожалуйста, не оставляйте нас расти без пользы, возьмите нас с собой». И отзывчивые сердца моих спутников не могли не отозваться, а потому набили и портфели (кроме моего, который был и без того страшно тяжелым), и сумки, так что, придя наконец в Сатис, мы немного подождали и поехали в Осиновку.

Время показывало 4 часа, вместо назначенного 1 часа. Подъезжая к остановке, мы увидели старушек, бредущих каждая к своему дому. Видимо, они потеряли всякую надежду на наш приезд, но, увидя нас, они быстро вернулись назад. Оказалось, у них все было приготовлено для соборования. Как я ни устал, но отказываться было нельзя. Мария с А. П. ушли подготовить слепую, недвижимо лежащую старицу, а я начал совершать таинство. На мое счастье, подошла одна певчая из деревенских (она пела в Казанской церкви) и стала мне помогать. Все было закончено через 2 часа после начала. Здесь я пособоровал и причастил 7 человек, дал молитву 3 женщинам и причастил 3-х малышей. Нужно было торопиться на автобус. Больная старуш-

ка, к которой пошли мои спутницы, причащаться отказалась, так как ее никто не предупредил и она не приготовилась. Отказавшись от чая, мы пошли к остановке. Там уже стояли люди. Простояв некоторое время, мы увидели, что они пошли, решив, что автобуса больше не будет. За ними двинулись и мы. Вдруг мимо нас промчался обогнавший нас автобус, а через некоторое время и второй. Не остановившись на наши знаки, автобус затормозил и остановился далеко впереди нас, забирая группу людей. Мы побежали, напрягая последние силы, размахивая руками, чуть ли не криком старались обратить на себя внимание водителя. И на этот раз Преподобный помог нам, и мы через минут 15-20 вышли на остановке Дивеево. С трудом волоча ноги, добрались мы до дома. Уже было порядочно темно на улице. Войдя в полутемную комнату (электричества нет), освещенную только керосиновой лампой да пламенем нескольких восковых свечей, мы нашли там новых гостей. Иеродиакон из Загорска В., весьма влосатый и бородатый, восседал за столом и кушал, на мое приветствие еле ответил. Его спутник, молодой человек (оказался дьякон А.) с женой и свояченицей подошли под благословение. Оказалось, что приехали они на один день, чтобы сходить к источнику. Это значило, что бедная Мария должна была на следующее утро вновь идти на источник, только что вернувшись домой и проделав с нами путь не менее 17 км. Оказалось, Анатолий и П. И. успели отдохнуть часа полтора, а хозяйки в это время нажарили грибов, обильно угостив нас ими. Отправляясь спать, уговорились: четверо новых гостей в сопровождении Марии в 4 часа утра идут на «канавку», а оттуда едут в Сатис и идут на источник. Мы трое в сопровождении А. П. и А. (прислана о. Н. в помощь Марии) в 5 часов пойдем на «канавку», а затем в дер. Казеваново, чтобы при-

частить 105-летней монахиню Протасию и 85-летней монахиню Татьяну.

Расстояние в 4 км нам показалось значительно длиннее, вероятно, потому что «гак» в русской мере всегда почти превышает ту меру, к которой прибавляется.

Это был уже четверг, назначенный мною быть крайним днем нашего пребывания на земле Преподобного, а нам предстояло, кроме Казванова, посетить слепую певчую Казанской церкви и обслужить всех тех, к кому мы приехали. Отправившись на «канавку» в 5 часов утра, мы прошли по сохранившейся ее части, причем я успел прочитать неполную сотницу (примерно 70-80) «Богородиц», отсчитывая счет по четкам. Прошли мимо места, где были часовенки над могилами блаженных, причем нам указали на склеп с пробитым сводом как на место погребения Блаженной Параскевы (Саровская Пашенька), используемый как место для свалки мусора и нечистот проживающими здесь людьми. Старый собор с разбитыми стеклами, проржавленной крышей используется как склад материалов. Колокольня, ободранная и обезглавленная, стоит как свидетель бесхозяйственности тех, кто берет на себя смелость именоваться истинными хозяевами народного имущества. В трапезной расположился клуб. В домике Прасковьи Ивановны живут. Постояли на месте погребения первоначальницы Александры, схимонахини Марфы и Елены Васильевны. (*Пропуск в оригинале. — Р е д.*)... спилены, а площадь вокруг здания (даже и чугунная плита на могилке первоначальницы Александры) заасфальтирована, оставив один очень маленький угол плиты, не покрытой асфальтом, как будто Промыслом Божиим оставленный на облегчение труда будущих поколений при поиске этих могилок, когда, согласно предсказанию Преподобного, придет

время открытия святых мощей этих благодатных подвижниц времен самого Преподобного.

Не знаю, дорогой батюшка, как кому, а я во всей этой разрухе, во всем осквернении и уничтожении почувствовал такую высоту смирения и самоуничтожения самого Преподобного и его детища Дивеева во главе, в действительности, с дивными подвижницами, имеющими явить миру новое чудо красоты Христовой веры в явлении святых своих мощей.

Новый собор, в свое время полностью подготовленный к освящению (за исключением заготовленного, но не уложенного на место пола), представляет собою мерзость запустения! Стекла выбиты, дверей нет, входные ступени разрушены и поросли травой. Трава покрывает и желоба кровли, давно не видевшей краски. Кресты, как на новом, так и на старом соборах, отсутствуют, бетонное основание пола в одном месте с какой-то целью пробито, открывая жутко зияющую глубину подвального помещения. Нечего говорить, что стерты с лица земли могилки храмоздателя Феодора (в монашестве Серафима), его жены и дочери, а дом, где они проживали, занят под детский сад. Дом Мантурова, приобретенный у Елены Ивановны (жены Мантурова) дядей Алексея Петровича, снесен, и место пусто. Рядом стоит дом, в котором проживал священник (не помню его фамилии, кажется, Соколов или Светлов), который имел сына — дьякона Николая, привезшего из родительского дома наш портрет Преподобного, а затем оставившего его покойной матушке Евгении, от которой он чудесным образом оказался в Вашей комнате, восполняя коллекцию драгоценных реликвий из предметов, которых касались благодатные пальчики Преподобного Батюшки Серафима.

Дорога до Казеванова, даже сокращенная, потому что часть ее мы прошли полем, как я уже сказал, показалась нам значительно длиннее 4-х км, но зато мы почти на краю деревни нашли домик, в котором проживает мать Т., встретившая нас на крыльце. Маленькая, худенькая, в стареньком платице, в рваной кацавейке и таких же башмаках, со сморщенным личиком, но с дивными глазами, с головой, покрытой какой-то шапочкой, в виде капора, как обыкновенно носят старые монахини, она скорее производила впечатление маленького гнома, чем живого человека, так она мала ростом. Ей 85 лет. Оказывается, 12-летней девочкой она приведена была к матушке игумении, а та сперва из-за малого роста отказалась ее принять. Но неотступность просьбы девочки победила, и она была оставлена в монастыре. Впоследствии она получила послушание клирошанки. После закрытия монастыря ее приютила сестра, на крыльце дома которой она и встретила нас. Быстро сбегав в дом, она вернулась в апостольнике с палкой в руке и очень быстрой походкой повела нас к 105-летней Протасии, тетка которой еще застала в живых Преподобного Серафима.

Деревня оказалась очень длинной и, пройдя около полутора километров, мы, наконец, подошли к дому, где живет матушка Протасия. По дороге мать Татьяна сказала, что ей хочется причастить одну больную и еще глупенькую девушку, поэтому по дороге она забежала в их дома предупредить, чтобы они ничего не ели. Войдя в дом, мы увидели мать Протасию, сидящую около стола. Около нее стояла молодая женщина и наливала чай, видимо, желая ее покормить, так как вся семья отправлялась копать картофель. Увидев нас, хозяйка отставила чай и сказала старице: «Ну, уж тогда после поешь». Она объяснила, что приехал батюшка причастить Протасию. Последняя оказалась по

виду довольно крепкой, крупного телосложения женщиной, сидящей в кресле, по слабости ног не имеющей возможности передвигаться самостоятельно. Безродную, в глубокой старости оставшуюся без крова и поддержки, ее приютили совершенно чужие люди и с чистым сердцем делятся с ней результатами своих трудов.

Увидев нас, мать Протасия заявила, что она причащаться не будет: «Я ждала вас вчера и готовилась, а сегодня я ничего не читала и не готовилась. Вы видите, что я живу у чужих людей, сама ем чужой хлеб, у меня ничего нет. Мне нечего вам дать, у меня ни денег нет и угостить вас мне нечем, что я могу вам дать? Я сама нищая. Вот люди покормят меня — я и сыта, а вам я ничего дать не могу. Нечего вам было и приезжать. Ни денег, ни угощения у меня нет».

Долго пришлось уговаривать мать Протасию, доказывая ей и разъясняя, что нам ничего от нее не нужно, что мы сами дадим ей денег, что вся цель нашего приезда только в том, чтобы преподать ей Святые Тайны и никаких угощений нам не нужно. С трудом уговорили мы упрямыцу согласиться с нашими доводами. В это время в избу вошел мужчина, как мне показалось, средних лет. Посмотрев на меня, он как-то нерешительно сказал: «Мне бы бабу мою причастить, умирает она у меня». Мать Татьяна на это ему ответила: «Да, ведь она, чай, поела?» — «Какой там поела, — с грустью в голосе ответил он ей. — Она уже две недели ничего в рот не берет. Однако я сбегаю предупредить». И он ушел.

Помолившись, я встал на колени рядом с креслом Протасии, так как она глухая, рядом со мной на колени встала Татьяна и я громким голосом прочитал положенное правило причащения больных и точно так же на коленях прочитал для них благодарственные молитвы, когда причастил их Святыми Тайнами. Посовето-

вавшись с А. П., я дал матери Протасии 20 руб., а матери Татьяне 10 руб., так как она хоть и живет с сестрой, но пенсии никакой не получает.

Отсюда мать Татьяна повела меня к «глупенькой». Оказалось: это девушка, которой на вид никак нельзя дать более 20 лет, а на самом деле ей 42 года отроду и родилась она больной. Родители ее старались, когда были живы, лечить ее. Два раза возили ее в Киев, но успеха не имели. Теперь она живет у сестры, помогать ничего не может, так как ничего не понимает. В ожидании нашего прихода ей не давали есть, так что она «пошумела», рассказала нам ее сестра. Ни о какой исповеди и говорить не пришлось, и я причастил ее как младенца. От этой несчастной Веры (так зовут эту девушку) мы пошли к больной, о которой просила мать Татьяна. Причастивши ее, мы пошли в дом к больной, о которой просил ее муж, увидевший нас у матушки Протасии.

В избе, прямо около двери, на кровати, огороженной боковыми досками, чтобы больная не могла упасть, лежала с изможденным болезнью лицом женщина. Вслед за нами вошла женщина (соседка) с просьбой причастить больного, сказав, что он сам придет, и ушла, чтобы позвать его. Пришел хозяин дома, а вслед за ним вернулась соседка, сказав, что больной уже сам идет. В дом вошел мужчина с желтым одутловатым лицом, с опухшими руками, с палкой, на которую он опирался, еле передвигая отекавшие ноги, с высоко вздымавшейся грудью от одышки и с каким-то свистом в горле. Я уже заканчивал молитву, как вновь пришли сказать, чтобы мы не уходили, так как сейчас приведут больную. Закончив с этими двумя, я спросил мужа больной, как его имя. «Степан», — ответил он. — «А по отчеству?» — вновь спросил я. «Андреевич»... Вот, говорю я ему, в каждом доме здесь у

вас иконы, лампадки горят, и у тебя тоже, а Богу молишься ли? «Да! Как когда. Вот заболела она, так все на мне, батюшка, грешный я очень, батюшка: вино пью. Бог и молитву-то мою, чай, не примет». В это время больная спросила его, кто к ней позвал меня. «Так, неужли кто? Я и позвал, — с какой-то ноткой не то обиды, не то гордости в голосе ответил он ей. — Я как увидел, что попы в деревню приехали, так и позвал»... И столько, дорогой батюшка, в его грубом тону и по словам ответе своей умирающей жене было такого скрытого от внешних взоров и горя, и обиды, и самое главное — столько сострадания и любви, что и сейчас при воспоминании об этом, огрубевшем внешне, человеку у меня невольно текут слезы.

«Ты, батюшка, — обратился ко мне Степан Андреевич, — не думай, я хоть и очень грешный, вот видишь — вино пью, а креста с себя никогда не снимал. Вот он у меня, всегда со мной, — и он вынул из-под рубашки крестик на грязном, как и рубашка на нем, шнурочке, небольшой крестик. — Он и на войне со мной был. Я с ним никогда не расставался. Как можно быть без креста крестьянину».

Эта неожиданная речь Степана, который сам про себя говорит, что он грешный, пьет вино, который сознает себя недостойным, чтобы Бог услышал его молитву, ошеломила меня. «Вот она где, Святая-то Русь, — подумал я, — сюда бы Достоевского. Он бы, наверное, был рад увидеть в действительности нашего антихристианского общества подтверждение своего прогноза, что в толще своей, внутри себя, под грязной подчас рубахой внешности, — русский по душе и не объевропеившийся и не нахватавшийся вершушек современной «культуры», скепсиса, человек в глубине своего сознания хранит свою веру, свою любовь к Богу. И пусть он живет без Церкви, потому что ее у

него отняли, она закрыта, пусть за заботами дня, за суетою жизни, может быть, редко к нему приходит мысль о Боге. Пусть неудачи жизни иногда вложат в его руку зеленое зелье, но внешность эта не достигает глубины его души. Там теплится уголёк веры: там хранится запас непобедимой преданности делу, за которое отдал Свою Жизнь Христос Спаситель, там, под спудом, как святыня сохраняется любовь к Богу. Это и есть Святая Русь».

В это время привели больную, которая хоть и на костылях, но сама передвигаться не могла, ее с трудом вели двое людей. Наконец, причастив и эту несчастную, мы пошли в Дивеево, чтобы причастить одну певчую из Казанской церкви и вернуться к себе домой, где нас должны были ожидать те, которым было сказано, что они получают причастие в 11 часов дня. Было уже 11 часов, когда мы пришли к больной певчей. Оказалось, она два года как ослепла от болезни мозга, вследствие побоев мужа-пьяницы. Она обладала, говорят, изумительным голосом и по благословению матушки игуменьи, как замужняя, пела в приходской церкви. «Батюшка! Уж как я славил Бога-то, как я любила петь-то. Уж ни одного праздничка, ни одной-то службы я не пропускала. Вся моя жизнь была в пении духовном. Как утешались все моим пением, сколько благодарностей и от людей, и от самой матушки игумении внимания видела я, дорогой батюшка, но, видимо, неугодно было Господу мое пение: наказал Он меня. Замужество не принесло мне радости: болезнь истощила мои силы и ко всему этому вот уже несколько лет я лишилась зрения, провожу остаток своих дней, не вижу солнышка и не ощущаю теплого участия от ближних, кроме сестры, в моем тяжелом положении». Во время исповеди у нее начался приступ рвоты. Вместе со слюной с большими судорогами выходила

желчь, причем пришлось смочить два полотенца в этой жидкости, пока прекратились судороги и перестала рвота, — результат болезни мозга от побоев мужа, который до сих пор каждый день непробудно пьян, продавая и вытаскивая из дома все, что только можно променять на водку.

С чувством тоски и жалости к этой несчастной женщине, счастье которой обернулось к ней спиной, с сожалением о скудости моих душевных и духовных сил, обласкав ее и утешив Святыми Тайнами, оставили мы этот дом, в котором, кажется, и углы-то и стены обледенели от холода и небрежения к человеческому страданию и горю.

Придя домой с большим опозданием, мы увидели умилительную картину. Все присутствующие стояли на коленях и слушали правила ко Святому причащению. Оказывается, собралось 22 человека, желающих получить Святое Причастие. Кроме взрослых, монахинь и мирских, было несколько женщин, желающих взять молитву и причастить детей! Хозяйка — мать Мария — в сенях собрала нам поесть, так как было уже 3 часа дня, а во рту у нас со вчерашнего вечера не было ни крошки. Наскоро подкрепив себя пищей, я отпустил домой, удовлетворив их нужды, женщин с детьми и тех, кто не готовился принять Святые Тайны, и начал читать положенное правило «О еже когда прилучится причастить больного», а затем провёл общую исповедь, учитывая состав собравшихся, среди которых было большинство монашествующих.

На столе лежал водосвятный Крест и Евангелие и в дополнение тяжелый Крест с цепью самого Преподобного, который он носил с веригами. Подходя под разрешительную молитву, каждый из исповедников прикладывался ко всем святыням, как бы принося исповедь свою самому Батюшке Преподобному и

испрашивая у него помощи на борьбу с врагом нашего спасения.

Примечательно то, что, подходя под разрешительную молитву, почти все монахини, постриженные в мантию в недавнем прошлом, называли свои имена по пострижению в рясофор, с которым они покинули отнятый у них монастырь. Подходя же ко Святой Чаше, они стали называть свои настоящие монашеские имена, вероятно, опасаясь, не буду ли я выведывать от них время и обстоятельства пострига и кто совершил над ними это святое Тайнодействие.

Среди мирян присутствовала одна, высокого роста, очень худая женщина, назвавшая себя Евдокией. Когда дошла ее очередь принять Святые Тайны, то она внезапно пошатнулась и упала навзничь на руки подхвативших ее монахинь. Положив ее на кровать, мне рассказали, что Е. замужем, имеет двух детей, часто ездит в Арзамас и часто причащается, но никогда не бывало с ней того, что случилось здесь; рассказали о ней и о том, что иногда Евдокия видит и слышит голос, чаще всего вражий, и пересказывает сказанное тому, к кому относится это видение или слова, слышанные ею, и что такое состояние у нее бывает редко. Преподав Святое Причастие всем, я подошел к Евдокии. Она встала с кровати и с необыкновенным благоговением приняла Святые Тайны и вновь села на кровать рядом с большим образом Преподобного, изображенного в «пояс». Оказывается, этот образ был написан для нового собора и изображал Преподобного Серафима во весь рост. Взяв этот образ при разгоне монастыря, хозяйка хижины вынуждена была отпилить нижнюю часть иконы, так как ввиду незначительной высоты помещения (голова почти касается потолка), она не устанавливалась.

Закончив благодарственные молитвы по Святом Причащении, которые я всегда стараюсь читать сам, и сделав отпуст, я стал давать Крест всем присутствующим, подходившим ко мне. К последней, сидевшей на кровати Евдокии, я подошел с Крестом сам и, подавая Крест Евдокии, был остановлен ею. Протянув руку к иконе Преподобного, Евдокия, приложившись ко Кресту, стала громким голосом говорить, обращаясь ко мне: «Батюшка! Преподобный велит сказать мне тебе, батюшка, чтобы ты запомнил. Никому не велит говорить, только тебе одному. Это я не свои слова говорю, а Он — Преподобный, — указывая рукой на икону Преподобного, сказала Евдокия, — велит мне сказать тебе; скоро, скоро здесь, в Дивееве, будут торжества. Теперь не годы, и не месяцы, а дни и часы — произнося слова «часы» по местному наречию) — остались до открытия монастыря и явления четырех мощей: Батюшки Преподобного, Первоначальницы Александры, матушки Марфы и Блаженной Евдокеюшки, замученной и убитой безбожниками, уж как били, уж как они ее мучили-то, бедную, всю одежонку на ней изорвали, пытали ее и резали, а потом неизвестно где похоронили. Так неотпетая и лежит она в сырой земле, только и остались от нее чулочки, залитые кровью; один-то из них вот я прибрала, да и выстирала. Вот, Преподобный-то и велит мне, — вновь повторила Евдокия, — скажи ему, никому другому, а только тебе, батюшка, велит сказать Преподобный, что скоро, скоро откроются и монастырь и мощи. Это не я говорю и не свои слова, а передаю тебе то, что велит мне сказать вот Он, — рукой показала вновь Евдокия на икону Преподобного. — Он велит сказать тебе, чтобы ты обязательно приехал сюда на открытие церкви и мощей».

Дорогой мой батюшка! Мне трудно передать Вам, какое волнение овладело мною при словах этой женщины. В ее голосе, в интонации этого голоса, выражалась торжественность ее посланнической миссии и, несомненно, вера в грядущее, которое только ей было одной открыто и которое только ей и никому другому было поручено передать мне и присутствующим. Меня охватило, с одной стороны, чувство радости, а с другой — чувство страха. Какая-то сладость разлилась в моем теле. Я ощутил такую дрожь и такое волнение в сердце от ее последних слов, что я невольно поддался пафосу и торжественности ее настроения. Однако радость, охватившая все мое существо от сознания, что сам Преподобный, устами своей посланницы, зовет меня к участию имущих быть торжеств в его детище — Дивееве — быстро сменилось страхом от сознания своей греховности и нечистоты и печалью о том, что Господь не допустит меня грешного быть участником событий, о которых так торжественно и с такой верой в истинность слышанного и передаваемого ею поведала нам Евдокия.

Печаль и страх с такой силой схватили мое сердце, что я заплакал... и сквозь слезы, сознавая свое недостойнство, чтобы сам Преподобный мог обратить свой взор на такого, как я, грешника, ответил все же согласием приехать в Дивеево на настоятельные, неоднократные приглашения Евдокии.

Когда я, прочитав положенные молитвы по Святом Причащении, отпустив всех подошел к сидевшей на постели Евдокии с Крестом, последняя спокойным, ровным голосом, совершенно непохожим на голос человека, еще несколько минут назад звучавший как голос пророка, обратилась ко мне с просьбой: «Ты, батюшка, уж прости меня и помолись о грешной Евдокии: а я буду молиться за тебя».

Было уже совсем темно на улице, когда мы собрались ужинать с тем, чтобы отправиться на ночлег. В это время возвратилась Мария от источника, куда она водила о. В. и его спутников. Они заехали за вещами на такси и торопились на вечерний поезд. Я договорился с шофером, чтобы в 10 часов утра на следующий день он заехал бы за нами и отвез бы в Арзамас к поезду в 12 часов.

Ранним утром следующего дня поднялись мы с тем, чтобы отслужить благодарственный молебен с освящением взятой из источника воды, двинуться в обратный путь и покинуть полюбившихся нам стариц, боголюбивые сердца которых так бережно и так благоговейно сохраняют духовные традиции и живущую в них любовь, оставленную им основателем их обители Батюшкой преп. Серафимом.

Вылив всю воду в чугунок Преподобного, в котором он варил себе пищу, я отслужил молебен. При освящении воды в первый раз я погрузил свой водосвятный Крест, второй раз, при пении тропаря «Спаси Господи люди Твоя»... я погрузил в чугунок с водой из источника Крест с веригами самого Преподобного. Закончив водоосвящение погружением водосвятного Креста и окропив присутствующих и помещения, мы стали собираться, ожидая обещанного нам такси! Было уже около 11 часов, когда, отчаявшись в верности слова, обещанного нам вчерашним водителем, Мария побежала на автобусную станцию и минут через 15 вернулась с машиной. Трогательно, со слезами на глазах провожали нас старушки, вышедшие на улицу. С возгласами любви, с просьбами не забывать их и пожеланием нового свидания, напутствуемые Крестным Знаменем, которым они осеняли нас вслед удаляющейся от них машины, покинули мы гостеприимную землю и любвеобильные сердца сироток Дивеевских, которые

и вне ограды удела Царицы Небесной сохраняют верность заветам молитвенника за них и за всю землю русскую, возлюбленного Избранника Божией Матери.

Мелкий частый дождь внезапно стал поливать дорогу и местность вокруг нашего пути, словно подчеркивая окончание забот, которыми оградил нас Преподобный во все время нашего пребывания на его земле.

Дорогой мы узнали от шофера, что сегодня на Москву идет только один поезд в два часа дня. Подъезжая к вокзалу, мы увидели поезд дальнего следования с названием «Татарстан». Решив, что этот поезд из Москвы до Казани, мы с Анатолием остались сидеть в машине, а П. И. пошел в вокзал узнать о времени отправления и, если можно, то приобрести и билеты. Беспокойство от долгого отсутствия П. И. еще более увеличилось, когда, наконец, он возвратился и торопливо сказал, что поезд уже стоит, готовый к отходу на Москву. Оказалось, что состав, принятый нами за следующий из Москвы, возвращался из Казани. Наскоро захватив вещи и едва успев поставить ногу на подножку вагона, мы тронулись в путь. Узнав от П. И., что поезд в два часа дня отменен, мы еще раз поблагодарили Батюшку о. Серафима, который, как любящий отец, взяв нас за руку в день начала нашего путешествия в Москве, провел с заботой о нас по своей земле и с любовью не отпускал наших рук, сам усадил нас с благословением в поезд, ни на минуту не давая возможности никакому огорчению коснуться наших сердец, проявляя и по сей день трогательную заботу о всех, с верою приходящих к Нему.

Слава Тебе, Господи, за то, что Ты дал нам такого Подвижника и Молитвенника.

Слава Тебе, Царица неба и земли, так явно распростершая Свой Небесный Покров над местом Твоего последнего земного жребия, что — сейчас, когда

уничтожают видимость Его, — тепло лучей Любви Твоей согревает тех, кто с верою посещает эти благодатные места.

Слава и Тебе, Преподобный отец наш Серафим, что до сих пор не перестаешь Ты наполнять радостию и благодарностию сердца всех, любящих Бога.

Спасибо Вам, родной наш батюшка, что своим благословением и молитвами своими Вы сопутствовали мне и моим спутникам, доставив мне необыкновенную, Нечаянную Радость!

Священник Димитрий Д у д к о

ХРИСТОС В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Воскресные собеседования

О ВОСКРЕСЕНИИ ХРИСТОВОМ

21 июня ст. ст.

4 июля н. ст.

Утр. Ев. 3-е. Мрк. 16, 9-20

Лит. Мф. 6, 22-35

Воскресный день — это не просто день с определенным названием, это день особый, день, напоминающий нам, что нам нужно достигать своего воскресения из мертвых. Христос воскрес не для Себя, воскрес для нас. Нам нужно воскреснуть из мертвых.

Воскрешает из мертвых нас, конечно, Господь наш Иисус Христос, но мы здесь не должны оставаться безучастными. Без нас, без нашего расположения, без нашей воли Господь нас не воскресит. Мы, созданные по Его образу и подобию, наделенные свободой воли, должны сознательно, иначе сказать, творчески участвовать в своем воскресении из мертвых. Для того чтобы творчески участвовать, нужно осознать это свое творчество. Бог — творец и человек тоже творец. Атеисты говорят, что христианство принижает творческое начало в человеке, но вот пусть слышат: хри-

Из части первой. Собеседование второе.

стианство развивает творческое начало в человеке. Человек от Бога отличается тем, что Бог творит из ничего, из ничего все создает, этого человек не может. Человек творит из того материала, который дал ему Бог. Образ и подобие в человеке именно и говорит о творческом начале. Уподобиться Богу — это не внешне походить на Бога, ибо внешнего образа мы не видим, это развивать в себе духовные качества. Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен есть. И еще есть церковное выражение: Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом. Атеисты извращают это понятие и говорят, что человек сам Бог и никакого другого Бога нет. Человек в самом деле Бог, но тогда, когда есть Бог.

Вот на какую высоту возводит человека Бог!

Однако спустимся с этой головокружительной высоты и посмотрим на себя, кто мы на самом деле есть?

Пока мы грешники, слабые люди, смертные, добыча червей...

Но этого не должно быть, мы должны воскреснуть!

Шесть дней делай и сотвориши в них все дела твоя, седьмой день (в Ветхом Завете — суббота, в Новом Завете — воскресенье) Господу Богу твоему.

Обычно день Господу Богу твоему мы посвящаем на свои удовольствия: пьем, развлекаемся и т. д.

Нет, не на удовольствие, а на самый высокий творческий труд — воскресение из мертвых. По сути и те дни, которые как будто мы посвящали на свои дела, — те дни труда входят тоже в этот труд воскресения. Ибо что бы мы ни делали, должны помнить, что среди нас должна быть правда и честность, а поступая по правде, честно, этим мы и подготавливаем свое воскресение из мертвых. День воскресный должен отличаться тем, что если там материальная забота была, то здесь — духовная. Вот хотя бы та, что нужно

молитвенно освятить свой труд, поскольку мы сейчас находимся в храме.

Обратимся теперь к тому, какие средства предлагает нам на сегодняшний день Церковь для нашего воскресения.

Первое — это вот то, чтобы мы участвовали в воскресном богослужении. Участвовать нужно сознательно и творчески. Что это значит? Сознательно — это то, что молитва наша должна воскрешать наши души. Как нужно поэтому молиться с вниманием, благоговением, вникать в каждое слово службы. Вот сейчас и проверим себя, как мы молились. Вникали ли, понимали ли службу, или слушали только пение, глазели по сторонам, думали о чем-то постороннем? Наверное, это было так. Мы присутствовали телом здесь, а духом находились где-то. Это вот на сегодняшний день нужно отметить. Молитва — это наше воскресение из мертвых. Если ты сегодня за молитвой был рассеян, ты не воскресил свою душу. А нужно воскресить. О как нам много нужно работать над своей душой, чтобы ее воскресить из мертвых! Сегодня, будем считать, день потерян, но пусть он будет не потерян тем, что мы вот сейчас дадим свое обещание: в следующий раз, если сподобит нас Господь быть за службой, будем сосредоточены, будем молиться, как следует. Помогает молиться, как следует, то, если мы понимаем службу.

Многие из нас службу не понимают, на последующих собеседованиях постараемся объяснить службу. А сейчас пока отметим, что нужно своим духом вникать в службу, нужно не рассеиваться. Не все ведь нам здесь непонятно. Ведь каждому понятно, что нужно молиться за себя и других не только о здоровье физическом, а о здоровье духовном. Ибо мы все духовно теперь больны. Больны мы лично и больны окружающие нас.

Оттого столько у нас всяких пороков. Вот когда поют: «Господи, помилуй», то и вложим в эти слова то, что Господь нам должен помочь избавиться от всех наших пороков. Молитва бывает хорошей и тогда, когда мы приходим сюда настроенными. Как настроенными? А так, что мы идем не на развлечения, а молиться Богу. Молитва — дыхание жизни, как сказал св. Иоанн Златоуст. Настраиваться нужно и тем, что семья наша должна быть домашней церковью. Если будет семья домашней церковью, то и придя в храм, мы именно придем в церковь. Церковь дома и церковь в храме! — вот оно, нормальное положение для христианина.

Конечно, здесь могут мне сказать: идеалист ты, мечтатель. Какая теперь домашняя церковь, когда хорошо, если в семье окажется один верующий, а то в основном неверующие, пьяницы, хулиганы...

И все-таки должна быть домашняя церковь!

Вот мы, присутствующие здесь, отметим себе, что в следующий раз, придя в храм, будем молиться о том, чтоб каждая семья была домашней церковью. Если же в семье окажется хотя один верующий, настоящий, то можно считать — через некоторое время все будут верующими.

Расскажу один случай, о котором сообщает один современный писатель.

Сидел он в заключении и после получил высылку. Среди них, высланных, был один верующий, настоящий. Сначала, конечно, были споры, разногласия, каждый носился со своим мнением, потом до них дошло — да ведь самое главное — это если есть там жизнь, если есть воскресение из мертвых. Все остальное — это прах, а главное — воскреснуть из мертвых. И через два года, благодаря усердиям одного верующего, все остальные стали верующими.

Я рассказываю случай не выдуманный, и не когда-то бывший, а в наше время.

Так, если и в семье будет один настоящий верующий, можно сказать: пройдет какое-то время и все станут верующими.

И опять мне могут возразить. Над верующим смеются, считают его глупым.

Значит не настоящий верующий, коль боится смеха, настоящий верующий должен знать слова апостола: все могу об укрепляющем меня Господе. Только надо начать делать.

Что вы делаете? Молитесь о вразумлении? — это хорошо, но недостаточно. Молитва много значит, но как вы сами поступаете? Если только молитесь, но в то же время ругаетесь, завидуете, деретесь, на плохие слова отвечаете плохими, вы не исправляете семью, а еще больше развращаете. Христианин должен ко всем относиться с любовью, с добром. Детей надо воспитывать в христианском духе, особенно дети поймут вашу христианскую настроенность. Может быть, им и говорить ничего не нужно, а только поступать по-христиански. И все будет хорошо, особенно для детей, их пока еще особенно неиспорченная душа чутка к добру.

Наверно, не все знают молитву последних оптинских старцев. Оптинские старцы — это особое благодатное явление на Руси. Может быть, потому кто-то и верует на нашей земле пока, что у нас были оптинские старцы. Старец — это не старик по годам, а это духовно умудренный человек. Как известно, наши большие русские писатели ездили за советом к оптинским старцам. Например, Достоевский, философ Вл. Соловьев, Хомяков, Киреевский, даже Гоголь... С толкованием Гоголя на литургию советуя всем познакомиться.

Так вот какую молитву нам оставили оптинские старцы. Будем слушать внимательно, каждое слово — опыт духовный.

«Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день. Дай мне всецело предаться воле Твоей Святой. На всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня. Какие бы я ни получил известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все святая воля Твоя.

Во всех словах и делах моих руководи моими мыслями и чувствами. Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой.

Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая.

Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня. Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить. Аминь».

Чудная молитва. Какое мужество, какой разум вселяет в нашу душу уверенность, преданность воле Божьей!

Таким образом, на сегодняшний день средство для нашего воскресения — это молитва. Но на каждый день еще бывают чтения из Евангелия и Жития Святых. Это тоже значительное средство.

Итак, какое евангельское чтение предлагает нам на сегодняшний день Церковь?

Вчера в Евангелии за всенощной (Мрк. 16, 9-20) рассказывалось о том, как Христос по воскресении Своем явился Марии Магдалине и, когда та рассказала плачущим и рыдающим, что видела воскресшего Господа — ей не поверили.

Казалось бы, утешение плачущие и рыдающие найдут только в воскресении Христовом, но этому не верят.

Плачущие и рыдающие — это по сути все мы. Ведь нас ждет всех смерть, да и сейчас столько скорбей, — казалось бы, только надо верить, ибо здесь нам утешение даст только воскресение Христово. Но мы не верим. Мол, это нереально. Мол, верят только старики да старухи, да больные женщины. Но это настоящее утешение, а не то, за что мы хватаемся. Если есть вечность, вечная жизнь, тогда только прекратятся всякие слезы. А земное устройство не прекращает слез, оно на какое-то время может только приглушить.

Всем плачущим и рыдающим, чтобы утешиться, всем надо беспокоиться о своей вере в воскресение Христово — это единственное утешение и единственный смысл жизни. Но, к сожалению, к нашему несчастью, не верят. Явился Христос и двум путникам — и тем не поверили. Потом явился ученикам Своим и упрекал за неверие и жестокосердие... И после всего Христос сказал: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет, а кто не будет веровать, осужден будет!»

Вот оно окончательное решение.

Все сделал Господь: воскрес из мертвых, являлся людям. Достаточно, чтоб поверить. И теперь: кто не будет веровать — осужден будет.

Неверие, если так образно выразиться, это суд над человеком, вернее, приговор к смерти. Неверие — смертный приговор. И чтоб этот приговор отменился, нужно веровать. Вера — оправдание человека, освобождение из-под страха смерти.

В сегодняшнем Евангелии за литургией (Мф. гл. 6, стихи 22-33) рассказывается о том, чтобы мы имели светильник.

«Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло. Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно».

Око — это наша вера, свет, которым мы руководствуемся в жизни. И если свет этот, который в нас, — тьма, то какова же тьма!

Вера — свет, им нужно руководствоваться, неверие — тьма, тьмой руководствоваться нельзя, ибо все будет темно, вся жизнь темна. Что мы и видим теперь. Нужно к тому еще проверить, а вера, которая в нас, свет это в самом деле? Ибо часто говорят, что они веруют, но живут, как неверующие, раздваиваются. Хотят, как выражаются, сидеть на двух стульях. Сразу — этого нельзя, как в Евангелии сказано: не можете служить двум господам. Быть верующим, и поступать, как неверующие. Служение двум господам заведет нас в тупик, мы запутаемся, ибо в конце концов — одного будем любить, о другом не радеть. Рано или поздно вера, не имеющая добрых дел, становится неверием. Не можете служить Богу и маммоне — богатству, дьяволу. Вера — служение Богу, и если мы делами будем служить неверию, то в нашей душе воцарится хаос, наступит тьма.

Часто мы бываем непоследовательны в своей вере оттого, что нас одолевают всякие заботы. Но верующим надо положиться на Бога. Он беспокоится о птицах, о травах, обо всем, побеспокоится и о нас. Но в том случае, нужно заметить, если мы будем искать Царство Божие и правды Его. Если же мы перестанем беспокоиться о земном устройстве и искать Царство Божие, то тоже ничего не будет. В том случае, когда человек ищет Царство Божие и правду Его, Бог не оставляет человека в его земных нуждах. Как в народе говорят: Бог даст день, Бог даст и пищу. Мы не сами даем себе день, а день приходит от Бога, так от Бога придет и пища. Мы, если наблюдаем внимательно жизнь, то видим, что те, которые только суетятся о хлебе, не имеют ни хлеба, ни чего-то другого. Ибо,

как сказано, не единым хлебом жив будет человек. Довольно на каждый день своих забот. Помолясь, с Богом будем начинать день. Именно день надо начинать с молитвы, тогда все и будет. Встал с постели, перекрестился, призвал на помощь Бога — и делай. Тогда наш труд превратится в искание Царства Божия, он же обеспечивает нас и пропитанием. И не будет такой засасывающей суеты, которая сейчас есть. Суетимся, трудимся, тупеем, а конечный результат... Вот евангельское средство для нашего воскресения из мертвых.

Теперь остались жития святых. Память сегодня святого мученика Иулиана Тарсянина и двух братьев преподобных Иулия и Иулиана. Иулиан Тарсянин родился в семье язычника, в III-IV веке. Язычником был отец, мать — христианка. Когда умер отец, мать крестила сына, воспитала его в христианском благочестии. В это время царствовал Диоклетиан, он воздвиг сильное гонение, гонению подвергся Иулиан. Целый год его водили по разным городам и подвергали разным пыткам, но он оставался стойким. Тогда мать пошла на некоторую хитрость: чтоб ей разрешили быть с сыном, она сказала, что она ему поможет принести жертву идолам. Но на самом деле она сына укрепляла быть верным Христу. И когда еще раз стали пытать ее сына, она заявила и о своей вере. Их обоих замучили.

Родные братья Иулий и Иулиан жили немного позже, когда христианство получило гражданскую законность, но еще были языческие нравы. И вот эти братья решили строить храмы, чтоб светом христианским просвещать народ. Им удалось построить сто храмов.

Эти святые как раз образец для нашего времени.

Обычно в семьях у нас не все веруют, кто-то неверующий, язычник. Вера не принимается в обществе. И

вот как эта мать поддержала своего сына, так нам нужно поддерживать друг друга в вере.

Также и о храмах. Построить сейчас мало кому удастся, даже закрытый храм трудно открыть, но вот о благочестии открытых храмов нам нужно всем беспокоиться, и это вменится нам, как в строительство храмов.

Вот, видно, и этим братьям трудно было, но за свою жизнь сто храмов построили. Если и мы отстоим храмы, будем сохранять их, бороться за чистоту, и святость, мы тоже многое сделаем. И это будет средством нашего воскресения из мертвых.

Воспользуемся же этими средствами, будем делать так, чтоб наши души воскресали из мертвых, чтоб мы и все окружающие нас искали Царство Божие и правды Его, ибо все остальное кончится ничем, искание Царства Божия и правды Его, забота о воскресении из мертвых окончится радостью вечной. Аминь.

С. Гребнево, 1976 г.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ПАСТЫРСТВА

ПУТЬ И ДЕЙСТВИЕ

Пастве моей, данной мне от Господа.

Злое пастырство

Если на Моисеевом седалище, огражденном стеною Закона, сели книжники и фарисеи (Мф. 23, 2), то тем более они могли сесть на седалище Единого Кроткого Пастыря и именем Его начать *неправо править слово Его истины...* Это случилось в мире. Волки вошли в стадо Пастыря и стали разгонять Его овец, и до сих пор разгоняют, разместившись по церквям и народам.

Лже-пастырство есть самый болезненный бич, уязвляющий пречистое Тело Христово. Никакие грехи человеческие не могут быть сравниваемы с грехами лже-пастырства.

Отец лже-пастырей есть диавол, по слову Христову: «Ваш отец — диавол» (Иоанн 8, 44).

Всякий, кто не имеет духа Христова, благоухания евангельского, горения апостольского, *тот не Его* (Рим. 8, 9), кто не Христов, тот чей же?

Ложные пастыри, свою волю (а не волю Христову) творящие, ходящие вслед своих страстей и похотей, суть бич Церкви. Борьба с лжепастырями трудна, ибо вырывая их, ввевшихся в Тело Святое Церкви,

ранится тело. Но борьба с ними нужна — молитвой и действием. И особенной ответственности подвергаются архипастыри, «скоро возлагающие руки» (1 Тим. 5, 22).

Огненные, страшные слова изрекают Божьи уста, чрез пророков, на пастырей, не пасущих Божьего стада, не служащих Единому Пастырю. Пророки описывают не только полное равнодушие пастырей к делу пастырства, но и преступность их.

На войне враг стремится более всего овладеть начальниками армий, проникнуть в штаб, в управление войсками, дабы изменой одного человека произвести бóльшие опустошения в рядах противника, чем победой на открытом поле сражения. И на духовной войне враг, противостоящий Пастырю, изощряет все усилия, дабы овладеть пастырями Церкви: прежде всего — епископами, священниками, клириками, монахами; далее — учителями, писателями, начальниками государств, родителями, воспитателями..., дабы чрез них парализовать силу Церкви Господней и наиболее удобно совершить гибель человечества.

Пробравшись на священную кафедру, враг может произвести в стаде большее опустошение, чем воинствуя в союзе воинствующих безбожников или чрез декреты безбожного правительства. Развалить внутри — его цель... И вот он подбирается не только к спящим, но и к дремлющим пастырям и овладевает их чувствами, словами и действиями, дает им свой дух — дух от которого духовно погибают люди, переставая верить в святое. Вот от сего св. Иоанн Златоуст писал: «...никого я так не боюсь, как епископов, — исключая немногих» (из писем к св. Олимпиаде).

Врагу нужно, чтобы «соль перестала быть соленой» (Мф. 5, 13), чтобы христиане потеряли дух Божий, пастыри потеряли Единого Пастыря (Иоанн 10, 16).

В священнике одинаково страшно: бросающееся в глаза его беззаконие, соблазняющее многих, — и не заметное для глаз безразличие, равнодушие к делу Христову, теплохладность (Откр. 3, 16), при которой священник (незаметно даже для себя) становится на место Божие и служит *себе*, а не Богу. Исполняет форму, букву пастырского служения, не имея содержания, духа пастырского, *не входя в дело, совершаемое в мире Единым Пастырем*.

«Священники не говорили: «где Господь?» — так рисует Слово Божие равнодушие священников, — и учителя закона не знали Меня, и пастыри отпали от Меня» (Иер. 2, 8).

«Пастыри сделались бессмысленными и не искали Господа, а потому они и поступали безрассудно, и все стадо их рассеяно» (Иер. 10, 21).

«Множество пастухов испортили Мой виноградник, истоптали ногами участок Мой; любимый участок Мой сделали *пустой степью*, — сделали его пустынею, и в запустении он плачет предо Мною; вся земля опустошена, потому что ни один человек не прилагает этого к сердцу» (Иер. 12, 10-11).

«Горе пастырям, которые губят и разгоняют овец паствы Моей! — говорит Господь» (Иер. 23, 1).

«Рыдайте, пастыри, и стенайте и посыпайте себя прахом, вожди стада; ибо исполнились дни ваши для заклания и рассеяния вашего, и падете, как дорогой сосуд. И не будет убежища пастырям и спасения вождям стада» (Иер. 25, 34-35).

...Чем святее место, тем ужаснее мерзость запустения на нем. И так как самое святое на земле место есть Святая Православная, на Камне-Христе основанная, и на апостолах и святых отцах, сынах и братьях Христовых (Мф. 12, 50) — утвержденная Церковь, то в ней

легче всего (как это ни странно на первый взгляд) произвести опустошение врагу.

Всякое священнодействие есть *великая духовная реальность*, воплощение Духа Истины. Как таковое, оно никогда не бывает «нейтральным», но *несет* либо вечную Жизнь, либо вечную смерть. Внешнее, формальное, бездушное пользование священными предметами, действиями и словами рождает и накапливает в мире смертельную отрицательную энергию. Человек, изнасяющий ее, делается слугой антихриста. Украшенному золотом и высокими санами, но не имеющему покаянного горения сердца, любви и молитвы, поистине можно сказать словами Апокалипсиса: «Ты думаешь, что ты богат..., а не знаешь, что ты несчастен и жалок... Советую тебе купить у Меня золото, *огнем очищенное*» (Откр. 3, 17-18).

Очищающее огненное бедствие постигло Русскую Церковь. Глубину Промысла Господня исчерпать невозможно. Но бедствие постигает людей ради их спасения, и Господь открывает зрение грехов человеческих вслед за ниспосланием спасительного бедствия.

Конечно, весь православный народ ответствен, как за падение православия в людях, так и за отпадение от православия многих душ. Но более всего ответственны те, которые знали больше, чем знал простой народ. Эти люди суть священники: архиереи, иереи, диаконы. Поставленные от Господа Иисуса Христа быть посредниками меж Им — Единым Пастырем — и овцами Его стада, они, в большинстве своем, оказались стеной меж Светом Христовым и народом. «Бог будет бить тебя, стена подбеленная!» — пророчески воскликнул апостол Павел архиерею (Деян. 23, 3). И действительно, как этот архиерей, так и многие другие в истории Церквей и народов были «стенами подбеленными», подкрашенными, благообразными (по внеш-

нему виду своему) с т е н а м и между Богом и народом Божиим.

Похищая ключ разума, они «сами не входили и других не пускали» (Мф. 23, 13). Оцеживая комара обрядности и формализма, они поглощали верблюда Христовой правды и милости, простоты и смирения.

Не жить по своей вере хуже, чем жить по своему неверию. Никакой безбожник не может принести Церкви Христовой столько вреда и внести такое опустошение в ограду Церкви, сколько злой корыстолюбивый иерей, которому дана и от которого не отнята с т р а ш н а я б л а г о д а т ь свершения таинства и ношения священной одежды. Это они, эти иереи и епископы, будут на Суде говорить Господу: «Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали и многие чудеса творили? А Господь Кроткий скажет им: «Отойдите от Меня, делатели неправды!» (Мф. 7, 22-23).

Таковыми «делателями неправды» являются все священнослужители, которые Христово благодатное пастырство подменяют безблагодатным жречеством, служение народу — господством над народом. Которые смотрят не на худых, а на жирных овец, которые радуются не грешникам кающимся (Лк. 15, 7-10), но праведникам, не имеющим и не чувствующим нужды в покаянии, если эти праведники обильно поддерживают земную жизнь пастыря-жреца, совершающего священнодействия Церкви, как языческий ритуал, без веры, милосердия, любви, сердечной молитвы, служения Богу в Духе и Истине.

Православная церковность со всеми священнодействиями и правилами ее есть великое поле Духа и возрастающая сила жизни для тех, кто имеет волю и призвание к истинному пастырству. Но эта же дивная церковность делается камнем не только преткновения,

но и падения для всякого, кто к ней приступит не в духе Христова Священства и Христова Царства.

Очищая золото, огонь Божиих таинств сожигает солому...

Недостойные пастыри теряют власть сами совершать таинства. Они бывают невидимо связаны ангельской рукой, которая и совершает святое Приношение верующих.

Доброе пастырство

Это — прежде всего — «служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение» (Евр. 1, 14).

Господь творит «ангелы Своя духи и слуги Своя пламень огненный» (Псал. 103).

Все Откровение полно явлений общения Неба с землей. Как видел Иаков, ангелы «восходят и нисходят» ...постоянно приоткрывается видение ангелов, слуг Божиих, пастырей, учителей, руководителей, воинов. Во сне и наяву, при различных обстоятельствах, открывается *ангельская помощь* и свидетельствует, что «двенадцать легионов ангелов» непрестанно готовы ринуться на землю и встать на защиту Имени Христова, Единородного и Возлюбленного (увы, не всеми людьми) Сына Божия и Сына Человеческого.

Каждый человек окружен бесплотными силами и к каждому посылаются невидимые ангелы-хранители, говорящие в глубинах чистой совести (в оскверненной совести теряется голос Неба) о спасении человека, указывающие ему шаг за шагом путь среди трудных — внешних и внутренних — обстоятельств на земле.

Ангелами-хранителями являются не только не жившие на земле духи, но души умерших: для земли праведных людей, коих малая часть канонизирована

Церковью для призывания и исповедания и утверждения связи между Небом и землей (а не ради доставления земной славы святым небожителям, которые таковой славы не ищут и более страдают от нее, чем радуются ей... единая их слава — радость — прославление в людях Господа Иисуса Христа в Пресвятой Троице; этому прославлению они служат, ему предали себя до конца). Акафист «Святому Ангелу, неусыпному хранителю человеческой жизни», во всех своих строках, раскрывает сущность ангельского служения. По этому Акафисту каждый земной пастырь может научиться *духу своего пастырского служения*.

Во всем, кроме бесплотности и неудободвижности ко греху, подобны небесным духовным руководителям и учителям земные пастыри, истинно учащие людей вечному «единому на потребу», единственно необходимому для Вечности. Таковы, прежде всего *пастыри, принявшие апостольскую благодать* чрез возложение рук. Епископы, пресвитеры и диаконы, причем последние поставлены в Церкви Божией не исключительно для храмового молитвословия, но и для помощи иерею в благовествовании и свидетельстве Истины. Клирики также не только являются репидоносцами, чтецами и певцами, но в той же мере свидетелями веры, апологетами Церкви, как в своей собственной жизни, так и в умении привлечь равнодушных и неверных. На это столь же, сколь и на молитву, получают они благодать хиротесии.

Учителем является и всякий христианин, ибо, по слову апостола, он должен быть всегда готов «дать ответ о своем уповании с кротостью и благоговением». Поступки веры, даже если делающий их безмолвен, всегда у ч а т.

Но особенно являются учителями и несут за то ответственность *родители в отношении детей своих*,

правители в отношении подданных, начальники в отношении подчиненных. В широком смысле учителями являются художники, писатели, композиторы, профессора университетов. По мере их известности увеличивается их нравственная и духовная ответственность перед Богом, ибо действия или слова известного человека назидают или соблазняют многих.

В православной культуре жизненное пастырство должно стоять на верху пирамиды учителей-распространителей Света Христова в мире, передатчиков Божественной мудрости в мир. (Непосредственная передача производится через молитву и через слово прямого исповедования. Посредственная — через общую внутреннюю «установку» автора: научную, художественную или жизненно-практическую, открывающую веру в жизнь или приготовляющую атмосферу для веры.)

Тайноделание пастырское

Пастырь призывается пастырствовать в различных культурных слоях мира. Значительно облегчает ему его пастырство, если он умеет овладевать уровнем понятий каждой среды. С философами быть философом, с простыми — простым. В Китае для проповеди пользуются китайским языком, в России — русским... Так же и посещая различные дома, входя в разные культурные области, пастырь должен уметь говорить на понятном для каждого человека языке. «Дар языков» (1 Кор. 12, 10) в наше время есть дар уметь близко подходить к каждой человеческой душе, пользуясь ее понятиями, ее психологией. «Духовный судит о всем, а о нем судить никто не может» (1 Кор. 2, 15). То есть духовный человек может понимать души человеческие сквозь различные их призмы культуры, воспитания,

образования, нравственного облика, характера. Истинный пастырь, если можно так сказать, всегда говорит с человеком на его языке, а не на своем. «Для всех делается всем, чтобы спасти, по крайней мере, некоторых» (1 Кор. 9, 22); «Для иудеев» пастырь бывает «как иудей, для подзаконных — как подзаконный» (1 Кор. 9, 20). Дар любви и понимания дела Божия сказываются в этом, и пастырь здесь уподобляется ангелу, который всегда говорит с совестью каждого человека, тончайше учитывая человеческую личность, ее особенности, силы и слабости. Особенно на исповеди и в духовных советах следует подходить к человеку не отвлеченно, не «из себя», а конкретно к каждому... Здесь и проявляется вся глубина пастырской мудрости и любви.

Ничего стереотипного, привычного, теоретического не должно быть в духовных советах пастыря. Всякий совет исторгается, как нечто свежее, теплое, вышедшее из реального опыта соприкосновения с новой душой человеческой. Пастырь есть тонкий художник, ваятель не из мрамора, а из легчайшего и драгоценнейшего материала души человеческой. Пастырь должен изваять **П о д о б и е Б о ж и е** в помраченном **О б р а з е Б о ж и е м**. Ему на то дана власть от Бога, и если она еще дается от самого человека-пасомого (в принятии им духовного руководства), то пастырь не может не осуществить своей цели. Это — благоприятная обстановка пастырской работы: овца слушается голоса пастыря, и если пастырь сам верно передает ей голос Архипастыря Небесного — *Царствие Божие совершается* в человеке. Но пастырю предстоит и другая задача: привлечение заблудшей души, увлеченной вождями и выразителями духа и идей века сего — души, отдавшей этому духу и идеям свое сердце. Здесь пастырю предстоит крестный путь

борьбы за человеческую душу, скорби за нее, молитвы о ней... и использование всех возможностей для отвлечения ее от неверной дороги, направления на верную. «Если Господь не созиждет дом, всеу трудишася зиждущий» (Пс. 126). Спасение души происходит, когда воля Божия встречается с волей человеческой и увлекает ее. Увлеченная волей Божией, воля пастыря-человека должна увлечь волю другого человека к встрече с волей Божией... Как разнообразны здесь бывают фазисы и моменты духовной борьбы за душу! Воочию пастырь убеждается в том, что его борьба не только со злой волей человеческой (которая редко бывает до конца злой), а с поистине злой волей демонов. Пастырю со всей яркостью раскрывается 5-я глава послания ап. Павла к Ефесянам, и еще глубже, еще всесторонней начинает понимать пастырь, что весь его личный опыт, все его умение и знание, даже вся его вера, мало что значит в борьбе с этими темными силами без б л а г о д а т и, подаваемой свыше; что только благодать Духа Святого есть истинная сила и совершение всех его пастырских надежд и желаний. Это сознание не только не делает пастыря пассивным, но дает ему особенное д е р з н о в е н и е. Отсутствие надежды на «свою силу» и свою «опытность» приводит его к упованию на силу Божию и к знанию: «Когда я немог, тогда силен» (2 Кор. 12, 10). Все усилия свои пастырь проявляет, ибо «Царствие Божие берется усилием», — не только для себя, но и для другого человека. «Усилия» наши — это молитвенная и воплощенная в жизнь любовь к Богу и человеку, — любовь, в ответ на которую сходит в мир благословение Божие.

Пастырь верит, что нет молитв сердечных, которые не дошли бы до Бога (хотя, может быть, и исполнились не так, как того хотел человек). Нет и усилий

пастырских, которые не создали бы Царствия Божия.

Сокровенное делание пастырское — и в покаянии за согрешивших... Развить эту способность покаяния за другого человека пастырь может, если всякий раз, когда ему приходится слышать о грехе или видеть грех он будет обращать мысленный взор к Престолу Божию: «Господи, прости его... Господи, очисти и укрепи раба Твоего!»... Привычка предстательства делается святой привычкой сердца — не осуждать грешника, но соболезновать ему, принося за него хотя бы вздох покаяния.

В основание этой, скрытой от внешних взоров пастырской любви ложится глубина собственного покаянного делания пастыря.

Апологетика

Основы пастырской православной апологетики суть открытие и раскрытие Православия. Слово Господа не только Истина, но оно есть Дух и Жизнь. Так, Православие есть не только Истина, но и Дух и Жизнь Христовы. Ап. Павел в Послании к коринфянам (1, 20) сказал, что Господь Иисус Христос есть «да» и «аминь»... и этим показал всю глубину православной апологетики, как положительного слова и действия.

Пастырь, соблюдающий дух Пастыреначальника в самом себе и в своем приходе, совершил истинное апологическое дело, особенно в наше время, когда различные волки широко пользуются малейшим пятном православных, чтобы отдалить от Православия ищущих света людей.

Мы убеждены, что, будучи соответственно раскрыто в жизни, Православие есть несокрушимая скала — не только в истории, но и в человеческой душе. Оно есть самое острое оружие против неправды мира

сего, самое ароматное питье для изнемогающих в его пустыне людей, самое целительное лекарство для всех, прикоснувшихся к страданию.

Если Свет Христов отражается чистым зеркалом души, — является тот Свет Православия, торжество которого Церковь празднует в первую неделю Великого Поста. Не случайно, конечно, что этот свет воссиявает после молитвы и поста.

Если мы взглянемся в евангельский образ Господа нашего Иисуса Христа, мы увидим, как Он говорил и как Он молчал. Сторону слов Христовых мы изучаем. Но так же поучительна и сторона Его молчания. Апологет, умеющий молчать, знает ценность истинного слова и никогда не произнесет его напрасно, никогда не вложит в яркое слово бесцветного душевного содержания.

Православный апологет есть блюститель не только догматического символа, но жизни духа и веры. Символ веры православной реален лишь в троичности жизни и духа. Если идет религиозный спор об Истине, или о тех или других ее сторонах, апологет готовит себя к слову не только проверкой мыслей своих, своего знания, но и проверкой своего духа. Если дух замутнен тщеславием, озлоблением, гневливостью, горделивостью, пренебрежением к человеку (хотя бы и еретику), апологет православный не может счесть себя достойным выступить в защиту Православия.

Подходя к Истине, то есть к Божественной, горячей и никогда не сгорающей Купине, апологет снимает обувь свою, то есть плотские чувства, мысли и желания. Прикасаясь к горению Истины, то есть делаясь ее проводником, апологет сжигает в себе огнем Истины все то, что — в духе — не соответствует ей. И тогда Истина является не только «мечом обоюдоострым» (Откр. 1, 16), но и «огненным» мечом (Быт. 3, 24),

охраняющим Рай. И апологет делается ангелом, обладающим и вдохновляющей силой.

Истина передается через свидетельство и через вдохновение. Самые правильные рассуждения и мысли остаются мертвыми и сухими отвлеченностями, если их не передает живая душа — свидетельница Истины. Этот закон касается проповедников в той же мере, как и апологетов. Живая же душа — это прежде всего душа любящая. Любящая человека помимо его заблуждений и несовершенств... Только такая душа имеет право и силу учить, исправлять, защищать и передавать Истину.

Апостолы были обладателями не только мудрости, но и любви и силы духовной. Господь-Любовь творил через них те же чудеса воскрешения, исцеления и обновлений, какие творил Сам. Апостолы не только убеждали людей, уговаривали принять Истину, но этой Истиной они уже освобождали человека от его лжи. Человеку оставалось только согласиться с этим освобождением. Истина, как елей, сходила на черствые сердца человеческие и размягчала их, отворяла их... Истина согревала сердца. «Вы уже очищены чрез слово, которое Я проповедал вам» (Иоан. 15, 3). Изумительные слова Господа! Мы привыкли смотреть на «слово», как на что-то отличное от «дела». Однако Божие слово есть вместе с тем и дело. Божие слово, и через человека сказанное, есть дело. Вот критерий узнавания подлинного проповедника и апологета.

Много «слабых» слов говорится в мире и в храмах. И не оттого, что бы эти слова не имели глубоких мыслей... (мысли подчас тонкие и красиво высказываются), но духа, силы духа не имеют эти слова, ибо этой силы не имеет тот, кто их произносит. Одаривать можно лишь тем, что есть в кошельке. Духовный кошелек, наполняемый жизнью Правды Христовой,

изнесет дорогую монету. Кошелек же, наполненный — пусть «глубокими» и «тонкими», но отвлеченными мыслями, лишь явит звон меди.

Люди, ищущие настоящей правды, не привлекаются к ней победоносной спорливостью, словопрением. Привлеченный этим не есть член Церкви.

Апологет никогда не должен гордиться своей истиной. Это очень важная черта православной апологетики. Истина никогда не должна принадлежать апологету, не быть его истиной. Надо, чтобы заблуждающаяся душа согласилась не с человеческой истиной, а с Божией. Во имя прочности Истины в душе человека. Это высшее согласие с истиной достигается смирением апологета, его простым, прямым отношением к человеку.

Бывают апологеты-мытари (апостольская апологетика) и бывают апологеты-фарисеи, кичащиеся своей истиной, и пользующиеся «правостью» своей — не для служения другой душе, а для господства над ней, для возношения над ней.

Такой характер, такой дух имели нередко «противосектантские» диспуты. С разбитой душой уходили с этих собраний верующие всех направлений. «Профессиональные миссионеры» спорили так с «профессиональными начетчиками» — штундистами или старообрядцами. Люди били друг друга «Словом Божиим», как палкой.

Можно и надо встречаться с людьми инакомыслящими в области понимания Священного Писания, или даже в области исканий первичной Истины-Бога, Откровения. Но со стороны православных пусть всегда в этих встречах исходит дух благожелательства к человеку, каким бы этот человек ни был еретиком или сектантом.

Православный человек должен быть уверен, что Истину Церкви Христовой нечего защищать, — Ее надо лишь открывать. Защищать же надо душу человеческую от ее ошибок, вольных и невольных. Свет в мире не защищают, его зажигают... Слепого не убеждают, его исцеляют.

Знамена православных апологетов суть: больных (разумом) исцелять, прокаженных (душою) очищать, мертвых (сердцем) воскрешать, бесов (от своей души и от души другого) отгонять (Мф. 10, 8). Даром давать Истину человеку, не требуя никакого «признания своей правды». «Большой в Истине есть «слуга всем»... Это пути Царствия Божия, завещанного проповедникам и апологетам Православия.

Философия собственности

1. Человеку может принадлежать лишь то, что принадлежит Богу. Мир есть Божие творение, как и человек. Никуда человеку нельзя уйти от владения Божия. В какие бы бездны ни опускался человек, на какие бы высоты ни поднимался, всюду — владение Божие, бесконечное, необозримое, непостижимое... Пилат опустил в бездну предательства: готов отдать на распятие Невинного Страдальца. И что слышит от Премудрости Божией: — «Ты не имел бы никакой власти, если бы не было дано тебе свыше» (Иоанн 19, 11). Соединяя в Себе и во всех словах Своих полноту земного и небесного, Спаситель указал Пилату, во-первых, на тех кесарей, от которых им власть получена, а также — на Источник всякой власти, всякого владения.

2. Можно закрыться от Бога, от лицемерия Владыки. Так, например, Адам закрылся от Бога, спрятавшись в кусты. — Наивная психология грешника:

«Адам, где ты?» — «Я скрылся»... Сколько прошло с тех пор лет, а сыны Адама по-прежнему думают, что могут от Бога скрыться. И «скрываются» — кто, где и как может — в глубине кустов своих — идеологических, ветвистых, запутанных кустов культуры века сего: «частная собственность», «государственная собственность», «коммунизм», «социализм», «свобода», «рабство», «богатство», «бедность», «имение», «экономические законы» и т. д., и т. п.

3. В основе всякой сложности должна быть простота. Если нет первичной простоты, сложность будет хаосом. Если основная простота есть, сложность будет гармонией. Представить собою гармонию оркестра, где нет лишних инструментов, или хотя бы целое машины, где нет лишних винтиков, сложная культура века сего может лишь в свете познания первичных законов жизни, вложенных в мир Творцом.

Только пользуясь этим знанием абсолютных законов, можно взвесить все понятия человеческие, определить их настоящий смысл.

4. Мир принадлежал, принадлежит и будет принадлежать лишь Богу, какие бы силы ни хозяйничали временно в мире.

Неужели это значит, что у человека нет никакой собственности и быть не может? — Наоборот, собственность человеческая имеет свое непреложное основание в том, что есть собственность вообще. Значит, собственность может быть дана, если есть истинный ее Хозяин... Какой простор, какое глубокое основание истинного владения! В свете этого обоснования делается понятным, почему нельзя ничего красть, присваивать и — ничем нельзя «богатиться», ни через что нельзя возвышать себя.

Вся собственность принадлежит Богу так же, как Ему принадлежит жизнь.

5. Человеку дается «талант» — круг физической жизни, душевных способностей, духовных возможностей. Дается не для закапывания, но для разработки. Весь круг жизни человеческой может быть уподоблен «полоске земли». Не лежать на ней должен человек, но разрабатывать ее, эту Божью землю, данную ему в управление, как залог лучшей жизни, лучшей земли. «Верный в малом и во многом верен будет». И вот, человеку дается лишь «малое». Как бы ни было велико для земных глаз его «малое», каким бы великим ни величали его люди, оно остается очень малым по сравнению с тем, образом чего оно является. Но и это малое должно быть пущено в оборот на пользу всего мира. Оттого богатые люди, творчески употребляющие свое богатство и сами скромно живущие, являются истинными христианами, несмотря на свое «большое имение».

«Мое только то, что я отдал», — говорит св. Максим Исповедник. Отдал... кому? — Богу, людям... Есть люди, не пользующиеся своим богатством. Среди них есть «спрятавшие его для себя», зарывшие богатство в землю, и есть люди, отдавшие его Богу, начавшие считать себя лишь призванными как можно справедливее распределить его в мире. Различно выражается это благодатное управление богатством. Иные раздают его сразу или постепенно. Другие сохраняют всю видимость владения, но в душе своей искренно отдают его Богу, и задачей их является только правильное его распределение. Оно может быть и обычным экономическим хозяйствованием, построением хорошего земного фабричного или сельскохозяйственного предприятия. По виду оно будет, как «все дела мира сего», но по внутреннему содержанию своему оно уже будет малым осуществлением Царства Божия... Так, А. С. Хомяков имел землю и даже прикреплен-

ных к себе крестьян, но по существу являлся не хозяином земель своих и людей, а заботливым отцом и даже слугой их. Таково мирозерцание всех имеющих состояние христиан — хозяев, промышленников, фабрикантов...

Таково было и владение истинно православных царей.

Говоря миру: «Большой да будет всем слугой», Господь Иисус Христос под «большим» разумел богатство, все равно чем: деньгами, положением, талантом... «Большой» должен служить, а не властвовать через те дары (материальные или духовные), которые даны ему лишь на время.

6. Всякая собственность этой земли кратковременна и «пресыщена печальями» (Иов. 14, 1), ибо, приходя и привязывая к себе человека, сейчас же уходит, оставляя в человеке недоумение, боль, скорбь, смерть. Оставляет пустоту вместо себя и прах вместо человека. Но, пока не осталась пустота вместо собственности, имение может приносить «плод мног», даже малое имение бедного человека, ибо лепта вдовицы явилась большею ценностью, большей энергией добра, чем сокровище фарисеев.

7. Собственности у человека меньше, чем он думает. Лишь «в мыслях» своих миллионеры обладают своими миллионами. На самом же деле они обладают миллидаром, который, в большинстве случаев, бывает связан ими (миллионами), принуждает к определенному образу жизни, прикрепляет к определенному кругу людей, вынуждает иметь вокруг себя искательство, ложь, лесть, зависть, подбострастие, неискренность, покушение на свою жизнь — физическую и духовную... Разве это не рабство, не каторга, увеличивающаяся по мере увеличения состояния? Велико ли то, что можно

купить за деньги? Находится ли в числе покупок мир души — высшее счастье?

8. Если же посмотреть с другой стороны, собственности у человека гораздо больше, чем он думает... Каждый глоток воздуха, попавший в его легкие, есть его собственность и притом гораздо большая, чем монета, лежащая в его кармане, ибо делается непосредственным поддержанием его жизни. Каждый луч солнца, согревший человека, есть его тепло, соединившееся всецело с ним... Итак во всем, во всех мельчайших проявлениях жизни, человек окружен собственностью, дарами Божиими, изливающимися на человека, превращающимися в самую жизнь человеческую. Велик и славен этот закон, делающий из всякого человека богача.

9. Чтобы войти в гармонию расстроившегося, но ныне настраивающегося мира, человек должен по совести (а не умом только) признать над собою власть Бога, сам сделаться собственностью Божией, так как весь мир этой собственностью уже является. Бесчисленные мириады миров, звезд, солнц, неисчислимые септильоны жизней вращаются в пределах, положенных Творцом. Камни, вода, воздух, земля, огонь подчиняются непреложным законам, в которые человек может заглянуть, которые ему даны «открывать»... Для чего? — для научения себя правильной жизни по этим законам. Подчинение физическим законам есть лишь образ подчинения духовным законам Бога. Как физическая природа открывается в естествознании, физике, химии, механике, космографии и других науках, так духовная природа открывается в Евангелии. Глядя на подчинение физической природы Богу, научиться подчинению духа своего Богу должен человек.

10. Трезвому, непредубежденному человеку естественно думать и видеть, что его «земная собственность» — более чем «относительное» явление... Как исчезают века, так исчезает всякая человеческая собственность на земле. Словно пар в воздухе, растворяются все «права» на землю, на имущество, и самую жизнь, — права отдельных людей, городов и народов.

Неразрушима во всей вселенной только сила Божия, творящая миры.

Все остальное хрупко и разруσιμο. Именно для того разруσιμο, чтобы люди не считали разруσιμο неразрушимым. В веке будущем, когда «будет собрана пшеница», то есть собраны от всех веков люди, творящие правду и любящие Бога, — не будет более опасности кому-либо возлюбить тварь более Творца, и тогда вновь, как в раю, разруσιμο станет неразрушимым. Но никто этого вечного неразрушимого естества не будет обоготворять. Все будут зреть лишь славу Божию и в свете ее неизреченном видеть всю жизнь и находить вечное обновление неумирающей своей жизни...

11. Это состояние на земле невозможно для нас, ибо мы все время возлюбляем что-нибудь или кого-нибудь более Бога. Сердце наше «прелюбодейно» в самом глубоком (религиозном) смысле. Оттого «род» человеческий назван Спасителем (никогда напраслины не говорившим) «родом прелюбодейным и грешным» (Мр. 8, 38). Падшее человечество привязано к переходящим ценностям, прилипло к сладостям сего мира, к его призрачному богатству, к его столь же призрачной славе... Не будь червей, ржавчины, моли, саранчи, тления, страданий, смерти, — мир был бы живым адом. Некоторым людям кажется как раз наоборот — не будь на этой земле болезней и печалей, был бы

«рай». Но — то был бы ад. Греховность плоти земной покрывается печалью земли. Благословенная соль страданий предохраняет дух человеческий от разложения и смерти вечной, предохраняет в тех людях, которые понимают и принимают «узкий путь» Христов.

Оттого так благословенны, «оправданы и вожделены вкупе» (как говорит псалом) для праведников все пути Господни. Оттого блажен Крест каждого, живущего на преходящей земле, человека.

12. Наивысшее выражение человеческой жизни есть наиполная преданность ее Богу. Человек, освобождаясь от гордыни житейской, от «похоти очес и от похоти плоти» (от всего материализма), делается все более и более «прозрачным» для Бога, доступным для вселения чистейшего Духа Божия. И когда делается человек совершенно прозрачным, свободным от всякой гордыни, от всякого тленного пристрастия к себе и миру, собственностью Божия, то есть весь мир, делается его собственностью, и он, «ничего не имеющий» и даже сам себе не принадлежащий, по слову Апостола, будет «всем обладать» (2 Кор. 6, 10). Бог будет почивать в человеке и сделает его жизнь покоем и богатством. Эта прозрачная гармония жизни есть Царствие Божие.

13. Порядок жизни временной человеку дан, как лестница или трамплин для перехода в вечную жизнь. Лишь верный «в малом» (во временном) будет верен «во многом» (в вечном). Уже здесь, на земле, надо обучиться вечной жизни.

Ничто, отделенное от Бога, в себе жизни вечной не имеет. Кто не привьется к Лозе Божией (Ио. 15, 5), тот не будет жить. По лестнице земной жизни, по трамплину земных ценностей (отталкиваясь от них) мы переходим в Царствие Божие. Но если в неверном направлении оттолкнулся человек от ценностей мира

(например, отчаявшийся человек, самоубийца), он падает в пропасть.

14. Материальный мир есть «посох» для больной души, ее точка опоры, точка приложения первичных сил духа, — посох, который помогает идти к Богу, при умении им пользоваться. Все в мире сотворено и все попускается для пользы человеку, и из всех, даже самых тяжелых и болезненных проявлений земной жизни (а иногда, более всего именно в них) человек может сотворить себе путь к достижению райской земли.

15. Материальный мир есть бесконечно удобная возможность спасения в Боге, достижения Бога. Но эта возможность бывает открыта лишь бескорыстию человеческому. Для корыстности же мир есть одна сплошная сеть, приманка и погибель.

16. Благословенна собственность, основанная на любви к Богу и на свободе сердца. Даруемая собственность приносит благословение. Похищаемая — низводит проклятие.

Есть собственность корыстная и есть некорыстная. Корыстная — это эгоистическая; некорыстная — евхаристическая собственность. Подлинное обладание человеческое скрыто лишь в этой евхаристической собственности, идущей от Бога и к Богу через человека. Лишь эта духовно легкая, не обременяющая дух, не пригвождающая к временной жизни, не влекущая ко греху собственность может быть названа «благословенной». Она воистину благословенна, в чем бы ни выражалась — обладании талантом, способностью, вещью, землею, человеком. Все это благословенно, когда — в Боге. И все это проклято, когда заслоняет Бога и мир делает богом.

17. Евхаристическая собственность есть все, за что люди могут благодарить Бога и человека, через кото-

рого Бог дает что-либо. В этой благодарности не только вера в Бога, но и признание Его хозяином жизни. Через это благодарение за жизнь и за все, благодарение, достигающее своего совершения и предела в Евхаристии, человек востекает к новой жизни, к Царствию Божьему. Бесконечно малые ценности земли сей, осоление благодарением Богу, делаются евхаристической собственностью человека и остаются навеки «за ним», как нечто новое, большое, перенесенное за врата вечности.

18. Собственность есть проводник любви Божией и человеческой. Но люди делают ее часто проводником ненависти к Богу и к человеку. Не собственность виною здесь, не факт обладания, но злое обладание или злое пожелание обладаний.

19. Человек призван к обладанию (Быт. 1, 28) Землею. Человек должен наследовать Землю (Мф. 5, 5).

Культура социального умиротворения

1. Социальные расхождения не суть религиозные разделения. Сделаться таковыми они могут только в условиях расцерковленного общества, когда теряется ощущение вечного в лабиринте временного.

На всех путях жизни защищать истину Бога-Любви можно только, пребывая самому в любви и мире. Иных путей просто нет для защиты истины Бога-Любви. Нельзя вносить страсть, свойственную «политике» (и общественно допускаемую в политическом моральном кодексе), в обсуждение дел, хотя бы временных и земных. Должна быть по существу разница в духе социологических рассуждений: просто политика и политика церковного православия. Эта разница должна быть видна глазам всех. А если никто ее не видит, то это значит — либо общество совершенно

воцерковилось (и все вопросы решаются в духе беспристрастного, не-догматического обсуждения), либо общество совершенно расцерковилось, христианство потеряло свою соль, ушло из общественной жизни. В таком случае Церковь, Тело Христово, делается простым обществом, подчиненным «духу времени», который во все времена был одним и тем же духом материалистической суеты и взаимной человеческой неприязни. Как Царство Божие рождается внутри человека, так и теряется оно внутри.

2. Велика в современном обществе потребность культуры волевого умиротворения. Но не все будут соглашаться на нее, ибо не все ведь — христиане. Учитывая это, следует не доверять (или можно только с осторожностью доверять) голосу того учителя, в котором слышится злоба к человеку. Такой учитель должен сам поучиться. «Никого не раздражай, — говорит Церковь устами Исаака Сирина, — и никого не ненавидь — ни за веру, ни за худые дела его. Если же хочешь обратить кого к Истине, то скорби о нем, а не воспламеняйся на него гневом, и да не увидит он в тебе признака вражды. Ибо любовь не умеет ни гнеться, ни раздражаться, ни укорять кого-либо со страстью». Это — в соответствии с гл. 10 от Иоанна. От неимеющих духа Христова учителей следует бежать. Во всяком случае не учиться у них.

3. «...Церковь должна быть отделена от государства», — говорят одни верующие. «Свободна от него», — возражают другие. «Не впутывайте Церковь в политику», «Дайте нам спокойно молиться!» — восклицают третьи... Но каков смысл термина «отделена»? Если это смысл французских энциклопедистов и французской революции, то его надо оставить, ибо это слишком слабое и материалистическое понятие. Христианин не может не знать, что отделить Церковь ни-

кому и ни от чего нельзя. Церковь сама отделяет от себя нераскаянную душу. Она же есть полнота (Еф. 1, 23), вмещает в себе всю вселенную со всеми мирадами звезд... странно поэтому говорить об отделении Ее от чего-то руками каких-то людей. Вне Церкви только духовное состояние души, подчиненной греху.

4. Одно дело, когда свободные души человеческие, проводящие свое земное испытание на поприще управления государством, гонят или отделяют, земную, видимую глазами юридическую форму Церкви от государственной, данной им в руки, формы... Это возможно, и сейчас такое положение стало почти повсеместным, но это «отделение Церкви от государства» есть далеко не отделение, а, при наличии благодарных, рассудительных и энергичных деятелей Церкви, может стать более действительным (ибо не основанным на внешней силе) внедрением Церкви в организм народа и лучшим воцерковлением государства. Так было до Константина Великого целых три века.

5. Промысл Божий видоизменяет внешние отношения видимой Церкви и государства сообразно данному духовному моменту в стране, выбирая и предлагая лучшее для вечного спасения всех душ. Государственное лекарство Промысла, как вообще всякое лекарство, не всегда бывает сладким. Но ошибок у Промысла быть не может.

Несмотря на эту ясную православную философию, она часто остается непонятой. Конечно, теми, кто не верует в Промысл, однако, таких большинство не только в обществе и государстве, но — стыдно сказать — и во внешней церковной ограде.

Из этой философии явствует, что о лучшем или худшем отношении Церкви к государству, и вообще об их взаимоотношениях, можно говорить только перед лицом данного исторического момента, обозревая

совокупность всех фактов жизни, учитывая подлинный характер государства, от которого надо — «отделять» или к которому надо «присоединять» Церковь, т. е. опять-таки видимую, временную государственно-юридическую сторону Церкви.

7. Надо исходить из непреложного для всякого верующего человека положения духовной подчиненности государства, с его кругом земных задач, — Церкви, задачи которой столь же возвышаются над государственными задачами, сколь небо над нашими крышами. Сложность и всегдашняя недовыясненность вопроса «Церкви и политики» заключается именно в этом положении, ибо для людей, для которых высшая, вечная (настоящая) жизнь не существует, или (во всяком случае, не реальна), которые, собственно, не Церковь хотят отделить от государства (и от себя), а вот эту вечную жизнь, — для этих людей вопрос о Церкви ограничивается вопросом политики, тогда как для церковных верующих, наоборот, вопрос даже отвлеченной политики имеет церковно-нравственное значение.

8. Трудность была бы не так остра, если бы общество церковное было обществом церковно-мыслящих и церковно-верующих... Но сейчас Церкви в своей ограде приходится укрывать многих, укрывающихся в ней от тяжести жизни, или в блюдении воспоминаний детства, или национальных, бытовых переживаний..., но не проникнутых всей важностью союза своего с Богом-Вседержителем Иисусом Христом. Как бы ни пришел кто в Церковь, Церковь-мать принимает его с любовью, но если окруженный любовью церковных песнопений и евангельских поучений человек продолжает оставаться чуждым Ей по духу и подчиняться только одной Ее внешности, то такой человек не принадлежит к Церкви. Он не еретик, он любит

Церковь своею любовью, он будет защищать Ее как свою святыню, но... он не состоит в Церкви, ибо не живет во Христе, не имеет Христа высшей ценностью своего сердца. И этот добрый, крещенный, венчанный в Церкви человек может брать иногда перо и писать по церковным вопросам (а по национальным он, может быть, часто пишет, касаясь Церкви). Но в нем нет духа Церкви, святоотеческого, евангельского духа, нет настоящей «веры дел». И он-то, будучи политиком главным образом, путает дело церковной культуры в мире. Его считают представителем церковного общества, и он сам себя часто считает им... Таким образом понижаются общественные принципы Церкви... Церковь расплескивается, слабеет, как общественная сила, ибо стирается ограда Церкви, ограда от мира, чуждого Христу, которой так дорожила Церковь во все века, которая есть само название Церкви.

Надо строить эту ограду. Надо взыскивать подлинную, свято-воинствующую церковную культуру, которая одна только может противостоять надвинувшейся уже на Россию и на весь мир культуре общей злобы и самообоготворения. Христианская теплохладность уже два раза исторгнута из православного вероисповедания — пред лицом всего мира. Византия свалилась перед исламом, Россия — перед интернационалом пентаграммы...

9. В ответ на «не впутывайте Церковь в политику» иногда раздается раздраженный голос, начинающий обвинять сказавшего в «левизне», «революционных настроениях», «лукавой аполитичности»..., не вникая в дух терминологии говорившего, т. е. игнорируя его душу или не имея у себя достаточной чуткости, чтобы понять ее. Сказать «не впутывайте Церковь в политику» может квинтист, не понимающий универсальности Церкви. Сказать может равнодушный к Церкви, же-

лающий свободно пользоваться принципами макиавеллизма, или же видящий способ влияния священнослужителей на жизнь государства в их спокойном беспристрастии к политической лихорадке партий — в их внепартийности или «беспартийности», но — надпартийности.

Если же даже говорящий говорит по своей «левизне», то истинная «правость» возражающего (если он христианин) не должна пользоваться методом презрения или вражды к человеку. «И да не увидит он в тебе признака вражды», — говорит Церковь.

10. Вообще надо открыто признавать возможность идеальных мотивов в инакомыслящих. Это возвышает общую культуру речи и ведет к доброжелательству, которое всегда было дверью к взаимному пониманию. Также надо отрешиться от соблазнительной и греховной привычки догматизировать как свое мнение, так и вообще всякое временное мнение Церкви в тот или иной период истории. Не все свои мнения или влияния Церковь догматизирует (нельзя, например, догматизировать, как прецедент, поклон хану св. Александра Невского и Святителя Алексия Московского, ни благословение Дмитрию Донскому на бой с ханом преп. Сергия Радонежского, хотя бы и то и другое было по прямой воле Божией).

11. Отрешенные от политического творчества люди существовали в Церкви во все века. Они были молчаливее, но их было больше. Это как бы представители, в различных степенях, малоазиатских первохристианских церковных настроений, выработавшихся за века гонений. Это настроение не антигосударственное, но остро сознающее временность государства и желающее просто сосредоточиться на «едином на потребу» личного совершенствования. Когда это является философией человека, сосредоточившего внимание всей сво-

ей жизни на тонкой и вкусной еде, или человека, погружившегося с головой в дела личного денежного обогащения, или даже служения чистому искусству, тогда возражений им со стороны общества почти не бывает; их не обвиняют в том, что они не интересуются жизнью государства, что они антигосударственники. Когда же человек, во имя сосредоточения своей духовной жизни отрешается от «сердечного» интереса к государственным политическим проблемам, — многие бывают склонны упрекнуть его, если не обвинить... в аполитичности. Не только неверующая масса, но даже верующая способна не понимать и укорять Марию.

12. Следует остановиться на историческом примере сложившихся церковных настроений, чтобы уяснить себе психологию современных мнимых разделений в Церкви, «малоазиатское» мироощущение было противопоставлено все три века — «римскому». Римские христиане, живя около аппарата власти могущественного государства и будучи воспитаны на юрицизме и порядке римской государственной культуры, видели свою свободу не только в отрешении от внешнего мира, но и в овладении этим внешним миром. Сразу же обозначились в Церкви два основных общественных направления (не говоря ни об оттенках, ни о крайностях): «малоазиатское», хотя и подчинявшееся государству гонителей, но бежавшее от него внутренне (было, конечно, и внешнее бегство, тесно связанное с развитием пустынножительства на Востоке, но, в общем, Восток внутренне ушел от государственного творчества, поработаемый им в лице Рима), и «римское» направление, ассимилировавшее государство в организме Церкви и всквасившее его, овладевшее его стихией.

Созерцательное христианство Востока донныне противопоставляется «практическому» христианству Ри-

ма, которое перешло в жизнь всех западных народов.

13. Эти два течения в Церкви были братские и близкие в любви, ведущие к одной цели разумными путями. Эти оба пути были благословлены Церковью навеки, ни один не анафематствован. Победа осталась за обоими. Внутренне преодоление языческого мира было завершено и закреплено догматами вселенских и поместных соборов, святоотеческим вероучением и глубочайшими писаниями и постижениями духовной культуры святых писателей Добролюбия, созданием мощной, непревзойденной миро-отрешенной философии, — не от природы мира или природы социальных учреждений отрекающейся, но отвлекающей свой взор и свою душу от лицемерия их для более свободного и полного погружения в жизнь сердца, сего младенца бессмертия.

Внешняя победа также оказалась на стороне христиан. «Римское» христианство заменило языческий Рим. На много веков государство сделалось папертью или даже преддверием Церкви (притвором Церкви). Завоевание было — вопреки всем логическим, психологическим и механическим законам — мирное, органическое, Духом Святым. Не завоевание, а преобразование, — внутренней силой внешне слабой Церкви.

14. Люди «малоазиатского» церковного склада (мы не называем его апокалипсическим, потому что этот термин скорее прилагается к людям, более остро вышедшим из исторической временности мира) никогда не увлекались идеей церковного государства, хотя оставались тесными и добрыми тружениками государственной культуры. Имен лучших из них в истории мы не знаем, ибо лучшие из них не полемизировали, не восставали на государство толстовским сектантским методом. Они подчинялись необходимости государства, подчинялись кесарю после своего подчинения

Богу и находили для себя возможным даже умереть за свою земную страну без всякой философии. Это были люди подлинного Христова Духа, которыми не только не умалялось, но наиболее оправдывалось христианское государство.

Вторая, «римская» часть христианского общества — деятели, идеологи и практики христианского государства. Как мы знаем, она существовала с самых первых веков христианства параллельно первой, составляя с ней вместе одно историческое и культурное лицо христианского общества. Внутри этих людей, ревностно и праведно стремившихся оцерковить мир, подчинить его Христовой правде, были свои подразделения, опять уживавшиеся мирно и творчески единившиеся, где не было страстей (напр., св. Владимир не хочет казнить преступников, епископы настаивают на обратном, как на обязанности его, поставленного Богом ко внешнему управлению).

15. Все тело Церкви должно жить в гармонии своих чувств, имеющих различное предназначение совсем не к взаимному противоречию, а именно — к гармонии.

16. Церковь откровенно и ясно благословила в истории оба пути социального мироощущения, покрыв тот и другой вечными словами Евангельской Истины: «Кесарево — кесарю, Божие — Богу». Церковь с великой радостью благословила полный отход от социальной жизни, когда он совершался ради накрепчайшего единения с Господом Богом, Пресвятой Троицей (пустынничество), а также радовалась и при полном погружении души в дело государственного строительства, когда оно тоже совершалось во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа (царское помазание).

17. Оба пути сохранились в истории... Римское умонастроение сейчас представлено (как и другое) не только людьми около-церковными, но и глубоко уко-

ренными в молитвенном и нравственном сознании Церкви. Эти последние веруют в осуществимость христианского государства, как некоего подобия Царствия Божия на земле, когда сила вся будет на стороне правды, и между государством и Церковью будет исчезать граница и в юридическом смысле. Этот государственный православный идеализм, имеющий в русской истории добрую традицию, на Западе выражается в католической системе церковности, в томистической философии государства и в протестантском христианском социализме.

Ложь, всегда ютящаяся около правды, предложила отошедшим от Христа душам и миру свой атеистический социальный оптимизм, опыт которого переживает Россия.

18. Взаимопониманию христиан мешает также шаткость самого термина «политика». Одни понимают это слово идеалистически (если не аристотелевски), другие — «реально», во всей ее неприглядной макиавеллистической и интрижной корыстной действительности. Одни хотят преобразовать, «оцерковлять» политику, пребывая в ней, другие считают это дело бесплодным, равным черпанию воды из океана. В общем, одни веруют в культуру христианской политики, другие не веруют. И те и другие ищут наибольшего уподобления жизни земной евангельскому образу и наименьшей профанации социального христианства. Казалось бы, какое братолюбие, какую доброжелательность к жизненному опыту ближнего надо было бы проявлять христианам того и другого направления мыслей в отношении друг ко другу! На деле же слышим взаимные подозрения и обвинения. А отчего? — Утверждаем: только от недопонимания в любви.

19. Было время, когда Церковь всю человеческую энергию своих чад направляла на защиту своих душев-

ных риз от догматических ересей. Волевая энергия христиан находила себе выход в борьбе лжеучителей. Дух одержал победу. Церковь основалась на семи столпах — Соборах Православия. Казалось бы, настало время особой борьбы с нравственным грехом, т. е. за осуществление нравственной «жизненной» стороны чистых и истинных догматов. Получилось же в истории иное. Вместо того, чтобы устремиться на сатану и на семиглавый (семь смертных грехов) грех, христиане пошли по пути наименьшего сопротивления, устремившись друг на друга, выискивая умозрительные сучки в глазах ближних и не замечая духовного бревна в своих глазах.

Душевная раздражительная энергия христиан сейчас тратится не столько на борьбу с грехом в себе и в обществе, сколько на борьбу с мнениями, не имеющими даже отвлеченного догматического значения. Это догматизирование как своей правоты, так и чужой погрешительности на поле социально-государственного порядка есть характерная черта современной церковной жизни. Это расслабляет борьбу с безбожием и принижает культуру веры.

20. Социальный вопрос Церкви как общества приобретает догматическую остроту, какой не было до сих пор в истории. «Ересь» идет под знаком неверного понимания социального положения и политического значения Церкви... Расколы и разделения имеют определенный церковно-логический характер.

Всё это доказывает, что мы живем в эпоху «политическую». Как был век бронзовый и каменный, так теперь век политический. Какова же задача Церкви в этом веке? — Несомненно следующая, соответственная подлинному духу Православия: не поработаться политикой, но поработать ее. Это будет значить — стоять над ней, стоять над всякой социальной формой

мира, не связывая глубины своего бытия ни с одной, но поработать духу времени всякую. Душою социальной жизни пастыря должна быть культура социального умиротворения.

ИЗ ПИСЕМ ИГУМЕНА НИКОНА СВОИМ ДУХОВНЫМ ЧАДАМ

О ПОКАЯНИИ

Все человечество и каждый человек находится в глубоко падении и испорченности, и сам человек не может исправить себя и спасти и стать достойным Царствия Божия. Исправляет человека Господь Иисус Христос, для этого пришедший на землю, но исправляет тех, кто верует во Христа и осознает свою испорченность или, как мы больше привыкли говорить, свою греховность. Так Господь и говорит: Я пришел призвать не праведников (т. е. тех, кто *считает себя* праведниками, хорошими), но грешников на покаяние, — именно тех, кто увидел свою испорченность, греховность, свое бессилие самому исправить себя, и обращающихся к Господу Иисусу Христу за помощью, вернее, умоляющих Господа о помиловании, об очищении от греховных язв, об исцелении проказы душевной и даровании Царства Божия исключительно по милости Божией, а не за какие-либо наши добрые дела.

Правильно идущий путем духовным начинает видеть в себе больше и больше грехов, пока, наконец, духовным зрением увидит себя всего во грехе, в проказе душевной, почувствует всем сердцем, что он — грязь и нечистота, что недостойн он призывать даже имя Божие, и только, как мытарь, не смея возвести очи горé, с болью сердечной взывает: Боже, милостив буди мне грешному! Находясь долгое время в таком душевном устройении, человек в свое время выходит из него оправданным, как вышел мытарь.

Если же человек считает себя хорошим, и отдельные даже тяжкие грехи — случайными, в которых не столько он виноват, а больше всякие внешние обстоятельства или люди, или бесы, а он мало виноват — то это устроение есть ложное, это состояние явной или скрытой прелести, от чего да избавит всех нас Господь.

Чтобы идти по правильному пути, надо следить за собою, сравнивать свои дела, слова, помыслы, влечения и проч. с заповедями Христовыми, не оправдывая себя ничем, стараться исправлять себя, насколько можно, не обвинять и не осуждать других, каяться пред Господом, смиряться пред Богом и людьми, — тогда Господь постепенно будет открывать такому человеку его падение, его порчу, его неоплатный долг. Один должен 500 динариев, другой 50, а все равно оба не имели чем заплатить.

Нужно, чтобы Господь по милости Своей простил обоим, значит нет такого праведника, который не нуждался бы в милости Спасителя.

И вот премудрость Божия! — явный грешник скорее может смириться и прийти к Богу и спастись, чем наружные праведники. Потому и сказал Господь Иисус Христос, что мытари и грешники предваряют в Царствии Божиим многих внешних праведников.

По великой Премудрости Божией, грехи и бесы содействуют смирению человека, а через это — спасению. Вот почему Господь не велел выдергивать плевелы из пшеницы, без плевел легко возникла бы гордость, а Бог гордости противится. Гордость и высокоумие — гибель для человека.

Какой вывод из сказанного? — Познавайте свою немощь и греховность, не осуждайте никого, не оправдывайте себя, смиряйтесь, и Господь вознесет вас в свое время.

Боже, милостив буди нам грешным.

Простите и молитесь за меня.

1952 г.

О БЕСАХ

...Пора уже давно знать, что есть дьявол и бесы, которые по своей крайней злобе всячески хотят погубить каждого человека. Как они это делают? Вот как: они стараются действовать на страсти человека и раздувать их до такой силы, чтобы они погубили человека.

Например, кто любит выпить, того бесы понуждают пить больше и больше, довести до запоя, драк, убийства и самоубийства и этим погубить навеки. Иного бесы приучают к воровству, иного очень тонко приводят к высокоумию, тщеславию, гордости и, наконец, к духовной прелести... И многими другими путями ищут вечной гибели человеку.

Точно так же бесы стараются погубить и тебя с ... или хоть одну которую-нибудь. Как они пытаются это сделать? — ты сама знаешь хорошо. Бесы возбуждают среди вас ссору, разгорячают вас до того, что вы готовы избить друг друга, рассматривают и омрачают до того, что, мол, лучше повеситься, чем так жить. Если ты или кто-либо примет хоть на время эту мысль, то бесы с большей силой, с помощью других, более сильных бесов («семь других духов, злейших себя», как сказано в Евангелии — Лк. 11, 26) будут стараться чаще и сильнее внедрить мысль о самоубийстве. Если человек не воспротивится этой дьявольской мысли силами, а даст хоть некоторое согласие, то бесы по попущению Божию за страсти, и нераскаянность, и злобу могут задушить человека, дают веревку или даже полотенце и помогут покончить с собой.

...в спокойном состоянии подумай, в какое омрачение души нужно прийти, чтобы из-за малой скорби перейти в вечную, ужаснейшую муку. Как бы ни было здесь тяжело, хоть бы мы жили на земле тысячи лет в тяжких страданиях, все же им будет конец. А в аду нет конца мукам.

Ты представь себе хоть такую, например, картину: шайка бандитов самых отвратительных, человек 100, захватили бы тебя в лесу и весь день издевались бы над тобой. Как бы ты себя чувствовала при этом? Ты здесь хоть избавилась бы от этого через смерть. А самоубийца попадает в руки бесов, которые тысячи раз хуже, злее, отвратительнее всех бандитов, на их полную волю, на издевательство, кроме огня неугасающего и не светящего, кроме червя неусыпающего... И этим мукам не будет конца... Какой ужас! И прийти в такое состояние из-за пустяков, оттого, что ... дурная или злая, что она не хочет того или другого, или не так делает, или что она как-либо обидела тебя. Если такой мелочи не можете терпеть, то как ты не ужасаешься адских мук?

Ты скажешь, что в это время ни о чем не думаешь, а готова лезть в петлю. Правду ты говоришь, что ничего не думаешь, забываешь Бога, будущие вечные муки. В этом и есть опять хитрость бесов и их действие на душу человека.

Где Господь, там мир, свет, разум, радость. Где дьявол, там расстройство, мрак душевный, омрачение разума, отчаяние, готовность на всякое зло.

Я много раз говорил об этом. Еще, может быть, в последний раз предупреждаю тебя: не давай руку дьяволу. Молись Богу и проси в спокойном состоянии, чтобы Он не допустил тебя до омрачения, не дал власти бесам над тобой. Господь защитит тебя, если сама не полезешь в ад. Помни Иуду. Он дал дьяволу войти

в себя и погиб ужасной смертью. И перешел в вечную муку, во дно адово.

...не шути с этим делом. Будь подальше от этих мыслей. Господь да поможет тебе понять написанное и избежать рук бесов и здесь и в будущей жизни, а несколько потерпев здесь, войти в Царствие Божие, в вечную радость и блаженство. Аминь.

Будь здорова телом и душой.

1958 г.

ОБ УЧИТЕЛЬСТВЕ

Преп. Нил Сорский никогда не отвечал от себя, а только излагал мнение св. отцов. Если у них не находил сразу решения, то и он не давал ответа, пока не найдет мнения св. отцов о данном предмете. А мы, сами ничего не зная, по слуху или просто потому, что «мне так кажется», говорим целую кучу. Умный человек сразу поймет легковесность наших слов и нас же осудит. Им надо или доказать Ваше мнение, или сослаться на достаточный авторитет. Могли ли Вы это делать? Конечно, нет.

...Все мы находимся в «злейшей прелести», по выражению преп. Симеона Нового Богослова, т. е. во тьме, в заблуждении, в рабстве у дьявола. Только немногие бывают освобождены Господом от этого состояния. Как же слепой может вести слепого? А вы всех учите. Перестаньте! Мытарь не учил, а с сокрушением говорил: «Боже, милостив буди мне грешному», говорил не только в церкви, а и всегда имел это усмотрение (иначе и в церкви не мог бы так молиться). Мог ли он, да и всякий в таком состоянии учить других? Ясно, нет. А для находящихся в рабстве у греха и дьявола только и есть правильное состояние — со-

стояние мытаря. Когда оно охватит всего человека, тогда только в нем будет совершаться «Сила Божия». «Сила моя в немощи совершается», т. е. когда человек сознает мытаря (в смирении) — тогда в нем будет совершаться Сила Божия и выводить из Египта в землю обетованную. Другого пути нет. Если я пишу Вам это, то на правах духовника. Простите!

Господь да хранит Вас и вразумит на все благое...

1954 г.

О ДУХОВНОМ УСТРОЕНИИ

Ты выбрал себе путь жизни исключительно трудный в наше время, и если выдержишь до конца — все твои скорби мало сказать возместятся в миллионы раз, а просто (не скажу, что забудется) даже пожалеешь, что они были слишком малы... Может, тебе покажется это странным, но это так. Я глубоко уверен, что даже древние великие мученики, и они жалели, что мало страдали и поэтому не смогли ответить Богу той любовью, которою должны бы возлюбить Господа. Любовь даже к человеку стремится выразить себя деланием приятного любимому, каких бы жертв это ни стоило. Чем сильнее любовь, тем больше стремление доказать ее, а доказать бескорыстную любовь можно только жертвой, и как истинная любовь не имеет предела, так не имеет предела и жажда жертвы как проявление любви. Кто любит Бога, тот захочет страдать ради Бога и по мере роста любви, будет возрастать желание все перенести, лишь бы не удалился от нас Господь, лишь бы быть ближе к Нему. А не любить Господа нельзя, если приблизимся к Нему, вернее, если Он к нам приблизится.

Можно полагать, что червь неусыпающий и огонь неугасающий в будущей жизни есть нескончаемая скорбь сердца о том, что было время, когда можно было доказать свою любовь ко Господу, потерпеть разные страдания ради Него, доказать любовь не только страданиями, но и верой в Него среди сомнений всяких, среди страхов, духовного одиночества, сознания своих немощей, бессилия и проч. и проч. — и не доказали... Вот здесь-то, на земле, и можно и нужно доказать свою любовь к Нему внутренним решением: буду верить в Тебя, буду всеми силами исполнять Твои заповеди, буду страдать за веру в Тебя, откажусь от всего и от всех — от личной жизни, от родных, — только Ты, Господи, не откажись от меня, не попусти мне потерять веру и мужество, не попусти взроптать на Тебя, если постигнут слишком тяжкие скорби и страдания свои или близких моих, даруй мне возлюбить Тебя всем сердцем. Если сохранить такое устройство, то тебе легко будет пройти твой жизненный путь. Если же будешь колебаться, допустишь в сердце сомнение, если нарушением вольным заповедей Божественных омрачишь себя и ослабишь свои силы духовные, если не будешь постоянно призывать на помощь Господа, а особенно если возгордишься и понадеешься на свои силы — то падешь падением великим и отяготишь себе жизнь чрезмерно. Но и тогда не унывай, а смиряйся еще больше и все упование возлагай на Господа и на Его милосердие и Его помощь. Это и есть правильное устройство, но без опыта, без падений и восстаний мысленных* не придешь в

* Падения делом очень тяжело отзываются на духовном устройении, требуют потом труда для очищения себя и долго тормозят движение вперед. Мысленные же падения даже необходимы для познания себя, своей немощи, негодности для

правильное состояние. Оно характеризуется глубоким сознанием своей немощи, своего бессилия так жить, как требуют заповеди, так любить Бога, как Он возлюбил нас. А из этого состояния рождается чувство сокрушения, плач сердечный, сознание неоплатности долга своего (10 тысяч талантов) — словом, сердце сокрушенно и смиренно, которое Бог не уничтожит и из которого-то и родится та любовь к Богу, о которой я говорил вначале. Одной волей своей и желанием еще не приобретешь любви, а жизнью по заповедям, покаянием, плачем о своих падениях, глубоким сокрушением, что вместо любви и угождения Богу постоянно нарушаем Его святую волю. Из этого плача и сокрушения рождается страх Божий, т. е. страх как-либо не оскорбить Бога, затем рождается чувство близости Бога к нам, что выразил пророк Давид словами: «предзрех Господа моего выну»*..., а затем рождается постепенно твердая решимость лучше умереть, чем оскорбить Господа, чем лишиться Его близости, появляется твердость в скорбях, не только безропотное несение их, но и благодарность за них, т. к. сердце будет ощущать радость очищения скорбями и удовлетворения некоторого, что можно терпеть ради Бога и тем любить Его. «Что воздам Тебе, Господи, за вся, яже воздаде ми?»

1949 г.

Царствия Божия, а вследствие этого они приводят к смирению, показывают, что сам человек своими силами не может духовно возрастать, а должен постоянно взывать к Богу о помощи, должен пользоваться для спасения таинствами и всем, что дает св. Церковь.

* выну = всегда (церк.-слав.).

О СМЕРТИ

Получил Ваше письмо о болезни Л. Она не сходит с моей памяти. Хотя всем, великим и малым, неизбежно приходится покидать этот мир, однако, когда это предстоит нам с близким, дорогим человеком, то невольно всей душой протестуешь против этого. В глубине каждого человека лежит сознание своего бессмертия. Он и в действительности бессмертен, а в том, что мы называем смертью, есть новое рождение в другой мир, переход из одного состояния в другое и, для большинства, несомненно, в лучшее, бесконечно лучшее. Вот почему и не следовало бы скорбеть при приближении смерти, а скорее радоваться, но мы или мало верим в будущую жизнь или страшимся ее, да и здешняя жизнь слишком цепко держит нас. С духовной точки, надо бы радоваться за Л. Господь дает ей подготовиться к будущей жизни, но берет и страх — не возропщет ли она, не будет ли малодушествовать. О, если бы она смирилась, обратилась всем сердцем к Богу, покаялась искренне во всех своих ошибках, причастилась с верой и благословением Св. Таин. Тогда стала бы смерть для нее радостью, новым рождением, переходом к тем, кто любит ее всей душой, ждет ее, чтобы исполнить ее радостью совершенной, никогда не кончающейся, какой «око не виде, ухо не слыша и на сердце не всходило»...

О ТЕРПЕНИИ

Получил Ваше унылое письмо. Вы знаете закон духовный: «Многими скорбями подобает внити в Царство Божие», «в мире скорбни будете», «в терпении (скорбей) стяжите души ваши» и пр. Это нужно твердо усвоить каждому верующему. Богочеловек претерпел

оплевания, биения, заушения и пр. оскорбления, страшный крест и смерть; Матери Божией оружие пронзило душу и вращалось в сердце Ее во все время страданий Спасителя. Апостолы, мученики, исповедники, преподобные и прочие истинные последователи Христа, что претерпели?

«Иже кто хочет по Мне ити да отвержется себе и возьмет крест свой и по Мне грядет» (Мр. 8, 34).

Если Вы искренне хотите следовать за Иисусом Христом, то нет другого пути, кроме указанного Им, пути и внешних скорбей, и телесных болезней, и постоянной борьбы со своими страстями, которые проявляются самым различным образом. Есть страсти явные: чревоугодие, блуд разнообразный, сребролюбие, печаль, уныние, гневливость, тщеславие, гордость, неверие, зависть, лживость, осуждение ближних и пр., и пр. Со всеми ими последовательно ученику Христову и приходится бороться, побеждаться и побеждать, а это требует напряжения сил, терпения. Это часто бывает настоящим мучением, крестом, от которого уйти никуда нельзя. Одно из двух — или человек без борьбы отдается им, изменяет Христу, предпочтя мир и его жизнь, или борется, страдает, и через это растет духовно.

Ваше состояние, о котором Вы пишете намеком, есть также страсть, свойство ветхого человека, но по хитрости врага, всегда прячущегося, замаскированная и усложненная всякими примесями. Бесы, хотя и омрачились падением, но свой ангельский ум и другие способности в какой-то мере сохранили. Они прекрасно изучили свойства человека физические и психологические, они имеют доступ к телу, нервам и мозгу человека, они действуют и на душевные качества и на проявления, всегда действуя во зло и к погибели человека. Так как явные страсти человек видит, также и

вред от них, то бесы стараются все перепутать, придать особое значение переживаниям человека, усиливают одно, ослабляют другое, чтобы ввести человека в заблуждение, придать страсти особое глубокое значение, красивую внешность и проч., и проч. Неисчислимы их хитрости, лукавство, ложь, всевозможные приемы для оболыщения и погубления человека.

Нам, новоначальным, неопытным, неимеющим духовных руководителей, надо знать одно: сами мы не можем побороть и победить страсти и бесов, но должно однако бороться с ними по силе своей и непрестанно во время нападений призывать Господа на помощь. *«Обышедше обыдоша мя (враги и страсти), и именем Господним противляхся им»*. Ни сами Вы своей силой не поборете, ни другой человек тем более не может помочь Вам побороть, а только Господь. Следовательно, надо больше молиться с благоговением, с сокрушением сердечным, исповедуя Господу свои грехи, страсти, свое бессилие и испрашивая прощения и помощи. От такого делания скоро ощутите спокойствие и мир душевный, смирение некоторое и решимость все терпеть ради Господа и ради своего спасения...

1958 г.

О ТЕРПЕНИИ СКОРБЕЙ

...мы в настоящее время пришли в такой период жизни человечества, когда спасаются исключительно только безропотным терпением скорбей, с верою в Бога и надеждою на Его милосердие. Другими путями теперь не умеет спастись никто. Остался для нашего времени только один-единственный путь: терпение скорбей. Преп. Исаак Сирин пишет: «Паче всякой молитвы и жертвы драгоценны пред Богом скорби за

Него и ради Его». А всякая скорбь, которую мы принимаем без ропота с мыслью благоразумного разбойника, именно: что за грехи, для спасения и очищения посылаются скорби и, следовательно, «достойное по делам нашим приемлем», всякая скорбь при таком отношении к ней вменяется в скорбь ради Господа, крест наш личный преобразуется в Крест Христов, а мы через него спасаемся. «Аще со Христом спостраждем, то с Ним и прославимся», говорит ап. Павел.

В минуты скорби и уныния полезно помнить совет преп. Исаака Сирина: «Содержи всегда в памяти тяжчайшие скорби скорбящих и озлобленных (напр., в тюрьмах, ссылках и проч.), чтобы самому тебе воздать должное благодарение за малые и ничего не значащие скорби, какие у себя находишь, и быть в состоянии переносить их с радостью».

В скорбях, переносимых с радостью, с благодарностью к Господу, спасающему нас через страдания, скрыта радость восхождения духовного от силы в силу.

Чем больше человек прилагает *своего* труда над очищением себя от всякого греха, очищением мыслей, чувств, пожеланий греховных, даже пустых, чем больше понуждаем себя к непрестанной чистой, внимательной, от всего сердца и со всяким благоговением молитве, тем слабее делаются скорби, тем легче становится их переносить, потому что цель, для которой нужны и посылаются скорби, достигается другим путем, путем своего труда, понуждения на делания заповедей; постоянного сокрушения сердечного за недостаточное исполнение их. Это болезнование сердца и понуждение к добру могут заменить прочие средства и скорби.

Особенно надо следить за собой, чтобы быть мягким, добрым в отношении ближних своих. «Наше спа-

сение в ближнем», — говорил преп. Пимен Великий. Это значит, что если человек имеет правильное отношение к ближнему, т. е. исполняет св. заповеди: возлюби ближнего твоего, как самого себя, — то через это обязательно будет в силах исполнять и все прочие заповеди и главную из всех — заповедь любви к Богу. Нельзя любить Бога, относясь плохо хотя бы к одному человеку. Это вполне понятно. Любовь с неприязнью не могут быть в одной душе: или та — или другая. Если будет любовь к ближним, то она породит и любовь к Богу. Та и другая таинственны и далеко не то, что мы знаем из отношений «ветхого человека». Только опыт покажет человеку глубину заповедей, по мере обновления души, через их исполнение...

1950 г.

О СМИРЕНИИ

...Сколько Вы ни падали — не отчаивайтесь и не теряйте совсем веры. Сохраните хоть «одну точку», которая видит и сознает и сокрушается иногда о Вашем состоянии, и Вы не утонете в море житейском. Господь не допустит до этого, а в критическую минуту подаст Вам руку, как утопающему ап. Петру. «Мир вас возненавидит», — сказал Господь Своим ученикам две тысячи лет назад. Это пророчество до сих пор непрерывно исполняется над учениками Христовыми, но исполняется и другое пророчество: «Мужайтесь, Я победил мир». «Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире», — говорит ап. Иоанн Богослов. Слово «мир» имеет два значения. Первое — внешний мир, падшее человечество, и второе — наш собственный ветхий человек с его страстями и греховными влечениями. Этот мир подвластен дьяволу. Он нахо-

дит здесь свои орудия, которыми и гонит и преследует ученика Христова, желая его погубить. Но Господь победил мир, победил дьявола. Насильно, *против воли человека*, дьявол не может повредить никому. Только тот подпадает власти дьявола, кто *сам сознательно подает ему руку*. А кто сопротивляется ему, кто призывает на помощь Господа Иисуса Христа, тот безопасен, тому искушения бесовские могут пойти даже на пользу, — вернее, *идут* на пользу.

Нужно свои падения и свою ветхость использовать как средство для приобретения смирения. Человек, приобретший смирение, обладает особым внутренним состоянием, при котором все нападения дьявола отражаются. Человек уже не на себя надеется, а на Господа. А Господь всесилен и победил дьявола и побеждает его в нашей душе, когда мы боремся не своей силой, а призыванием Господа и преданием себя в Его волю...

1960 г.

О ПЬЯНСТВЕ

...Я слышу, что ты продолжаешь изрядно выпивать в крайний вред себе. Что ожидает человека на этом пути? Я тебе сейчас напишу. Если ты не будешь бороться с этим недугом, то попадешь под полную власть бесов. Они будут возбуждать тебя пить все больше и больше и через это расстраивать нервную систему. Ты сделаешься раздражительным, гневливым. Легкие сначала ссоры будут все грубее, длительнее. Денег не будет хватать, сгонят со службы — надо будет продавать вещи, выпрашивать в долг унижительным образом; может быть, даже воровать. Гнев усилится до бесовской злобы, до желания убить. Бесы,

действовавшие втайне, станут являться в виде разбойников, диких зверей, змей и проч. Потом могут явиться и в своем безобразно гнусном виде. Если и тут ты не образумишься, то заставят тебя совершить какое-либо тяжкое преступление, например, поджог, убийство, а затем приведут в полное отчаяние и заставят покончить с собой. Если бы со смертью человек совсем исчез, так можно было бы порадоваться, что кончились мучения, но ведь нет уничтожения. Пьяница, самоубийца из малых и временных страданий перейдут окончательно и навеки во власть бесов и ужаснейшую муку, которой не будет конца.

Как люди духовные, борющиеся с грехом и побеждающие грехи, делаются постепенно способными чувствовать сначала духовный мир, а затем видеть ангелов..., точно так же преданные грубым страстям, особенно пьянству и разврату, если не покаются, будут видеть бесов и сделаются их рабами.

Уже внешний вид человека духовного и раба дьявола говорят ясно, к чему ведет тот и другой путь. «По плодам их узнаете их», — говорит Господь.

Дорогой, милый, добрый, умный...! Опомнись, куда ты идешь? Если тебе здесь тяжело, то каково будет после смерти? Страсти, тысячи раз более сильные, чем на земле, будут как огнем палить тебя без какой-либо возможности утолить их. Совесть о потерянной жизни, о совершенных преступлениях, как червь неусыпающий, станет грызть твое сердце. А сознание, что сам себя лишил вечного блаженства в обществе святых людей и ангелов, будет во веки терзать тебя. Если не можешь бросить пить, так хоть сознай, что ты делаешь нехорошо, что губишь себя, обижаешь близких тебе, оскорбляешь Господа. Сознай, это и припади к Господу хоть один раз в день и скажи Ему: «Господи, я погибаю, спаси меня, не допусти до окон-

чательной гибели. Господи, будь милостив ко мне грешному». Если будешь так говорить ежедневно от всего сердца, то Господь простит тебе все грехи твои и спасет от гибели. Первым вошел в рай разбойник. Это устроил Господь для поощрения и утешения нас, грешных. Все прощает милосердный Господь искренне кающемуся. Не должно отчаиваться никакому грешнику. Не говори, что ты уже погиб. Это бесовская мысль. «Радость бывает на небе об одном грешнике кающемся», — говорит Господь. Он, Спаситель наш, пришел на землю, чтобы «взыскать и спасти погибшего». Не бойся бесов. Если они будут являться в каком-либо виде — то призывай имя Господа Иисуса Христа и крестись сам и крести явившихся, и они исчезнут, как дым. Не ножами или иным вещественным оружием обороняйся. Они не боятся этого, а борись именем Божиим...

О СВОБОДЕ

Зло не создано Богом. Зло не имеет *сущности*. Оно есть извращение мирового (а в отношении к человеку и ангелам — нравственного) порядка свободной волей человека и ангела. Если бы не было свободы, то не было бы возможности извратить нравственный порядок, премудрый и совершенный. Ангелы и человеки, как автоматы, подчинялись бы законам физического и нравственного мира, и зла не было бы. Но без свободы воли не было бы в человеках и в ангелах образа Божия и подобия. Совершенное существо не мыслимо без свободы воли. Кстати, все атеистические учения вынуждены отрицать свободу воли; они и отрицают в теории, а на практике тихомолком допускают свободу воли, иначе пришлось бы с ужасом признать, что человек — ничтожная часть бездушной огромной

машины, которая знать не знает и не хочет знать о человеке и безжалостно калечит или уничтожает его, когда законы этой машины приводят к этому.

Разумные существа, познавшие себя как самостоятельные «личности», «я», как новые самостоятельные источники света (ивановский червячок), как центры, для которых весь мир (окружность H -го радиуса) есть только объект для него, объект познания и действия, причем даже Господь Бог может быть в какой-то мере только объектом, эти личности гораздо в большей мере сознавали до падения свое величие, чем падшие люди. О них было сказано: «вы боги и Сынове Вышнего все вы». Они не знали зла и не могли вполне оценить добра, которым пользовались. Желание стать «как боги, знающие добро и зло», привело к падению и ангелов и человеков. Отсюда начинается история человечества. Воспитать человека в благоговении и любви к Богу, в любви к человеку, не подавляя его свободы воли, возвести его в достоинство сына Божия — сложнейшая задача: абсолютно неразрешимая для людей и потребовавшая даже от Бога величайшей жертвы — воплощения, крестной смерти и воскресения Самого Бога...

...Бог по благодати Своей восхотел иметь около Себя разумные свободные существа, которые могли бы участвовать в Его блаженстве, быть участниками Его жизни, причастниками Его естества. Для этого Он сотворил Ангельский мир, а потом и человека. Часть ангелов употребила во зло свою свободу, не восхотела быть в единстве с Богом, противопоставила себя Богу, «возгордилась», сделалась неспособной участвовать в Божественной жизни и была низвергнута с неба, осуждена пресмыкаться на земле, вне Бога, тлеть в своих страстях, питаться ими — «есть прах во все дни жизни своей» (Быт. 3, 14).

Человек тоже пал, хотя и не так, как бывшие ангелы. Еще до сотворения человека Господь предвидел, что человек будет не в состоянии оставаться всегда верным Ему, что он не сможет вполне оценить дары Божии — именно: жизнь, своих свойств, райского блаженства. Чтобы человек оценил эти дары, возлюбил Господа всем сердцем, всюю душой, всем помышлением, всюю крепостью своею, нужно пройти ему особый путь, на котором он мог бы вполне испытать на себе зло, страдания всякие, смерть, до конца понять, что в удалении от Бога он всегда будет страдать, понять, что его блаженство — в общении с Богом, в любви к Богу всем сердцем.

Дальше, он должен на опыте познать, что восстановить это общение он сам не может. Общение возможно только при очищении себя от всяких скверн плоти и духа; а опыт тысячелетий показал, что никто не может сам очистить себя. Человек, предоставленный своим силам, должен жить вне Бога земную жизнь, и после смерти также отойти в ад, быть «кроме» Бога.

И вот, когда человечество до конца поняло это, тогда Господь совершил такое дело, от которого содрогнулось и небо (мир ангельский) и земля (вся видимая вселенная). «Нас ради человек и нашего ради спасения» Сам Господь сошел с неба, воплотился от Духа Св. и Марии Девы и вочеловечился, добровольно подвергся гонениям, оплеваниям, крестной смерти, чтобы спасти человека, соединив его с Собой и претерпев за него все, что должен был претерпеть каждый человек, чтобы восстановить общение с Богом. В этом проявилась такая любовь Божия, что Она не могла не победить самое зачерствелое сердце и привлечь к Себе. Для того чтобы спастись, человек в течение своей земной жизни должен уверовать в Господа, понять свое

падение, обратиться к Господу, ответить на Его любовь своею любовью, доказав ее жизнью по слову Его, сделаться *неспособным* употребить свободную волю против Бога, *неспособным* не в силу подавления его свободной воли и внешних для него обстоятельств, а по преданности и по любви к Богу, по благодарности Ему...

1961 г.

О ВОПЛОЩЕНИИ

1. Когда человек одним рассудком пытается понять, почему Господь избрал такое средство спасения людей, как воплощение Господа Иисуса Христа, то остается в недоумении, склоняется к признанию, что можно было Богу и другими путями спасти людей, и даже просто простить их грехи и ввести в рай. Прежде всего, на это надо ответить словами ап. Павла: «немудрое Божие премудрее человеков» (1 Кор. 1, 25; см. 1 Кор. 1, 18). Следовательно, человеку надо принять верою и со смирением тайну воплощения Сына Божия и признать, что это средство спасения есть и необходимое, и самое лучшее.

2. Если бы Сам Господь не воплотился и не пострадал за нас, то мы не могли бы познать силы любви Божией к человеку. При тяжких страданиях своих или близких, при виде особо сильных проявлений зла или же жестокости и неправды в мире человек может как-то претерпеть это, примириться с этим и не «возвращать билета» (как выразился Иван Карамазов), помня, что Сам Бог, Творец всего мира пострадал для уничтожения зла, для привлечения людей без насилия над волей их в Царство Добра и Любви.

3. Когда человек придет в «видение» всей глубины падения человечества и своего собственного, осознает свое ничтожество, бесправие душевное, полное недо-стоинство стать членом Царствия Божия, осознает и бессилие и невозможность выйти из этого состояния самому, хотя бы он вновь начал жизнь, когда от этого приходит в совершенное отчаяние и безнадежие, что приводило древних язычников и нынешних атеистов к самоубийству или хуле на Бога, — то выход из этого положения есть вера в Бога, пришедшего на землю и принесшего Себя за грехи наши в жертву, сделавше-гося Агнцем, вземлющем грехи, мерзости, растление мира. Вера, что всех обращающихся к Нему с сокру-шением сердечным Он не отталкивает из-за их мер-зостей, а очищает, воссоздает, делает близкими Себе, покрывает любовью Своею все недостатки, не вспоми-нает их, возводит отчаянных грешников в достоин-ство Сынов Своих. Если бы не было воплощения и страданий Спасителя, как мы поверили бы в возмож-ность такой любви Божией к людям? Нет, не могли бы и погибли бы в отчаянии, может быть, пришли бы в злобное состояние и стали бы врагами добра и противниками Бога, как сатана. Только воплощение и Крест Сына Божия могут спасти людей, а не какие-либо другие средства. Надо опытно познать силу зла в себе и в мире, чтобы вполне оценить Жертву Божию и признать ее необходимость для спасения человека.

1961 г.

РАБ НЕ БОЛЬШЕ ГОСПОДИНА СВОЕГО

...На тебе исполняется Слово Истины: «Все же хо-тящие благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут» (2 Тим. 3, 12). «Многими скорбями подобает

нам войти в Царство Божие» (Деян. 14, 22). «Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы дети Божии» (см. Гал. 4, 4-7). «А если дети, то и наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8, 16-17).

«Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас...» (Иоан. 15, 18-20). «Будете ненавидимы всеми народами за имя Мое» (Мф. 24, 9). «Но вы смотрите *за собою*, ибо вас будут предавать в судилища, и бить в синагогах» (Мрк. 13, 9). «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас... Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей и умертвят их; и будете ненавидимы *всеми* за имя Мое; претерпевший же до конца спасется» (Мф. 10, 16-22).

«Знай же, что в последние дни... люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны. злоречивы, родителям непокорны: неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщены, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие *вид благочестия*, силы же его отрехшиеся. Таковых удаляйся» (2 Тим. 3, 1-5).

Вот закон, открытый Богом, испытанный на себе миллионами христиан. Кратко его можно выразить так: имеющий в себе Дух Христов, будет ненавидим и гоним от неимущих сего Духа. Я знаю, что тебе это все известно и понятно, но оживить в памяти неплохо,

тем более, что мы привыкли очень поверхностно относиться к словам Св. Писания. Слишком уж много пустых слов, хотящу и нехотящу, входит в нас. Это бедствие нашего времени. Они оглуляют нас...

1962 г.

О ЛИЧНОСТИ

...Мудрость духовную надо всем нам просить, ибо есть ведь и бесовская мудрость (Иак. 3, 15). Люди по существу, в глубине, все лучше, чем в своем проявлении в жизни. Одно дело — образ Божий и благодать, полученная в таинстве крещения; это и есть личность человека, его «Я». Это великий дар Божий. Из небытия возник новый центр самосознания, «Я», сознающее себя и весь мир. «Я» равно целой вселенной, ибо «Я» как самосознающая личность имеет своим объектом не только всю вселенную, но и Бога. «Я» стремится познать — понять, т. е. взять, включить в себя и всю вселенную и Самого Бога. «Вы — боги и сынове Вышнего». Это, т. е. познание, дозволено Творцом человека, к этому и призывается человек, но только *законным путем*. Вот как велик человек! Вот почему человек иногда и кажется таким прекрасным, несмотря на то, что его великая сущность лежит, как в могиле, покрытая хламом эмпирики, т. е. жалких познаний, чувствований, мелких делишек, интересов, задач и т. п. «Человек в чести сый — не уразуме»!

Вот, в молодости, а у некоторых людей и всегда, есть способность чувствовать глубину души человеческой сквозь его эмпирию. По мере возраста, постоянное столкновение с ветхим — эмпирическим — человеком и вынуждает быть с ним осторожным, к чему призывает и Спаситель. Не буду больше об этом рас-

пространяться, хотя и многое было бы еще сказать. Надеюсь, и так понятно.

Я на днях прочел, правда, бегло очень «Братья Карамазовы». Вот где раскрывается душа человеческая! Какой жалкой пародией кажется научная психология перед психологией Достоевского. Я когда-то был настолько наивен, что хотел познать душу, изучая курсы психологии. Сколько глупостей делаешь в молодости, когда нет у тебя руководителя! Вот я действительно был, как в лесу. «Князь мира сего» так ослепляет людей, что слепые ходят ощупью, а потому постоянно попадают из одной лжи в другую.

Наука — ложь, когда ее данные принимают как нечто абсолютное, ибо завтрашняя наука будет отрицать сегодняшнюю, искусство — сознательная фальсификация, по большей части; политика всегда была полна обмана, лжи, преступления, здесь всё надо понимать «наоборот», а то, что называется «жизнью», — суета сует, всяческая суета, а главное — ужасная мелочность, пустота, ложь без конца. Словом, «эпоха лжи», царство князя мира сего...

1962 г.

ОБ ОТЧАЯНИИ

Просишь написать тебе. Утопающий хватается за соломинку, так и ты в своем душевном неустройстве ищешь поддержки в ближних своих. Мой жизненный опыт привел к тому взгляду, что никто нам не может помочь: ни сам себе, ни другие люди, а только Господь. Твое душевное состояние не только не улучшается, а делается временами невыносимым потому, что у тебя мало надежды на Бога. Ты смотришь на свои грехи и справедливо считаешь, что за них по

справедливости должна бы пострадать в будущей жизни и даже здесь пред смертью и по смерти на мытарствах и далее. Если так смотреть, то можно прийти в полное отчаяние. Разве можно так смотреть христианину? Если бы человек спасался своею прелестью, то зачем было приходиться Господу Иисусу Христу и страдать. Никто не вошел в Царство Божие своими только заслугами. Человек должен понять: 1) свою ветхость, испорченность, падение, всякую неправду, полное искажение всей души своей и прочее; 2) убедиться на своем горьком опыте, что сам он своими силами не может исправить себя, хотя и должен постоянно бороться со своей испорченностью и оплакивать это состояние; 3) должен обращаться ко Господу, как мытарь: «Боже, милостив буди мне грешному». Я погибаю, тону, в море беззаконий моих, спаси меня, Господи Иисусе Христе, как спасал всех, кто к Тебе обращался: разбойников, мытарей, блудниц и т. п.

«Бог есть любовь». По любви к падшему роду человеческому Господь не остановился совершить величайшую жертву. Бог-Отец послал Сына Своего на крестные муки. Бог-Сын несет послушание до смерти крестной, Бог-Дух Святой не гнушается входить в грешную душу человека и очищать и спасать ее. Что может еще больше совершить Господь для нашего спасения? «Мною клянусь, — глаголет Господь, — не хочу смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему». «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего, да всякий верующий в Него не погибнет, но имеет жизнь вечную». Значит, спасение обеспечено каждому, кто верует во Христа и просит Его спасти от греха и вечной муки. За покаяние во грехах Господь обещает прощение и милости, и если просим, то *обязательно* получим просимое, ибо это слова Самого Господа. Словом Божиим создан весь мир, словом Его мир

сохраняет порядок, а не превращается в хаос. Этим же Словом обещается прощение грехов и вечная жизнь за веру и покаяние. Подтверждается это Слово воплощением Сына Божия (слова Евангелия) и крестными страданиями Его. Ты веруешь во все это. Как же ты отчаиваешься в своем спасении? Как ты можешь допустить, что Господь пошлет тебе страдания на земле или по смерти сверх сил? Нет и нет! Твое настроение, болезнь, уныние, тоска и прочее — от дьявола. Не подавай ему руки, отгоняй все эти помыслы призыванием имени Господа Иисуса Христа, и молитвой мытаря, благодаря Господа за все, за любовь Его к роду человеческому, за Его долготерпение грехов твоих, за милосердие к тебе и ко всем, за твою болезнь, за все благодари, предавай себя Его воле и Его милосердию — и получишь облегчение. Ты страдаешь за маловерие свое, ты обращаешь все внимание на себя, на свои грехи, и мало помнишь о любви Божией. Делай наоборот. Помни прежде и всегда о милосердии Божиим, о крестных страданиях ради нашего спасения, а потом о грехах своих. *Пусть грехи твои будут поводом, побуждением к мытаревой молитве, к углублению в молитве, а не поводом к отчаянию.*

1961 г.

Н. В. ГОГОЛЬ, И. В. КИРЕЕВСКИЙ, Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ, К. Н. ЛЕОНТЬЕВ ПРЕД СТАРЦАМИ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

...«В библиотеке нашего Скита* хранится книга «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. Спб., 1847. К книге приложена на особом листе копия с письма, в котором высказан отзыв о ее содержании. Кто именно был автор письма и кому оно было адресовано, в настоящее время, по прошествии почти 50 лет, по неимению данных, трудно определить. Копия с письма переписана собственноручно старцем о. Макарием. Поэтому можно заключить, что старец вполне разделял выраженный в письме отзыв о книге знаменитого писателя.

При продолжающейся неустойчивости и колебании русской мысли, упомянутый отзыв не утратил значения и для настоящего времени.

Если согласиться с высказанным мною мнением, то покорнейше прошу не отказать в виду духовнонравственной пользы читателей *душеполезного чтения*, дать место в сем журнале упомянутому отзыву.

Вот этот отзыв:

«С благодарностью возвращаю вам книгу, которую вы мне доставили. Услышите мое мнение о ней. Виден человек, обратившийся к Богу с горячностью сердца. Но для религии этого мало. Чтоб она была истинным светом для человека собственно, и чтоб издавала из

Издание типографии Казанской Амвросиевской Шамординской женской Пустыни. 1911 г.

* Оптинского, коего начальником был о. Иосиф.

него неподдельный свет для ближних его, необходимо нужна в ней *определительность*. Определительность сия заключается в точном познании истины, в отделении ее от всего ложного, от всего лишь кажущегося истинным. Это сказал Сам Спаситель: *истина свободит вас* (Ио. 8, 32). В другом месте Писания сказано: *Слово Твое есть истина* (Ио. 17, 17). Посему желающий стяжать *определительность* глубоко вникает в Евангелие и по учению Господа выправляет свои мысли и чувства. Тогда он возможет отделить в себе правильные и добрые мысли и чувства от поддельных и мнимо добрых и неправильных. Тогда человек вступает в чистоту, как и Господь после Тайной Вечери сказал ученикам Своим, яко образованным уже учением *истины: вы чисти есте за слово, еже рех вам* (Ио. 15, 3). Но одной чистоты недостаточно для человека: ему нужно оживление, вдохновение. Так, чтоб светил фонарь, недостаточно одного чистаго вымывания стекол, нужно чтоб внутри его зажжена была свеча. Сие сделал Господь с учениками Своими. Очистив их истиною, Он оживил их Духом Святым, и они сделались светом для человеков. До принятия Духа Святаго они не были способны научить человечество, хотя уже и были чисты.

Сей ход должен совершиться с каждым христианином на самом деле, а не по одному имени: сперва очищение *Истиною*, а потом просвещение *Духом*. Правда, есть у человека врожденное вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истина отвергает сие вдохновение как смешанное, умерщвляет его, чтоб Дух, пришедши, воскресил его в обновленном состоянии.

Если же человек будет руководствоваться, прежде очищения его истиною, своим вдохновением, то он будет издавать для себя и для других не чистый свет, но

смешанный, обманчивый, потому что в сердце его лежит не простое добро, но добро, смешанное со злом более или менее. Всякий взгляни в себя и поверь сердечным опытом слова мои: увидишь, как они точны и справедливы, скопированы с самой природы.

Применив сии основания к книге Гоголя, можно сказать, что она издает из себя и свет и тьму. Религиозные его понятия не определены, движутся по направлению сердечного вдохновения, неясного, безотчетного, душевного, а не духовного.

Так как Гоголь — писатель, а в писателе непременно *от избытка сердца уста глаголят* (Мф., 12, 34), или: сочинение есть непременно исповедь сочинителя, по большей части им непонимаемая, и понимаемая только таким христианином, который возведен Евангелием в отвлеченную страну помыслов и чувств и в ней разлил свет от тьмы, — то книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы истины. Тут смешение.

Желательно, чтобы этот человек, в котором видно самоотвержение, причалил к пристанищу *Истины*, где начало всех духовных благ. По сей причине советую всем друзьям моим по отношению к религии заниматься единственно чтением святых отцев, стяжавших очищение и просвещение, как и апостолы, и потом уже написавших свои книги, из коих светит чистая истина и которая сообщают читателям вдохновение Святаго Духа. Вне сего пути, сначала узкого и прискорбного для ума и сердца, всюду мрак, всюду стремнины и пропасти! Аминь».

Покойный старец иеросхимонах о. Макарий, предшественник и наставник старца о. Амвросия, лично знал Н. В. Гоголя, который два раза приезжал в Оптиную пустынь для посещения о. Макария. Об этих посе-

щениях о. Макарий упоминает в одном из своих писем, от 2 октября 1851 года (Собрание писем блаженных памяти Оптинского старца о. Макария. Изд. Оптин. пуст. М., 1862 г., 220 с.). Покойный старец обладал высокою духовною мудростью и мог, при помощи благодати Божией, благотворно повлиять на образ мыслей Н. В. Гоголя, в смысле утверждения и просвещения его ума и сердца истинами православной веры Христовой.

Здесь, может быть, уместно будет сказать и о том, что под влиянием бесед с о. Макарием совершился в том же направлении, как и у Н. В. Гоголя, коренной поворот в воззрениях И. В. Киреевского. Известно, что это был ум могучий и многосторонне образованный, стоявший на высоте современной ему западноевропейской философствующей мысли. И. В. Киреевский имел письменные и личные сношения с главнейшими представителями этой мысли, — например, с Гегелем и Шеллингом (Сочинения И. В. Киреевского. Т. 1, М., 1862 г., стр. 46 и 56). Но, однако, он не удовлетворился своими знаниями: душа его искала высшей правды. Беседы с о. Макарием осветили и раздвинули его умственный кругозор и вместе с тем увенчали его философские знания покровом сердечной веры. «Растворенное солию неземной мудрости, слово отеческое, слово глубокое и вместе простое, слово, носящее печать помазания Св. Духа, вносящее мир и успокоение во всякую душу, жаждущую и алчущую правды и истины, это слово удовлетворило вполне его пытливый ум, и с той поры он посвятил себя всецело на то, чтобы отвлечь внимание своих ученых и друзей от философских умствований Гегеля, Шеллинга и К^о, этих «сокрушенных младенцев» германской мысли, и обратить их внимание на забытые одними и неведомые другим источники «воды живой» — Слово Божие и

творения святых отцов. Памятником этого периода его умственной деятельности остались две замечательные статьи: «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» и «О необходимости и возможности новых начал для философии».

...Об этом говорится и в материалах для биографии И. В. Киреевского (Соч. И. В. Киреевского. Т. 1, стр. 100). Долбино (родовое поместье Киреевских, в 7 верстах от г. Белева, Тульской губернии) — в 40 верстах от Козельской Оптиной пустыни. Сюда нередко уезжал Киреевский и проводил здесь целые недели, душевно уважая многих старцев святой обители и особенно отца Макария, своего духовного отца, которого он высоко ценил. Оптинский монастырь известен в России изданием многих переводов св. отцов и других назидательных книг. В изданиях сих Киреевский принимал живейшее участие; почти все корректуры исправлялись в его доме; сами рукописи и переводы также просматривались Киреевским.

«В тишине своего деревенского уединения, — говорится далее в той же книге, — Киреевский продолжает работать для своего будущего философского сочинения, изучая писания св. отцов. Вот его собственные слова: «Учение о Святой Троице не потому только привлекает мой ум, что является ему как высшее средоточие всех святых истин, нам откровением сообщенных, — но и потому еще, что, занимаясь сочинением о философии, я дошел до того убеждения, что направление философии зависит, в первом начале своем, от того понятия, которое мы имеем о Пресвятой Троице».

К этому же периоду времени, т. е. к концу 1852 года, относится письмо И. В. Киреевского к Кошелеву. В письме этом он, между прочим, говорит: «Не теряю намерения написать, когда будет можно писать, курс философии, в котором будет много новых истин, то

есть новых от человеческой забывчивости. Жаль, очень жаль, что западное безумие стеснило теперь и нашу мысль, именно теперь, когда, кажется, настоящая пора для России сказать свое слово в философии, показать им, еретикам, что *истина науки только в истине православия*. Впрочем, и то правда, что эти заботы о судьбе человеческого разума можно предоставить Хозяину, Который знает, когда и кого послать на Свое дело».

И. В. Киреевский скончался 12 июня 1856 года и погребен в Оптиной пустыни. На могильном памятнике надпись: «Премудрость возлюбихъ и поискахъ от юности моя. Познавъ же, яко не инако одержу, аще не Господь дастъ, приидохъ ко Господу... Узрять кои вину праведника и не разумеють, что усуетова о нем Господь. Господи, приими дух мой!»

Среди старожилов нашей обители сохраняется воспоминание о посещении оной в 1877 г. другим знаменитым нашим писателем — Ф. М. Достоевским. Подолгу длились его беседы со старцем о. Амвросием о многих насущных вопросах духовной жизни и спасения души. Вскоре затем появились в печати «Братья Карамазовы», написанные отчасти под впечатлением посещения его Оптиной пустыни и бесед с о. Амвросием.

К. Леонтьев, автор многих статей по восточному вопросу, также подолгу жил иногда в Оптиной пустыни и беседовал с о. Амвросием. Скончался К. Леонтьев, при Троице-Сергиевой Лавре, в 1891 году, сподобившись принять пред кончиною иноческий постриг...

В. Никифоров-Волгин

ДОРОЖНЫЙ ПОСОХ

Рукопись открывается словами:

Каждое новолетие я встречаю с тревогой. Идет что-то грозное на нашу землю. В чем оно выразится, не может вообразить душа моя, — она скорбит только смертельно.

...Я замечаю, что временами темнеют иконы. Запрестольный образ Христа неведомо отчего стал черным и гневливым. Старики сказывали, что перед большими народными бедствиями темнеют иконы. Тоже вот, и в природе беспокойно... Когда выйдешь в поле или в лес, то слышишь кругом тревожный, никогда раньше не замечаемый, шум. Сны стали тяжелыми. Всё пожары да разорения вижу. Не раз себя видел в полном священническом облачении, в страхе бегущим по диким ночным полям, со Святыми Дарами в руках, а за мной гнались с длинным степным свистом косматые мужики в древних языческих рубахах.

За последнее время до горькой тоски стал людей жалеть! Так вот и чудится, что все мы на расстанипути стоим, и скоро не увидим друг друга.

А может быть, всё это беспокойство — моя болезненная мнительность?

Дал бы, Господи!..

Хотя... сказывала мне матушка, у меня в детстве некие прозрения грядущего были. Слышал я голоса неведомые, опасность чувствовал и даже смерть близких моих предугадал.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Навечерие Господня Богоявления.

Идет снег, засыпая тихим упокоением наше селение. Только что совершил чин великого освящения воды. При взгляде на воду всегда думаешь о чистоте. Помог бы Господь струями иорданскими омыть потемневшее лицо земли! Много стало скверны в жизни. Замутились от скверны реки Божии...

Завтра начну свою проповедь словами: «Мир, как бы, книга из двух листов. И все вещи в мире суть буквы». Осквернили мы великую книгу Божию...

По народным сказаниям, сегодня ночью на речные и озерные воды сойдет с неба Дух Божий и освятит воду, и она всплеснется подо льдом. Наши старики пойдут с ведрами за полунощной водой, креститься будут на нее, а завтра, после обедни, зелено вино в ратоборство со святою водою вступит... Много греха всякого будет... Господи! избави землю от глубокой ночи!..

*

При пении «Глас Господень на водах» мы пошли крестным ходом на Иордан. Было сумеречно от тяжелых метельных туч. Под ногами скрипел мороз. Люблю глядеть, когда русский народ идет в крестном ходе и поет! Лицо у него ясное, зарями Господними уясненное. Троекратным погружением креста в прорубь мы осветили наше озеро. С какой светоносной верой русский народ пил освященную воду, мылся ею, сосуды наполнял, — дабы в смертный час испить ее, как причастие!

Когда возвращались обратно, то началась метель. Что-то древнее, особенно русское, было в нашем за-

мечательном крестном ходе. Ветер трепал старые хоругви. На иконы падал снег. Все мы были убеленными. Метель, и наше церковное пение, древнее пение! Так хорошо... и особенно трогал желтый огонек несомого впереди фонаря...

До самого позднего вечера я ходил по избам «со славою» и освящал паству свою богоявленской водой. Деревня была пьяной. Неужто опять драки и смертоубийство?

Ночью разболелась у меня голова. Я вышел на крыльцо. Метель вошла в полную силу. Тревожно было слушать завывы ее.

— Не попусти, Господи, очутиться кому-либо в поле или на лесных дорогах!..

Звонари наши загуляли. Пришлось самому подняться на колокольню, чтобы позвонить, в пути находящимся...

Звонил долго и околел весь. Перед тем, как сойти с колокольни, долго смотрел на метель... Не прообраз ли она того грозного, что идет на русскую землю?

*

Доктор качал головою: да разве мыслимо, отец Афанасий, с вашими-то легкими на мороз да на вьюгу? Все тревожились за меня. Сказывали, что смерть у изголовья стояла, но улыбнулся мне Христос и озарил чашу мою смертную...

Когда здоров священник и горя не ведает он, то не особенно ублажает его деревенский народ: насмехается, грубые слова ему вслед бросает, песни нехорошие про него поет, но заболевет священник — народ душу свою отдаст, чтобы вернуть его, помочь ему... Одинокий он, русский человек, и только священник еще «отцом» ему является... Хоть и недостойным зачастую,

но все же родным и нерасстанным... Вот и со мною тоже: когда я здоров был, то всякие грубости и насмешки слышал, а заболел тяжело — плакали навзрыд, молились, руки мои целовали.

Весь мир для меня стал теперь теремом Божиим. Всё хорошо. Всё разумно. Вот что значит болезнь! На стол упало солнышко. Я положил на него руки и очень радовался — жизнь жительствоует!

В первый раз я вышел на воздух. По снегам март ходит, а за ним воробьи вприпрыжку. Ах, уж эти воробьи! Хорошие они птицы! Радуют и умиляют ребячеством своим, неунывностью, вседовольностью! Хороша земля Божья. Скоро весна наступит, зачнет она милому вышивать, разными-то цветами, травами, узорчатыми листьями. Приневестит она землю в новую вышитую рубашку. Будет земля в новой рубашке ходить!

Дьякон Захарий меня под руку поддерживал, и вижу, душой чувствуя, любо ему, что я с одра болезни восстал! Смотрю в широкое усветленное лицо его и думаю: вот бы и всегда так, ходили бы люди по земле Божией, друг друга поддерживая и улыбаясь... этак тихо, из самой глубины сердечной...

Нехорошо священнику о земном думать, но сегодня подумал и загрустил: как бы радовалась моему выздоровлению покойная супруга моя!.. Она бы сегодня меня под руку поддерживала... Оба мы с нею мечтали, и обязательно вспомнили бы, как ходили юными по Москве, поднимались на Воробьевы горы и слушали московский великопостный звон. В предвесеннюю пору всегда вспоминается юность, наше невесто-нестное.

Да, не может человек носить в себе полную незамутимую радость.

Великий пост. Таинство исповеди. Тяжкими грехами замучен человек. С каждым годом эти грехи глубже и чернее. Невыносимое бремя лежит на священнике: разрешать грехи человеческие! На многих и многих необходимо, по святым правилам нашей Церкви, наложить тяжкую эпитимию, но не могу я! Нет во мне суровости, да и жалко кающегося русского человека. Много спасает русский народ великим своим даром покаяния! Только мы способны заплакать словами канона Андрея Критского, «погубив первозданную доброту и благолепие мое и ныне лежу наг, и стыжуся».

Побежали ручьи. После «Великого повечерия» я ходил гулять в лес и сорвал несколько красных прутиков вербы. Всё очарование весны в этих красных зоревых прутиках! Когда помирать буду, то, наверное, они только и вспомнятся от всего, что пригрезилось на земле... А леса-то наши вырубают! Кругом села были заповедники, такая чащоба, сколько птиц и зверей было, а теперь пустыри... Примечаю я: чем больше природы уничтожается, тем хуже на земле становится, и лик человека утрачивает свою ясность.

Над природой человек озоровать стал! Так и норovit разорить ее, растоптать, власть и силу над ней показать. Сколько было случаев, когда ради озорства выжигались многоверстные леса, убивали зверя и птицу. Пугливо стала смотреть природа на человека... Не произошла бы от этого великая скорбь!

*

В канун Страстной седмицы я обходил избы своей паствы. Никогда этого не делал. Ныне что-то особенно стал тревожиться за человеческую душу. К чему-то ее приуготовить хочется, укрепить. Всё кажется, что великим соблазнам она будет подвергнута. Приду в из-

бу и скажу: на огонек к вам пришел! Все радовались приходу моему. Поставят самовар, сядут ко мне поближе, зачну я беседовать с ними. Любо глядеть на лица крестьян, при скудном свете керосиновой лампы слушающих слова Божии!

Один русский человек, очень одинок! Утешитель ему нужен. В России обязательно должны быть монастыри и старцы печальники... Без них некуда деваться беспокойной душе нашей!.. Не от одиночества ли нашего и все скорби, и туга душевная, и надрыв, и грех?

*

На Страстной неделе деревня на монастырь похожа. Все строги, тихи хождением, тихи на словах, братолюбивы, уступчивы. Даже озорники и отпетые держат строгий пост. Гляжу на них и опять верю: не отречется от Христа русский народ! Пойдет к Нему, всё Ему расскажет, покается и сядет у ног Его...

Я вышел на крыльцо. Тихие весенние сумерки. Сумерки предпасхалья. Ветер апрельский. Вспомнились мне трогательные слова Чехова: «Точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре». Никогда такой близкой не кажется русская земля, как в пору таяния снега, в сумерках, при ветре. За последнее время она особенно почему-то ненаглядна, словно уйти куда-то хочет от меня...

*

Сию сейчас один у пасхального стола и думаю: отчего грустно мне в эту спасительную и светоносную ночь? Почему опять тревожит мысль, что все мы на ростани-пути стоим, скоро не увидимся друг с другом?

Троекратным лобзанием целовал в уста пасомых своих, и хотелось плакать. Особенно грустно было смотреть, как шли они по весенним размытым дорогам с узелками освященных куличей, светло, по-Христову улыбаясь друг другу. Вот, думаю, сейчас скроются, никогда уже больше не придут сюда — на радостную Христову вечерю.

А может быть, и впрямь у меня что-то болезненное? Дал бы, Господи!

*

Солнце заливает землю. Яблони в полном цветении. Глаз не нарадуется дивному благолепию весны. Кто-то очень хорошо сравнил двенадцать месяцев года с двенадцатью учениками Христа. Май месяц. Это Иоанн Богослов, апостол любви, любимый Христов ученик.

Я сижу на солнышке и листаю псалмы Давида. На мое плечо и на страницы книги падают лепестки яблонь. И так кстати открылись мне слова псалмопевца о солнце:

«Небеса поведают славу Божию, и о делах рук Его возвещает твердь. Он поставил в них жилище солнцу... От края небес исход его, и шествие его от края их, и ничто не укрыто от теплоты его...»

От этих слов, или от внешней красоты я не мог не перекреститься и не воскликнуть:

— Господи! Да придет Царствие Твое!

— Вот бы скорбь людскую изжить! Радость на земле насадить! Жития немятежного достигнуть!

*

Лето стоит знойное. Во многих местах горят леса. Солнце застилается дымом. Свет стоит тревожный, словно апокалипсический. По ночам вспыхивают гневные сухие молнии.

Ползают темные приглушенные слухи...

Старик Кирик сказал мне сегодня, что он прикинул к земле ухом и слышал, как гудит земля:

— К беде это, батюшка!

Деревенский дурачок Сема ходит по деревне и во всё горло распевает пугающую песню:

Черный ворон, черный ворон,
Что ты вьешься надо мной,
Иль мою погибель чуешь,
Да, э-эх!..

Бабы на него шикают, а он раздирает душу этим степным взвизгом: Эх!..

Я не мог удержаться, чтобы не выйти сегодня ночью в сад и не прикинуть ухом к земле, — послушать, гудит ли она?

...А может быть, это мое сердце гудело?

*

Я проснулся с великим криком. Во сне привиделось мне, что Господь покидает землю... Я встал с постели, и никак не мог успокоиться.

Горница моя озарялась сухими молниями. Я подошел к окну и долго смотрел на потемневшую землю. Меня стал охватывать страх. Пал перед иконами на колени, но молитва не успокоила: «Неужто Он не слышит?»

Среди ночи я побежал в церковь. В алтаре затеплил семисвечник, и до самого утра простоял перед Престолом. Мне стало легче.

*

Объявлена война.

*

По всей Руси панихиды служат. Помянники всё гуще заполняются именами убиенных воинов. Душа подвига ищет. Всё свое имущество я раздал осиротевшим. Смотрю сейчас на прохладную пустоту своих комнат и думаю: нет выше блага, как отречение от вещей. Верно сказано: кто приобрел себе одну фарфоровую чашку, тот уже не свободен.

Не хочется мне и дома своего. Завтра придут беженцы из военной полосы. Поселю их у себя, а сам в бане притулюсь.

Очень остался доволен самим собой, но потом стыдно стало: несовершенные и самолюбивые мы натуры! Не умеем творить добрые дела без оглядки, без упоения самим собою! Далеко нам еще до совершенного, светоподательного подвига!

*

Банька у меня ладная, укромная, из свежих душистых бревен. Зимой тепло в ней будет. Затеплил лампаду, и так стало утешно, словно Сам Христос пришел ко мне в гости и сидит на деревянной лавочке.

Пришивал я пуговицы к своей рясе и думал: хорошо жить под низкими потолками! Тишины на сердце больше!..

Да, опять я доволен, самообольщаюсь, опять впадаю в «духовную прелесть». Мало над собой работаю.

*

Земля волнуется. Народ тревожится. Вокруг меня горя — непочатый край. Жмутся ко мне люди. Утешения ищут. До поздней ночи я с народом своим, и слушаю тревоги их и скорбь. Все горе большое носят.

Все в житии крест, яко ярем, вземши. Посмотришь на них, сказать что-то хочешь в утешение, но вместо слов опустишь голову и молчишь...

Большое горе стряслось над нами, но сердце накликает еще что-то более грозное и страшное.

— К каким же испытаниям ведешь Ты, Господи, народ русский?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

...Наша деревенская коммуна началась с того, что на кладбище стали гулянки устраивать, парни сбросили с колокольни большой колокол, а в моей баньке стекла выбили. Алексей Бахвалов поджег часовню при дороге. Кузьма икону Владычицы топором разрубил и в горящую печь бросил. По ночам стреляют из ружей и пистолетов.

Я хожу из избы в избу. Утешаю, увещаваю, молюсь. Поздно вечером меня подкараулили, напали и тяжело избили. Весь я в повязках лежал.

*

...Голод. С превеликим трудом достали горсточку муки для просфор. Литургийный хлеб стал теперь ржаным — почернело Тело Христово...

...Служил сегодня литургию. Церковь была наполнена голодными. Матери принесли на руках голодных детей и не могли их держать от слабости. Они укладывали их на пол, под иконы. Глядя на детей, все плакали. В церкви умер четырехлетний сынок кузнеца Матвея. Многие в церкви лежали пластом — так были слабы.

Я причащал голодных детей и еле сдерживал в руке чашу Христову... Страшно смотреть на голодных детей. На клиросе упал с голодухи псаломщик. Дьякон с жадностью смотрел на служебные просфоры. Детям давали по кусочку просфоры. Они проглатывали его и тянулись ручонками за другим: «Дай хлебушка, батюшка, дай ради Христа!»

Перед окончанием литургии я вышел говорить проповедь. Взглянул на опухшие от голода лица, на голодных детушек, положенных матерями под иконы небесных заступников, и на этого мертвельного младенца, лежащего на скамейке, — не выдержал я, заплакал, упал перед народом на колени, и ничего сказать не мог! Мы только плакали и кричали, что есть сил: Господи, спаси! Матерь Божия, заступи!

*

В ночь на 20 ноября замутившиеся души сожгли наш храм.

Мне Господь помог неврежденно пройти через пламя в алтарь. Удалось спасти антиминос, запасные дары и несколько служебных книг. Чашу Господню не мог спасти. Она была объята пламенем.

Друзья мои предупреждают: «Беги, батюшка, от греха! Убить тебя хотят!» Я никуда не убегу. Господь защититель живота моего, да не убоюся! Сейчас размыш-

ляю: где бы положить антиминс и начать совершение Св. Христовых Таин?

*

В нашем лесу стоял барский охотничий теремок. Этот теремок мы превратили в дом Божий.

Пасомые мои принесли сюда иконы, лампы повесили. Из свежего лесного теса сделали иконостас, престол и жертвенник. Сшили мне из добротных деревенских мешков ризу. Столярный искусник Егорушка сделал деревянную чашу, и даже вырезал на ней по-славянски слова «Чашу спасения прииму, и имя Господне призову».

*

Идет народ, идет за многие десятки верст, в Божий наш теремок за утешением. Места не хватает. Стоят под небом. До поздней ночи я исповедаю их, беседую с ними и утешаю. Сейчас глубокая морозная ночь. Молодежь с песнями и руганью проходит по деревне. Вот они к моей баньке приближаются. Вот остановились. Комком снега в окно запустили.

А меня всё время упреждают: «Беги, батя, покуда жив! Злобятся на тебя. Врагом народа объявляют».

Будь, что будет!

*

Мне сказали, что в городе приказ подписан — арестовать меня, как мятежника и возбудителя народных масс.

*

Пришли ко мне в метельную ночь.

— Сряжайся, батя, поскорее! Едем!

— Не поеду, други! Совесть пастырская не позволяет!

Тут уж они силой заставили меня одеться. Уложили в саквояжик бельишко мое, книги и прочее. Все мои мольбы были, яко сеяние зерен на камни. Меня не слушали, а только понукали.

Ничего поделать с ними не мог. Взял я антиминс с божницы, дарохранительницу и Евангелие. Усадили меня в деревенский возок и тронули.

*

Поселили меня в маленьком речном городке, в домике сапожника Саввы Григорьевича Ковылина. Стал я обучаться сапожному ремеслу.

Сидим мы с Саввой Григорьевичем «на липах» и беседуем на тихие душевные думы, а по вечерам Священное Писание читаем и молимся. Истовый и светлодушный он старик, от смолевых, древнерусских истоков! Жизнью своею словно икону Спасителя пишет. По субботам и воскресеньям приходят к нему родственники и хорошие, благочестивые люди. В задней боковушке, окном на пустырь, совершаем богослужение. Про меня узнали. Потайно приносят мне младенцев для крещения, приходят венчаться, каяться и причащаться. До моего прибытия сюда городское духовенство великим унижениям и гонениям подвергалось. Одних выслали на Соловки, а иных с большими мучениями предпослали в вечное жилище. Во время литургии у одного из священномучеников вырвали из рук Чашу и расплескали по полу Кровь Христову, а

священника вывели в ризах на площадь и в ризах же на фонарном столбе повесили. В селе Дубнах однокашника моего по семинарии, священноиерея Дмитрия штыками ослепили.

*

Сегодня совершил я необычный чин отпевания. Приходит ко мне старуха. Вся в слезах.

— Отпой, батюшка, сына моего, богоотступника! Убили его!

— Где же почивший? — спрашиваю.

— Там, батюшка, у них... В Народном доме лежит. Тебя туда не допустят. По-граждански его хоронят, с музыкой и песнями... Он ведь комиссаром состоял...

— Как же я отпевать стану?

— Отпой его, голубчик, заочно... У себя в боковушке! Дай душе его благословение.

Плачет старуха, Христом Богом молит. Стал отпевать.

...Мимо окон везут мертвого комиссара с музыкой, а я читаю ему вслед: «В вечных Твоих селениях упокой душу усопшего раба Твоего в месте светле, в месте злачне, в месте покойне, отнюдуже отбеже болезнь, печаль и въздыхание...».

*

Стал я заправским сапожником. Пошли у нас дела с Саввой Григорьевичем складно да ладно.

«Ночная паства» моя росла и в боковушке становилось тесно.

В городе не прекращались расстрелы...

Однажды ночью к нам постучали. Открыли. Входит комиссар Ахтыров. Обращается ко мне:

— Пойдем со мною, батюшка!

Я приготовился к смерти. Савва Григорьевич белее снега стал. Комиссар успокаивает:

— Не бойтесь, отцы! Я затем пришел, чтобы батюшка сына моего окрестил в потайности... а то он не выживет!..

*

Сегодня было у нас совещание. Мы решили из боковушки перебраться в лес (а леса здесь хорошие, затаенные, с глубокими чашобами). Недавно одному из наших посчастливилось найти здесь глухую пещеру. Ночью пошли к этому месту. До самого рассвета приводили ее в благолепный вид. Тайком приносили сюда иконы. Будущая церковь наша сокрыта черными вековыми елями — лучшего места не найти! Условились мы ходить на молитву разными путями и в одиночку, памятуя слова Христа: «Блюдайте, како опасно ходите».

*

Первая молитва в лесной пещерной церкви!.. Свечей у нас не было. Горела лучина. После «Хвалите» я запел величание преподобному Сергию, ибо только он вспомнился при горящих лучинах! Всем народом мы пели: «Ублажаем, ублажаем тя, преподобне отче Сергие, и чтем святую память твою, наставниче монахов и собеседниче ангелов». По самую заночь я принимал исповедь собравшихся...

После ночной молитвы я долго гулял по лесу. Издали слышался нутряной смертный крик, и вслед за ним несколько ружейных залпов... Я присел на поваленном дереве.

Как малое дитя, спрашивал душу свою: почему так страшен человек? Разве нельзя жить без этих ночных криков и выстрелов?

Шума тревоги больше не слышно. Тихо стало и притаенно. Иконы стали светлыми. Сказывают, купола на многих церквях обновляются! К чему сие? Что значит этот Господень знак?

*

Наступил рождественский сочельник. Весь он в снежных хлопьях. На земле тихо. Хочется грезить, что ничто страшного на Руси не произошло. Это только попритчилось... Все мы сегодня, как встарь, запоем «Рождество Твое Христе Боже наш» и во всех домах затеплим лампы...

Но недолго пришлось мне грезить. Мимо окна провели бывшего городского голову, директора гимназии, несколько человек военных, юношу в гимназической шинели, девушку в одном платье, простоволосую. Седого сгорбленного директора подгоняли ружейными прикладами. Он был без шапки, а городской голова в ночных туфлях.

Сердце мое заметалось. Я вскрикнул и упал.

...Очнулся я к самому вечеру. Савва Григорьевич долго приводил меня в чувство.

— Как же ты, батюшка, служить сегодня будешь? Посмотри в зеркало, ты мертвому подобен! Что это с тобой произошло?

Я ничего не сказал. Помолился, попил святой воды, частицу артоса вкусил и стал здоровым.

*

В ночь на третье января к нам постучали.

— Беда, батюшка! — вскрикнули вошедшие. — Завтра хотят из собора все иконы вынести, иконостас разрушить, а церковь превратить в кинематограф. Самое же страшное: хотят чудотворную икону Божией Матери на площадь вынести и там расстрелять!

Рассказывают и плачут.

Меня охватила ревность. По-командирски спрашиваю:

— Сколько вас тут человек?

— Пятеро.

— Так... Ничего не бойтесь! Слушайте же меня, чада мои! — говорю им шёпотом. — Чудотворную икону мы должны спасти! Не отдадим ее на поругание!

Савва Григорьевич всё понял. Молча пошел в чулан и вынес оттуда топор, долото и молоток. Перекрестились мы и пошли...

На наше счастье, Владычица засыпала землю снегом. В городе ни одного фонарика, ни голосов, ни собачьего лая. Так тихо, словно земля душу свою Богу отдала. К собору идем поодиночке. Я вдоль заборов пробираюсь. Наши уже в соборной ограде. Тут же и лошадка приготовлена. Нас оберегают старые деревья, тяжелые от снега. Оглянулись. Перекрестились. Один из наших по тяжелому замку ударил молотком — замок распался. Прислушались. Только снег, да наше дыхание. Мы вошли в гулкий, замороженный собор. Из тяжелого киота сняли древнюю икону Богоматери. Положили ее в сани, прикрыли соломой и, благословясь, тронулись к нашей пещерной церкви. Сама Пресвятая лошадкой нашей правила. Ехали в тишине, никого не повстречали. Снег заметал наши следы.

К пещере несли Ее в руках, увязая в глубоких сугробах. Я раздумно вспоминал:

— Не так ли предки наши уносили святыни в леса, в укромные места, во дни татарского нашествия на Русь?

*

В городе пошел слух о чуде. Владычица покинула собор! Да, воистину чудо! Ибо только одна сила Божия помогла нам спасти древнюю святыню русскую.

Около собора днем и ночью толпился народ. Его разгоняют ружейными залпами. Народ ощеривается и выходит из себя.

Когда из собора выносили иконы и бросали их на мостовую, произошла рукопашная. Народ с криком набрасывался на кощунников, вырывал у них иконы, а те, размахивая ручными гранатами, вопили:

— Ра-а-с-хо-дись, а то сейчас бабахнем!

Когда в соборе все было очищено, то там устроили пьянство с песнями и музыкой. Сказывали, что Чаша Господня, наполненная водкой, обносилась «в круговую». Молодежь волочила по улицам иконы и распевала:

Эх, играй, моя двухрядка,
Против Бога и попов.

На пустыре Савва Григорьевич нашел икону преподобного Серафима Саровского, изрешеченную пулями.

*

Много горьких дорог прошло с того времени, когда мне вновь удалось найти свои записки и склониться над ними.

...Недолго пришлось нам собираться в подземной церкви. Нас выследили. На Крестопоклонной неделе, во время выноса креста, пред нами предстали они...

Два рослых, дурно пахнувших солдата с заломленными на затылок папахами, с неумолимыми дикими руками, тяжело подошли ко мне и связали меня веревками. Мне не дали снять с себя ризы — так и повезли в священническом облачении. Паству мою, по счастью, не тронули, и она сопровождала меня со слезами и стенаниями. Пробовали защитить меня, но им угрожали ручными гранатами. Меня тревожила мысль: догадаются ли пасомые мои спасти чудотворную икону Богоматери? Тревога моя, видимо, передалась Савве Григорьевичу. Он издали, из темноты, крикнул мне:

— Не беспокойся!..

Легко мне стало, словно Бог возгласил из лесной чащи.

В одном месте, на леденице, я поскользнулся и упал. Солдаты засмеялись, не помогли мне подняться, а схватили за край веревки и с песней «эй, дубинушка, ухнем» волоком потащили меня по земле.

Я весь избился и окровавился. Потом они пожалели меня и подняли.

Поздно вечером привели к следователю. Я встал около письменного стола. Следователь писал и не смотрел на меня. У него были сверкающие белые руки, лицо румяное, молодое и как будто простодушное. Всё обыкновенное, человеческое, если бы только не уши... Пепельно-лиловые, широкие, они свисали наподобие тряпок, закрывая ушную раковину.

Прошло минут двадцать, но он все еще не поднимал на меня глаз. В кабинете, освещенном душным светом электрической лампочки без абажура, было тихо. Только два звука было слышно: сухое шуршание пера

и влажное падение на паркетный пол кровавых капель с моих избитых о гололедицу рук.

Наконец, следователь тихо положил перо, поднял румяную голову и осиял меня таким шелковым голубым взглядом, что я первое время подумал: «Какие хорошие человеческие глаза!» Но взглядевшись в них, я содрогнулся...

Минут пять смотрел он на меня, не мигая своей страшной, словно застеклившейся синевой. Он перевел взгляд на мои окровавленные руки и улыбнувшись смотрел со стеклянной и, как мне представилось, — синей улыбкой.

Тонкими, совершенной красоты пальцами, он изредка отмахивал что-то от лица своего, словно садилась на него паутиная нить. Он заставлял меня сознаться в организации заговора против власти. Я с твердостью отрицал это и говорил: «Я молюсь за нее, чтобы она не проливала крови!» Очень долго допрашивал меня голосом хрустящим и словно костяным. Моим объяснениям не верил. Под конец допроса лицо его пошло пятнами. Совершенно неожиданно, он ловким кошачьим прыжком соскочил с бархатного лилового кресла, подбежал ко мне, вцепился в мое горло белою льдистой рукою и закричал в исступлении, слюнявым извивающимся криком:

— Сознавайся! Стерва! Убью!..

Он приставил к моему виску револьверное дуло. Голова моя горела нестерпимым жаром, и от прикосновения металлического холодка я ощутил приятность. Больше всего меня напугал впервые виденный мною звериный лик человека.

*

Меня отвели в темницу. Здесь сидели буйные люди.

Встретили меня со свистом и улюлюканием. Издевались над моими священническими ризами и плевали на них. Дали мне место на полу, в затемке, рядом с лоханью для нужды. Пол был каменным и зловонным. Когда погасили свет и все полегли спать, я стал молиться. После молитвы подошел ко мне кто-то невидимый во тьме и сказал:

— Ложись на мои нары... там теплее, а я на твоём месте образуюсь!..

Радостно стало мне:

— И здесь Христос!..

В эту первую тюремную ночь я не мог скоро заснуть. Думал о предстоящих страданиях и не утаю: ужасался их и тосковал не мало. Мне вспомнились муки, кои претерпели, Христа ради, соратники мои:

в Астрахани архиепископа Митрофана и его викария Леонтия живьем закопали в землю;

в Свяжске епископа Амвросия привязали к хвосту бешеной лошади;

в Белграде-Курском епископа Никодима убивали железными прутьями — тело же его бросили в сорную яму;

архиепископа Пермского ослепили, выколол глаза, отрезали щеки и в таком виде влчили его по городским улицам, а потом живьем закопали в землю...

Я сжимал в руке нательный крестильный крест и с гефсиманскою тоскою взывал к Нему:

— Господи! Научи мя оправданием Твоим!

*

В пищу давали сто граммов хлеба и суп из снитков или селедки. По два раза в день приносили нам по две кружки воды. Тюремный хлеб я не ел даром — меня заставляли чистить отхожие места, мыть полы, сти-

рать белье конвойных, и в этом я хорошо преуспевал.

С обитателями нашей темницы, ворами и убийцами, я крепко подружился. Они любили меня за тишину к ним, за беседы с ними, за уступчивость. И заметил я: чем глубже носишь в себе образ Христа, вооружаешься смирением, тем скорее осветишь звериный мир человека. Если и не сразу, то впоследствии всё же освятится человек. Надо только жить рядом с ним, чтобы Христос, живущий в тебе, постоянно освещал омраченного. Человека за руку приходится водить, как ребенка-несмышлениша!..

На Страстной неделе союзники мои изъявили желание исповедоваться передо мною, и в одну из ночей я принял их сокрушенную, отчаянно-русскую исповедь... В знак раскаяния они целовали мой нательный крест.

В ночь на Светлое Христово Воскресенье я облачился в изорванные свои ризы. Я пропел им всю пасхальную заутреню, а потом христосовались мы...

Пять месяцев я просидел в здешнем узилище. В самый день рождения моего (мне исполнилось пятьдесят два года) меня отправили железнодорожным путем в губернскую тюрьму.

*

Втолкнули меня в подвальную темноту и сырость. После солнечного света, на время осветившего меня по пути в тюрьму, я долго стоял на пороге, словно в ослеплении, ничего не видя. Ко мне кто-то подошел, назвал по имени и обнял. Глаза мои проясняются стали: я увидел архиепископа Платона. Только по глазам, да по тому неуловимому, что делает человека характерным, я узнал его. Величественный русский владыка превратился теперь в согбенного старца. Ряса была

в дырках, на ногах плохенькие сапожонки, седые волосы сваялись в колтун и, давно не мытые, напоминали горький ветхозаветный пепел.

Я поклонился ему в ноги. Ко мне стали подходить из разных сторон другие обитатели подвала. Меня обнимал заросший волосами, землисто-бледный, похожий на тень, высокий человек в сутане.

— Ксендз Станислав Лабунский!

Крепко пожимал мне руку маленький, иссохший, похожий на философа Канта, господин в сюртуке. Через одышку он назвал себя:

— Пастор Келлер!

Тихими стариковскими шагами приблизился давний духовник мой, игумен Амвросий. Молча обнял и молча перекрестил.

Семинарским прозвищем моим («пустынник антиохийский») встретил меня однокашник мой, отец Михаил Аскольдов. Был когда-то осанистым, златовласым и осиянным каким-то — теперь старик передо мною стал с трясущимся перемученным телом.

*

Великим поношениям подвергались мы...

Поздно вечером, а то и в полночь, в замке щелкал ключ. Открывалась железная дверь, и на пороге появлялись о н и. Впереди товарищ Бронза. В лице и в коротких тяжелых руках этого человека действительно было что-то бронзовое. Высокий, широкий в кости, с напояженной челкой на низком волосатом лбу, всегда в кожаной одежде... Рядом с ним два мускулистых китайца с беспросветными глазами, всегда потные и как бы лиловые от грязи, одетые в замусоленные липкие ватники.

— Одевайтесь! — раздавался гнусавый голос Бронзы.

Нас выводят из камеры. Темными переходами идем на широкий асфальтовый двор.

— Вста-а-ать к стенке!

От этого окрика мы чувствуем себя солдатами и стараемся выстраиваться по-военному.

Далеким всплеском звучит тишина. Они вынимают из кобуры револьверы, нахмуренно осматривают их с разных сторон и... начинают в нас прицеливаться. В течение минут трех направляют на нас револьверное дуло. Мы бледнеем и начинаем креститься. Насладившись нашими предсмертными чувствами, они милостиво машут нам револьверами.

— Репетиция окончена! Разойдись!

Такие репетиции устраивались раза два, а то и три в месяц.

Однажды нам пришлось испытать еще более дикое поношение.

Поздно вечером открывается дверь. Мы только что совершили всенощное бдение и, сидя на соломе — нашем ложе, — тихо беседовали.

— Одевайсь!..

Нам вручили по железному заступу. Повели нас за тюремные стены. Пахло летней напоенной солнцем травой. Запах давно невиданной травы особенно взволновал меня. «Земля Божия, земля Божия» — несколько раз повторил я вслух. Нас повели за город и заставили остановиться среди поля.

Мне вспомнилось детство, ночное... костер среди поля... всплеск большой рыбы в протекающей мимо реке и серебристое ржание жеребенка.

— Ройте яму!.. — приказал нам Бронза. — Душ... этак... на семь!..

— Вот и конец...

Игумен Амвросий с трудом работал заступом. Китаец толкнул его в спину, и он упал на камень, разбил

себе подбородок. Седая борода его окрасилась кровью, и он как-то беспомощно улыбнулся... молчаливой улыбкой. Яма была вырыта. Мы едва переводили дух от усталости, и всем нам очень хотелось поскорее отдохнуть.

— Ну-с... отдыхайте маленько... — сказал нам Бронза, закуривая папиросу, — а потом встаньте под рядовку, затылками к яме!..

Мы стали готовиться к смерти. Мы целовались последним целованием и благословляли друг друга в дальнюю дорогу... В это время металлическим взвизгом рассмеялся пастор Келлер. Мы бросились к нему. Весь он был затуманен безумием... Мы обнимали его и утешали, а он царапал лицо свое длинными земляными ногтями и кричал сквозь рыдающий хохот:

— Иерусалим! Иерусалим!

Он потерял сознание и упал. В это время подъехал к нам грузовик, нагруженный чем-то тяжелым и, как мне почудилось, страшным. Груз был покрыт влажным брезентом. Нам скомандовали:

— Разгрузить!

Мы сняли брезент. На грузовике лежали мертвые тела. Среди них мальчик лет десяти в матросском костюме, с перебитым до мозга черепом.

Нас заставили хоронить их. Когда зарыли, то скомандовали:

— Стройся! по домам!

Бесчувственного пастора мы положили на грузовик.

*

Пастор Келлер скончался. За несколько минут до кончины Господь прояснил его разум. Он сказал последние свои слова на земле:

— Слава Богу, за всё!..

Тело его в течение недели оставалось невынесенным...

*

Проходили долгие дни нашего заключения. Однажды мы стали замечать, что вокруг нас нарастает тревога. Временами слышалась пушечная стрельба.

Мы осмелились как-то спросить у приносящего нам пищу — простоватого и доброглазого парня: что происходит на свободе? Он шепнул нам: белые наступают!

*

Пушечная стрельба продолжалась. За дверью нашей камеры всё чаще и чаще раздавались нервные бегущие шаги. Они заставляли нас вздрагивать. Мы приближались друг к другу. С наших уст не сходила молитва. Однажды приносящий пищу объявил нам шёпотом:

— Готовьтесь сегодня к смерти...

По уходе его из камеры епископ Платон положил богослужебный начал: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков»...

Мы не сговаривались, что нам петь: всенощное бдение, молебен; но разом почувствовали, что нам следует отпевать себя. Мы запели последование погребения человек:

«Блажени непорочнии в путь, ходящии в законе Господни. Аллилуия»...

Епископ Платон поминал о вечном упокоении наши имена:

«Еще молимся о упокоении душ усопших раб Божиих, и о еже простится нам всякому прегрешению вольному же и невольному»...

При пении прощального «Зряще мя безгласна» мы лобызались и крестили друг друга.

Был вечер. Земля вздрагивала от пушечных выстрелов.

В замке щелкнул ключ. Зашел Бронза в сопровождении китайцев. Не ожидая его приказа, мы стали собираться в дорогу...

...Расстреливали по очереди.

Первым упал епископ Платон, за ним ксендз, третьим отец Михаил. Он успел крикнуть:

— В руке Твои, Господи, предаю дух мой...

Я стою с игуменом Амвросием. Он вполголоса читает слова исходной песни:

«Непроходимая врата тайно запечатствованная, благословенная Богородице Дево, прими моления наша, и принеси Твоему Сыну и Богу, да спасет Тобою души наши».

Мне вспоминается сельская церковь. Вербное воскресенье. Иконостас украшен красными прутиками вербы. Я стою в очереди причастников. Мне всего девять лет. В белой рубашке я и в сапогах новых с желтыми ушками наружу... Медленно движется очередь причастников и все они освещены весенним солнцем. Деревенские певцы поют: «Тело Христово примите, источника бессмертного вкусите»...

Бронза свинцовой поступью подходит с наганом к игумену Амвросию.

— После этого причастника и я пойду к чаше... — туманится в моей голове.

— Верую, Господи, и исповедую... — шепчет моя душа. Вся земля превращается в синее облако, и уже нет памяти ни о прошедшем, ни о настоящем... нет уже меня, облеченного в земляную плоть... Мне на мгновение представляется, что я стою около своего

упавшего тела, и смотрю на него, как на совлеченную одежду...

Меня выводит из этого состояния грохот бегущих солдатских ног и неистовый, смертью охваченный крик:

— Белые вошли в город!

Нас не успели расстрелять.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Я иду по большой дороге. На мне полупальтишко, солдатские сапоги с подковами, барашковая шапка. За плечами две сумы. В одной — запасные дары, Евангелие, деревянная чаша, служебник да требник, а в другой — сапожный инструмент. На груди у меня в особой ладанке — антиминс. В руке березовый посох. Я стал священником-странником. Перед отступлением белые меня убеждали за границу бежать, но я отказался.

Ноги мои для ходьбы оказались легкими.

Дни стоят сентябрьские, теплые — бабье лето!

...Я остановился на лесном взгорье, внизу река, поле и дороги. Сильна власть русских дорог! Если долго смотреть на них, то словно от земли уходишь, и ничто мирское тебя не радует, душа возношения какого-то ищет... Не от созерцания ли дорог родилась в русском человеке тяга уйти. Все равно куда. В Брянские ли разбойничьи леса или навстречу синим монастырским куполам... только бы идти, постукивая дорожным посохом. Недаром и петь мы любим: «Ах, не одна-то во поле дороженька пролежала».

Земля вечерела. Надо покоя искать. Но куда Господь направит стопы моя?

Проходя вересковыми тропинками, увидел я бревенчатый дом.

— Не приютят ли меня?

Стучу посохом по окну. Никто не откликается. Выбежал откуда-то кот, сел на крыльце и смотрит на меня. Он кольнул меня скорбным человеческим взглядом. Я погладил его, и он прижиматься ко мне стал и жалобно мяукать.

Еще раз постучал я в окно, и опять неоткликаемая тишина. Я решил открыть дверь. Вхожу в избу. Озираюсь... и вижу...

На полу лежит зеленый, от зеленых сумерек, мертвый человек в холщевой рубахе и солдатских шароварах, босой... На шее черный медный крестьянский крестик. На волосатой голове кровь в сгустках. Рядом деревянный подсвечник с выпавшей свечою и железный шкворень. Я перекрестил усопшего, сходил к колодцу за водой, обмыл его, чин отпевания совершил... Недалеко в песчанике яму вырыл, укатал тело холстиною и волоком вытащил из избы (какая тяга, мертвое человеческое тело — сырая земля!)...

Я переночевал в сенях на соломе. В ногах у меня кот лежал. Со зверем было повадно.

С восходными зорями я дальше пошел.

*

Над полями витает паутина — пряжа Богородицы. Вся трава перевита серебрецой, словно морозная. И до чего это народ русский умильный выдумщик! Ведь надумает же: Богородица прядет пряжу! И все это у него поэзия! И не какая-нибудь, а высокая, духоносная! Вспомнить лишь названия Богородичных икон, приукрасил и увенчал: Неувядаемый цвет, Взыскание погибших, Купина неопалимая, Нечаянная ра-

дось, Утоли моя печали, Всех скорбящих радость... А какие слова, песни, да присказки! Надо иметь не-вместимую душу, ширше облака (изъясняясь словами акафиста), упоенную и творящую душу, чтобы все это выразить... Великий он поэт!

...Спускаюсь под гору. Весь я в солнце. Иду и напеваю Богородичный канон «Отверзу уста моя»... И вот вижу я лужайку, а на ней тела лежат рядами. И воронье над ними. Трупы раздеты и разуты. Никого кругом, — широкое в холмах да взгорьях поле. Я отпел убиенных, посыпал их перстию: «Господня есть земля и исполнение»...

Долго поджидал у дороги людей, чтоб кликнуть их и упросить предать земле усопших. Но на дороге было пусто.

*

Иду я, ни одного жилья не встречаю, уже ночь наступает темная да студеная. И ветер поднялся дюжий такой, настоящий степной русский ветер. Никогда такой древней не кажется земля, как при ночном ветре, среди поля.

Набрел я на сенной сарай. Ветер был такой силы, что заснуть никак не мог.

Слушал его и думал о русской земле. Думы мои о ней до того замучили, что я спасался лишь бесчетным повторением вслух от всего спасающей — молитвы Иисусовой: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Среди ночи рядом со мною кто-то пошевелился. В шорохе этом что-то звериное было. Я громко спросил:

— Кто здесь?

Никто не откликнулся.

Рано утром я осмотрел все углы сарая и никого не нашел. И посеючас вот размышляю: с кем я ночевал? С зверем ли лесным или с человеком, таящимся как зверь.

*

В каждой почти деревне приходилось мне и ребят крестить, и венчать, и земле предавать. Всюду встречали меня с любовью, но и гонений и поношений было немало, но и они шли на пользу. Тоже творили чудо!

Был со мной такой случай.

В селе Горелово за устройство духовной беседы в лесу арестовали меня и посадили под замок. Поздно ночью приходит ко мне в темницу комиссар. Бравый этакий мужчина, саженого роста. Был он пьянее вина. На ногах чуть держится. Еле володающим языком приказал мне:

— Шагом марш, за мною!

Привели меня в большую избу. Вся она полным полна, и все пьяные. На табуретке сидел гармонист, при виде меня он заиграл плясовую.

Комиссар сгреб меня пятерней за волосы, вытащил на середину избы и приказал:

— Пляши!

Пьяные, что дети, али звери...

Я не стал противиться им и пустился в пляс... А когда кончил плясать, то сел на лавку и засмеялся. Вначале ничего смеялся, по-людски, но потом не выдержал и засмеялся с душевным содроганием, с плачем и выкриками. И никак этого смеха не мог удержать...

Когда успокоился немножко, то огляделся я вокруг и вижу: все стоят с опущенными головами и молчат... Есть что-то святое в задумчивости русского человека... Первым не выдержал молчания комиссар. Он это,

как охнет да вскричит! Гляжу... бух! падает мне в ноги:

— Прости меня, Божий человек!

Мы подняли его. Усадили его за стол. Я сел рядом с ним. Поуспокоились немножко. Поставили самовар. Стали меня потчевать. И вот кто-то из них говорит мне:

— Расскажи что-нибудь душевное... только не про нашу жизнь и не про нашу землю... Если Божьего слова недостойны, то расскажи хоть сказку!..

Долго, до петушиных вскриков, беседовал я с ними. Слушали меня с опущенными головами и вздохами.

На прощанье сказал мне:

— Иди своею дорогой, батюшка! Не поминай нас лихом... Мы это... ну... одним словом... Ладно! чего уж там говорить!...

*

Большой крест греха лежит на русском человеке...

Во время ночлега моего в одной избе был я самовидцем дикого мужицкого разгула. Пять человек красноармейцев, вместе с хозяином-рыбаком Семеном и горбатым сыном его Петрухой, глушили самогон. По совести говоря, мне бы уйти отсюда надо, но я остался. В русском разгуле всегда есть что-то грустное, несмотря на видимое безобразие его и содомство, и в разгуле этом чаще всего душа раскрывается... «Почем знать, — раздумывал я, — может быть, понадобится! бывают же в жизни русского разгульника «смертные часы», когда он не знает, что со своей душой делать. В такие минуты ему утешитель надобен!»

Красноармейцы — русские ржаные парни, широколицые да курносые. Когда трезвые были они, то я лю-

бывался ими и думал: — «Хлеб бы им сейчас молотить, снопы возить, по деревенскому хозяйству управляться...»

Слова у них жесткие, с выплевками, матерщиной. Завидев меня в уголке, с каким-то злым харканьем спросили:

— Кто такой?

За меня ответил Семен: бродячий-де сапожник!

— А ну-ка, почини мне сапоги! — сказал один из них.

Снял он исхоженные вдрызг сапожонки свои и мне в угол бросил:

— Уплачу! Не бойсь! — прибавил он.

Я сапоги чинить стал, а они к столу присаживаются. Бутылки вынимают. Стали и меня потчевать.

Пригубил я для видимости и сказал:

— Больше, ребята, не угощайте. Сердцем слаб!

Перепились эти молодцы самогону и стали похвляться геройством своим. Много всяких страшных былей они порассказали, но один рассказ потряс меня до смертного окончения. Рассказывал его крикливым, с провизгом голосом маленький мозглявый паренек с рожими кочковатыми бровями.

— Это еще что! — начал он. — У нас дело почище было! Во снах такое не причудится!

При этом он подмигнул сидящему напротив парню, с жирными, пропитанными пылью морщинами на широком волосатом лбу:

— Помнишь, как самогоном причащали?

— Ты бы лучше помалкивал... — нахмурился другой.

— Не могу! Уж больно у нас это оглушительно получилось!..

— Не рассказывай! — хрипнул волосатый.

Расходившийся парень не захотел молчать.

— Дело недавно было. Приехали мы в одно большое село. Там церковь, но заколоченная. Священника, сказывали, на костре, как борова опалили... а потом горящую головню в хайло ему запихали... Да, пустая церковь-то... Слушайте дальше... Это только сказка... Командиром нашим был Павел Никодимович Вознесенский... Голова и краснобай! Когда-то в духовной семинарии обучался... На священника, видишь ли, пёр!.. Вот, однажды, во время самого ненасытного пьянства нашего, поднимается Павел Вознесенский и во весь широкий голос свой объявляет:

— Товарищи! Хотите, штуку разыграю над деревенскими дураками? — а сам это по-волчьи зубы скалит, и огонь в глазах этаким у него... погибельный!..

— И для ча ты рассказываешь, туз бубновый? — опять перебил его волосатый, приходя в гневное волнение.

— Помалкивай!.. Так-с. Хотите, говорит, штуку разыграю? Мы, конечно, спрашиваем: — Какую такую штуку, Павел Никодимыч? — А вот какую! — грохнул он по столу кулачищем. — Завтра обедню служить в церкви буду и народ причащать... самогоном!.. — Мы это немножко побледнели и дрогнули, ну, а потом, разошедши... всё стало нишечем! Одним словом: «религия опиум», и тому подобное... Чего уж там!.. плевать с высокого дерева!..

На другой день, часиков это около десяти, один из наших в колокол ударил... Село-то как всколыхнется, — звонят-де! Дивуются, что такое? Мы объявляем, что-де власть, идя навстречу народу, разрешила Бога и даже попа прислала... Пошло в народе ликование. Валом повалили в церковь. Плачут от радости... Иконы в церкви целуют, цветами их украшают... Пыль на них смахивают...

Павел Никодимыч в ризы облачился, все, как есть, по чину... Хор собрал из знающих... Старый дьячок припер... Обедня у нас идет такая, что все в церкви ревя ревут...

Волосатый парень, все время бросавший на рассказчика гневные взгляды, вдруг не выдержал, задрожал, побледнел и надсадно крикнул:

— Замолчи, сволочь!..

Прокричав эти слова, он обессилел как-то, повалился на скамью и сразу же захрапел пьяным всхлипывающим сном.

Наступило маленькое перетишье.

— Ну, и что же, причастил? — косясь на спящего, шёпотом спросил горбатый.

— Да, причастил...

Парень уж стал говорить тише и, видимо, с душевным смятением, стараясь побороть его лихостью глаз.

— Вот это, причастивши-то... выходит Вознесенский говорить проповедь... Господи Иисусе!.. Что было-то. Стал он крыть по матушке и Господа, и Матерь Его и всех святых... Я от страха и дрожи стоять не мог... Так и пригнуло меня к полу... А народ-то!.. Господи! что с народом-то стало!..

Тут парень призакрыл глаза, съежился и несколько раз вытер со лба пот рукавом шинели. Лицо его задергало, зубы застучали, и руки ходили ходуном...

— Ежели не можешь, то не рассказывай... — посоветовал рыбак, тоже не зная, куда девать себя от волнения.

— Нет, надо досказать! — заупрямился парень, входя в полубезумный раж. — Не могу не досказать!.. На чем это я остановился? Да! Народ это... Видали, как ураган крыши срывает, да горы сокрушает? Так вот и народ!.. Ка-ак это бросился он на Вознесенского!.. Подмяли под себя, да с хрипом, воем, ревом,

почали его сапогами да кулаками, да подсвечниками, по груди, да по всему хрусткому... до самого мозга, до внутренностей... до кишок этих!!.. Все иконы мозгами да кровью забрызгали!..

Парень охнул, закачался из стороны в сторону и попросил воды.

— Ну, а потом что? — с неумолимой жестокостью допытывался горбатый, став как бы безумным от страха и любопытства.

— Мало тебе, горбатому дьяволу, рассказали? — накинулись на него остальные, сидевшие до сего времени как бы неживые.

— Потом что? — взяв опять крикливый тон, заговорил парень, — вызвали пулеметную команду, да по народу... тра-та-та-та... За бунт и возмущение против власти!.. Душ пятьдесят, не считая раненых, в расход вывели...

Пить никто не хотел. Они долго сидели нахмуренными, а потом все стали расходиться.

Сапог я не смог починить. Мое сознание держалось на тонкой паутине. Колыхнись она немножко, и я стал бы безумным.

*

Иду берегом реки, по древней Тверской дороге. Осень не витает уж легкой солнечной паутиной, ноги мои вязнут в грязи. Руки и лицо мое леденит колючий предзимник. Земля потемнела. Идти тяжело. Никакого жилья не видно. Стала донимать меня слабость. Кружилась голова, и подкашивались ноги. Старался приободрить себя и трунил над собою: «Что же это ты, отец Афанасий, сдаешь? А ну-ка с ветром в ногу... встряхнись... поспешай!.. раз, два, три!..».

Но как ни ободрял себя, пришлось мне сесть на придорожный камень и забыться...

Долго ли я был в забытьи, — не ведаю, но только почувствовал, кто-то поднимает меня и сажает в телегу. Помню, что вся земля закружилась перед глазами, словно граммофонная пластинка.

В тягостном бреду я всё время видел, как комиссар Вознесенский причащал народ самогоном, и как будто вместе с разъяренными я бил его чем-то холодно-тяжелым по всему хрусткому, а потом прятался в каких-то черных садах, и тосковал, и плакал о преступлении своем... Но больше всего меня мучило бесчисленное количество белых сверкающих рук, старавшихся сорвать с груди моей священный антиминос...

Больше двух месяцев находился я между жизнью и смертью.

Сидел на полатах, рассматривал руки свои, и мне жалостно было смотреть на них — желтые и ломкие, как свечи в морозном храме... И думал я о себе, покивая головою: слабый всё же я человек!.. Не мог закалить себя, вооружиться крепостью и мужеством... Если бы не рассказ о причащении самогоном, может быть, ничего не случилось бы... Слишком это страшно было, слишком не по силам мне, немощному!

Меня, оказалось, подобрали на дороге неподалеку от села местные крестьяне. Сам хозяин — нестарый чернобородый мужик с иконными глазами, и жена его — маленькая исхудавшая женщина с испуганным взглядом (взгляд большинства женщин в наши дни). Черно и бедно было в избе. Обхаживали они меня, как сына родного, и ночами не спали. Когда я поправился немного, то хозяева подошли ко мне под благословение.

В удивлении спросил их:

— Откуда вы знаете, что я священник?

— Из твоего бреда узнали!..

Ввиду наступающих холодов упросили меня пока у них остаться. Однажды говорит мне хозяин:

— Отслужи ты нам Божью службу! Утешь страждущих. В церкви-то нельзя — народный дом там, а мы уж в овине соберемся. Всё у нас будет в молчании...

Ночью привели меня в темный, дымом да копотью пахнувший овин, на глухих задворках. При свете свечей заметил я, что всё здесь прибрано и вычищено. На столе, покрытом скатертью, стояли иконы и перед ними три лампы. Человек двадцать пришло на молитву. Отслужил я им всю ночь бдение, а потом беседовал с ними... По привычке своей всем в глаза смотрел. Хорошие русские глаза на молитве! Мироотречение в них, и образ Божий...

Окреп я немножко, исполнил дело свое, распрощался, и тронулся дальше.

*

Земля пахла морозом, но снега еще не было. От вечернего морозного зарева небо и земля казались медными. И тишина была, словно отлитая из меди: ударить по ней — и зазвучит. Деревня, часовня на горе, черные бревенчатые бани, похожие на Гостомыслову Русь, запах дыма.

У околицы стояла маленькая сторбленная женщина, в тулупе, в черном монашеском платке, в тяжелых деревенских сапогах. Она облокотилась на березовую изгородь и смотрела на большую дорогу.

Я подошел к ней и окликнул ее приветствием.

Она вскинула на меня странные, болью какой-то пронзенные глаза, и улыбнулась неживой улыбкой.

— Ты оттуда? — показала она озябшей рукой на пройденную мною дорогу.

— Да. К вам в деревню иду.

— Так. Так... А ты моих деток не встретил?

— Нет, никого не видел.

Она приложила руку к щеке и по-бабьи запечалилась.

— Жду их, пожду, а они не приходят!

— Куда же они пошли?

— Воевать пошли с белыми!.. Люди сказывают, что они убиты, а я не верю. Врут люди!!.

Подула на свои окоченевшие пальцы и стала смотреть на дорогу.

— Должны прийти, — шептала она, смотря вдаль, поверх дороги, — я ведь старая, и скоро помереть должна... да и голодно мне и зябко... Куда же это они запропалились, баловники этакие?

Завидев кого-то вдаль, она исступленно-радостно вскрикнула, сорвалась с места и побежала навстречу, скидывая вперед озябшие руки.

— Идут! идут! — кричала она. — Детки мои! Родненькие!..

В деревне мне рассказали, что женщина эта помутилась в разуме, когда узнала о расстреле своих сыновей. С этого времени, во всякую погоду, она выходит за околицу встречать их и каждого встречного спрашивает:

— Не видели ли вы деток моих?

*

В морозно-солнечный день я направлялся навестить один тайный монастырь. На лесной дороге встречаю трех стариков: в тулупах, бородатые, с котомками через плечо, с лесинами в руках, в валенках. Я спросил их:

— Куда Бог несет?

Не отвечая сразу на вопрос, приземистый с желтым стариковским взглядом путник обратился ко мне:

— Не из священников ли будешь, желанный?

Я ответил утвердительно. Вопросивший меня обрадовался и с тихим удовольствием посмотрел на спутников.

— А ведь я угадал, старики? Говорил же вам, что это батюшка! Я, желанный, — улыбнулся он мне зазубленным лицом, — издали признал, что ты из духовных! Пословица-то не зря молвится: попа и в рогоже спознаешь!

Подошли ко мне под благословение и стали рассказывать:

— Мы, батюшка, в Москву идем!.. О Боге хлопотать!

— Как так?!

— Да, так, чтобы это Бога нам разрешили, и всякие гонения на Него воспретили... А то беда!

Говорят спокойно, по-крестьянски кругло, и только в глазах их как бы блуждание и муть.

— Шибко стали Бога поносить! — сказал сгорбленный старик, опираясь двумя руками на посох, в страннической покорности. — Жалко нам Его... Терпеть невозможно!..

— Ведь до чего дошло?! — перебил его другой, с косыми глазами и впалыми забуревшими щеками. — Миколаха Жердь из нашего посада анкубатор для выводки цыплят сделал... из дедовских икон! Говорит Миколаха, что они, иконы-то, подходящие для этого, так как толстые, вершковыые, а главное — дерево сухое!..

— А внук мой Пашка из иконы покрышку сделал в своем нужнике... — задыхаясь, прошамкал беззубый тихий старик, весь содрогнувшись.

Спрашиваю их:

— Кому же вы жаловаться будете в Москве?

— Как кому? Ленину! Ильичу то есть!..

— Да он помер...

— Это мы слышали, но только не верим!

— Нам сказывали, что он грамоту такую объявил, чтобы не трогать больше Бога...

Я чуть не заплакал.

Застывшая в глазах моих боль заставила стариков на время задуматься. Что-то поняли они. Растерянно взглянули друг на друга и на меня посмотрели.

— Ну, а ежели не найдем Ленина, так к самому патриарху пойдем, — заявил желтоглазый старик. — Пусть он рассудит, и анафемой безбожникам пригрозит... Патриаршая-то анафема дело не шутейное... Убоятся!..

— И святейшего патриарха нет в живых!..

Они не удивились, сняли шапки, перекрестились, сказав шёпотом:

— Царствие ему Небесное!..

Глаза стариков гуще налились мутью.

— А Калинин староста жив? Ну, так к нему пойдем... Он нас просветит!

Вначале тихо, а потом все горячее и горячее, я стал убеждать их не делать этого, вернуться к себе, терпением препоясаться и ждать Божьего суда.

— Не можем! — с земляным упорством заявили они и даже рассердились на меня.

— Сто верст пешком прошли! — взвизгнул один из них. — Сам Господь идет с нами рядышком... а ты... вернуться!

— На смерть идете! — сказал я в отчаянности.

Только улыбнулись тихо так: «Что нам смерть!» — поклонились мне и пошли вперед степенным деревенским шагом.

Долго слушал я хрустень морозного снега под их валенками.

*

Я проходил мимо оскверненных храмов, сожженных часовен, монастырей, превращенных в казармы и торговые склады, был свидетелем надругательства над мощами и чудотворными иконами, соприкасался со звериным ликом человека, видел священников, ради страха отрекавшихся от Христа... Был избиваем и гоним не раз, но Господь помог мне всё претерпеть и не впасть в уныние. Да разве могу я ослабнуть духом, когда вижу я сотни пастырей, идущих с котомками и посохами по звериным тропам обширного русского прихода. Среди них были даже и епископы, принявшие на себя иго апостольского странничества... Все они прошли через поношения, заключения, голод, зной и ледяной ветер. У всех были грубые обветренные лица, мозолистые руки, рваная одежда, изношенная обувь, но в голосе сияние неизреченной славы Божией, непоколебимой веры, готовность все принять и все благословить...

При встрече кланялись земно друг другу, обнимались, тихо беседовали среди поля или леса. На прощание крестили друг друга и расходились по разным дорогам... Молился я в потаенных монастырях, где подвизались иноки из бывших отрицателей и поносителей имени Божьего.

Видел иноков в миру, всегда готовых поделиться Богом с неимеющими Его и тоскующими по Нему. Был очевидцем великого раскаяния русского человека, когда он со слезами падал в дорожную пыль и у каждого встречного просил прощения.

Видел власть имущих, которые в особой ладанке на груди носили частицу иконы или маленький образок и потихоньку, яко Никодим в нощи, приходили ко мне за утешением.

Знаю одного из них, который хранит в чулане иконы отцов своих. И в моменты душевного затемнения за-тепляет перед ними лампаду и молится...

Видел запуганных отцов, заявлявших мне: сами-то мы безбожники, а детей наших выучили Закону Божию, чтобы они хулиганями не стали... и в большой тайне у многих из этих отцов я учил детей их... Слышал новые народные сказания о грядущем Христовом царстве, о пришествии на землю Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Матери Божией, — умолившей спасение русской земли.

Не одну сотню исповедей выслушал я (и страшны были эти исповеди), и все кающиеся были готовы принять самую тяжкую эпитимию и любой подвиг, чтобы не оставаться вне чертога Господня.

Вся русская земля истосковалась по Благое Утешителе. Все чают Христова утешения.

Я иду к ним, пока сил хватит, и крепко еще обнимает рука моя дорожный посох.

*Я скажу: не надо рая,
Дайте Родину мою!*

С. Есенин

Россия — мать, Россия — сука...

А. Сиявский

Еще за Царскими вратами
Звучат заветные слова.
И в ночь Христова Рождества
Колокола над городами,
И Церковь Русская живет,
Хранима Божьими Руками...
А кто сказал: все — мертвый камень,
И пепел, и зола, и лед?
И что Россия отвернется
От нелюбимых сыновей,
И грешной матери своей
Оплакать нам не доведется.
И нас не позовет Она,
Одна во мраке умирая...
А кто сказал: не надо Рая,
Мне только Родина нужна?
Отдайте Родину мою!
Он был смельчак, роптал на Бога,
А жил в России так немного
И умирал в чужом краю.
Какой теперь бредет пустыней
Его бездомная душа?
Но я видал, как хороша
Ока холодная доньне.
Я эту память берегу:

Распущенной косой седою
Плыл дым над темною водою.
Костер на синем берегу,
Уха в старинном котелке,
И водка в кружках, и махорка,
И чай, и вдруг скороговорка
Моторки где-то вдалеке.
А небо низкое такое,
А за рекой поля, поля!
И песня, милая моя:
«Я вспомнил время золотое...»
Как я тогда любил Тебя,
От нежных зыбких снов ребенка!
Кто — я? Унылый мужичонка,
В приемной, шапку теребя,
Пришел просить — не верят слову,
Какой-то справки, дескать, нет.
Они смеются мне в ответ,
Во мне почуяли чужого.
Я не чужой, я вас люблю!
За песню русского народа
Я вам прощаю все невзгоды.
Отдайте Родину мою!
Века — песок в Господней длани.
Я вечно у чужих дверей —
Пришел за Родиной моей,
Как за убогим подаяньем.
Зачем же я во власти зла
Так унижаюсь перед вами,
Когда за Царскими вратами
Звучат заветные слова!
Одета в жалкое тряпье
И руки заломив сухие,
Там вечно молится Россия
За всех утративших Ее.

СПАСИ МЯ ПО БЛАГОДАТИ

Любим мы говорить:
«Крест!», «Крест!»

Но мы лжем, мы не хотим Креста, мы боимся его, мы отталкиваемся от него. Нам хочется и в Царство Божие попасть, и здесь, на земле, пошиковать сносно. А Крестом своим называем головную боль или — что на работу ходим...

А ведь тут натуральный. Тут гвозди в жилы и копье в ребра, и кровь течет, и мухи в рот лезут, и слепни раны облепили, и толпа.

Несем ли мы такой Крест? Пусть по-другому, пусть без гвоздей и крови, но на той же грани горя и страдания, чтоб всю жизнь пригвоздил, чтоб другого ничего не осталось от боли. Чтоб навзрыд зарыдать при последнем издыхании:

«Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил?»

И так страшно, так нечеловечески зарыдать, с такой нестерпимой мукой и с таким отчаянием, и с такой надеждой на несбыточное, как ребенок из окна вывалился, летит с двенадцатого этажа на землю:

«Ма-а-а!...», — что за один этот крик миллиарды страданий прожить, все, сколько их на землю отпущено, в ад спуститься и в рай подняться, всё кругом и себя расплавив...

Нет, не несем. У нас семья, у нас работа, у нас гости, у нас театры, у нас книжки и немного Бог.

А потом обижаемся, что Он нам чудес не показывает. Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет...

*

Меня обижает, когда Он говорит:

«О род неверный и развращенный...», — хотя я и декламировать хорошо умею:

«...никтоже согреших на земли от века, о Иисусе мой, якоже согреших аз окаянный и блудный».

Так кто же я? Болтун обрядный, и вся моя вера только болтовня и красование, или я действительно ощущаю себя мерзкой гадиной, к которой и прикоснуться-то противно?

Да, конечно, болтун! Я других гадинами считаю и поэтому обижаюсь на Него.

«Доколе буду с вами? Доколе буду терпеть вас?»
«Порождения ехиднины...» — Или это не ко мне? А если ко мне, то я не согласен. Нельзя со мной так!..

Какая уж тут гадина?

А вот хананейка не обиделась на «псов». Она бы даже удивилась, что на это можно обижаться. За что ж обижаться, если правда?

Мне у нее всю жизнь учиться и не научиться, мне, просвещенному и тоскующему о смирении христианину.

*

Я раб Твой, мой Творец, готовый на всё, на последнюю побегушку, раб. Да, раб, и не стыжусь этого слова в наш гуманистический век.

Они стыдятся, они не хотят быть рабами, Господи, они Тебя изучают. Они говорят, Ты недобрый — значит, Тебя нет. Ты недобрый, потому что мы страдаем. Они не хотят быть счастливыми рабами, они хотят страдать, но быть свободными гражданами, и говорят, что Ты жесток. Они считают себя хорошими, они

не хотят делать добро за плату, они хотят делать его бескорыстно — и совсем ничего не делают. И не понимают, что весь этот ничего не делающий, но красиво говорящий гуманизм — это улыбка чёрта на интеллигентном лице. Чёрт над ними посмеялся, а они довольны собой...

Они, они, они... А я? А я, Господи, всё понимаю и ничего не делаю. И зажав свой вонючий рот, полный ругательств и злобы, я, «раб, готовый на последнюю побегушку», нет, я не отвечаю оскорбляющим меня, я только про себя шиплю ответы. Потихоньку, исподтишка, незаметно. Для них, но не для Тебя. Я вижу, как злоба разрушает меня, потому что злые помыслы ползут из меня, как черви из трупа, извиваются, душат. Даже за полчаса от исповеди до причастия я успеваю разбрызгать из моего больного ума тонны грязи, и она летит, летит, падает на душу, белую, белоснежную, и Ты, Господи, не соединяешься со мной.

Но снова и снова, и снова я повторяю с надеждой, которая сильнее правды: «Боже, милостив буди мне грешному!»

И я знаю. Знаю так, как можно знать еще до рождения, что когда я скажу это квадрильон раз: «Боже, милостив буди мне грешному!» — Твоя сила вольется в меня, и засохшая, проклятая смоковница оживет, распушится и покроется добрыми, материнскими листьями. «Душе моя! Душе моя! Возстани, что спиши?»

Она восстанет, потому что благодать Божья сильнее земли, природы, хромоты, горбов, злости — всего, что по-земному непобедимо и отчего врачи пожимают плечами...

А я, Господи, теперь знаю, что Ты не обязан быть добр. Ты нам вообще ничего не обязан. Может ли песок, оживленный Тобою, еще что-то требовать? Хо-

чешь оставишь, а хочешь рассыплешь, и не смешно ли песку что-то требовать? Разве нас не рассмешит, если узоры на морозном стекле будут требовать у погоды справедливости, или бумага, на которой мы пишем, подаст на нас в суд? Тьфу — и всё.

Я бы любил Тебя, Господи, если бы Ты был зол, как суховей. Я бы просто не замечал Твоей злости, как нормальный сын любит своего отца.

И когда я понял, что Ты мог быть и зол, что Ты нам ничем не обязан и всегда прав, тогда я понял всю Твою доброту ко мне и к нам.

И теперь я еще больше люблю Тебя и Твою любовь. Ведь Ты мог и не любить, ведь Ты не обязан любить, и нет Тебе судии.

И пусть несчастья сыплются на мою голову, и барабанят, барабанят, барабанят и шепчут: «Прокляни! Прокляни! Прокляни Его! — Вот единственная свобода, которая у тебя есть!» — я только крепче стисну зубы, и только ниже опущу голову, я никому ничего не скажу и ни от кого ничего не услышу. И слезы благодарности будут литься из моих глаз. И я не буду их вытирать, и стыдиться. Мне нечего стыдиться. Я буду целовать Твою руку, зажгу лампадку, встану на колени и буду шептать молитву благодарности. Потому, что я понял: для меня только в несчастье — счастье. И за что Ты так любишь меня, Господи, что так мне доверяешь? Не как рабу, а как другу.

Верю человек спасается. А где вера, там будут и дела. И чем больше несчастий, тем я даже не так же, а больше верю, и живу в вере.

И я верю, что когда я выпью всю чашу, которую Ты дал мне, когда я выпью ее до сухоты, по ту сторону страданий, которая ими зовется сумасшествием, — будет дверь, и я войду в эту дверь, и там будет лазурное небо и теплое море. И я буду плыть да плыть,

едва шевеля кончиками пальцев, то ли в лазурном небе, то ли в теплом море. Но это не море, а ласка, целое море ласки для меня одного, маленького клопика, и это не небо, а блаженство, сплошное, безбрежное, без камушков, без иголочек. Бесконечность для меня одного. А для других — свои бесконечности.

«В доме Отца Моего обителей много».

И я не буду Тебя торопить. Ты сам знаешь, когда. Твой преданный раб. Какое прекрасное слово!

О КРАСОТЕ

«Как прекрасен этот мир!»

Кто это торжествует? Верующий? Неверующий? Верующий так не скажет.

«Этот» — это любовь, роса, соловьи, охота на медведя, Ремарк, Хемингуэй, уха, кулик, хоккей, — «тот» — аббат мопассановский оценившуюся сучку топчет: «Не смей размножаться! Не разрешаю! Похоть! Плоть! Мерзость!»

Еще Тацит обвинял христиан в ненависти к роду человеческому.

«Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26).

Нам только скажи...

Послушайте историю.

Вышел человек из коммунальной квартиры. Соседи ему лицо изуродовали. А есть хочется. В очереди в магазине в кассу его обругали, потому что об кровь испачкались. А касса закрылась перед носом — зря простоял полчаса. В новой стоять не стал. Вышел на

улицу, а все злые. Затряслись у него руки-ноги, захотелось убежать или упасть.

«Когда бы зажило плечо,
Тянул бы ляжку, как медведь,
А кабы к утру умереть,
Так лучше было бы еще».

А из брови разрезанной кровь течет тоненько. Течет. Зашел в аптеку, попросил остановить, а кому приятно? — Вы к нам не сразу пришли.

Купил он перекись, вату, лейкопластырь, зашел в парадную, кровь остановил, лейкопластырем залепил. Черные очки дома, а дома — соседи. Может, не выдержит — скажет слово, а они опять. А на бровь только дунь — потечет.

Купил он в табачном ларьке эти очки и на вокзал побежал. И поехал. Сошел, где лес есть, ушел подалее и в траву упал. Лежит.

«Сознание — это открытая сплошная рана, которой каждый звук приносит боль».

Но уже легче становилось. От зеленого цвета. От светофорной надписи «Идите!» не становится легче... Птички поют, листья шумят, не раздражает. Кровь засыпает, сердце уже не плачет, только вздрагивает. Шум красивый, лучше тишины...

Растения людям и зверям воздух дают, и пищу, а мы умираем — растения кормим. Всё действительно разумно, всё разумное действительно. Нужно нам для жизни — пожалуйста. Как на заказ. С приятным шумом. Нет, шумком. Безвредные, беззлобные. И дождь капает. Кто-то лейку держит. Нет, это наша лейка, как дождь. Это мы у Него мысль украли, а не Он у нас... Почему «Он» — с большой буквы, подумал? Потому, что разумно. Как с маленькой? Всё разумное красиво. И причесывать не надо... И на левой руке

тоже пять пальцев, и на ногах, и у зверей, и два глаза у всех: насекомых, зверей, людей. Хочется им размножаться — можно размножаться. И нужно размножаться. А потом хочется о детенышах заботиться. А если б не хотелось, тогда что? Улавливаешь? Улавливаю. Поповские штучки, сказала бы Анна Павловна, с двадцать восьмого года член партии... Человека некому убивать, так сам себя трескает. А соседка Катька, из-за которой его избили, глаза намазала и поехала ребенка своего убивать. Преждевременные роды называется. Для здоровья полезно.

Человек, наверно, самый глупый. Всех глупей, кто в начальство лезет, а человек на земле начальник. И врачи у него есть, и поезда, и хитрый он, всех хитрей, а умирают целые народы. Может, все умрем. А крапива останется... Крапива-то хоть жжется, а то бывает, никак за себя постоять не могут: и рвут их, и жгут их, и рубят, и топчут, а они живут хоть бы хны. Не сопротивляются, а растут...

Кто же эту красоту создал? Сама, что ли? Из ничего ничего и не выйдет. Толк в этом понимаем. Закаты, небо звездное, день и ночь, росу, воду, лед, газ, льва, воробья, жука, Корнея Чуковского? И что мы чувствуем: это красиво, а это некрасиво, это умно, а это глупо, здесь, в звездах, — порядок, а здесь, на земле, — беспорядок?

Человек, который лежал на траве с растерзанным глазом, знал, что он этой красоты не создавал и никто из ему подобных тоже. Всё, к чему они прикасались, страдало и становилось хуже. На траве лежал и ту вылежал...

И в жизни красота, геометрия и сценарий. Не разбей ему соседи лицо — не поехал бы он сюда и не понял бы о красоте, и не было бы красоты.

И опять мудрость и целесообразность, а значит, и красота. Сценария, написанного не им...

А в воздухе плыли кузнечики, море кузнечиков. Сотни тысяч морей кузнечиков. Верней, стрекот кузнечиков поднимался в небо... И лицо пройдет. Всё пройдет. А это, — что сейчас, — останется.

И он заплакал. И он закричал на весь лес. Без слов, одним криком. Но если б перевести его душу на слова, то получилось бы:

«Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение»...

Вот и вся история.

ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ

Ранней ночью или поздним вечером мы шли по приокскому заповеднику. Мы шли по черноте, по необозримой лесной тишине вдвоем. Хотя тишины совсем не было. Всё стрекотало, шуршало, квакало, росло, ползло, пахло и тоже имело волю, но что это было в сравнении с нашими алчными, большими, железными и мрачными людскими волями. Разве можно было после того, что мы всегда, даже во сне терпели и делали в Вавилоне, принимать всерьез, как угрожающую, волю какого-нибудь цветка, даже миллиона цветков? Даже лось был не в счет. Хотя лоси и громыхали и ломились, и первое время что-то в нас ёкало и сжималось, но это было не то, совсем не то. Екало от звука, который подсказывал представление о большой массе, а представление о большой массе связывалось по привычке с человеком...

Нам не было тревожно. Мы были царями огромной пустой территории, царями с венцами, но без подданных, и всё блаженство как раз в этом и заключалось,

что без подданных. Мы не хотели поделить эту территорию и спорили. И спор наш был еще бессмысленнее всякого спора. Не спором же решать, есть Бог или нет. И в своем споре мы считали друг друга сумасшедшими и даже всплесками ненавидели один другого.

Но мы блаженствовали, как может блаженствовать боксер, перенесенный на ринг, где у него только один противник, и этот противник не бьет его ниже пояса, в спину, ножом, не откусывает ему носа, не зафигачивает ногой в пах, не топчет лицо, когда он в нокдауне, не рвет волосы и рубаху, не разбивает нос об коленку, — как может блаженствовать этот боксер, перенесенный из жуткой катавасии, где все против всех, где он бьет кулаком и ногами, и кусает зубами, и рычит, и его бьют, все, настолько все, что и разобрать нельзя каждый удар, отличить его от другого, — и сзади, и спереди, и с левого бока, и с правого, и сверху, и снизу, — и ты не видишь, куда и кого бьешь, — может самого себя, — а вокруг не четыре стороны света, а триста шестьдесят четыре, а он и искусства своего боксерского проявить не может: тесно и никаких правил.

Мы вышли на шоссе и остановились. Чернота была кромешная, с неба гроздьями свисали звезды...

И вдруг они показались. О, какими ненужными, какими ненастоящими, какими игрушечными, какими фальшивыми и какими подлыми они здесь показались! Море теплой, тихой, стареющей темноты и два этих назойливых огонька. Мы напряглись. Так напрягаешься, когда ты один в комнате, шепчешь: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», — но вот уже хлопнула дверь, и сейчас кто-то войдет.

Непрощенные гости не церемонились. Они росли на глазах и наконец почувствовали себя достаточно силь-

ными и зазвучали. А еще через две минуты мой товарищ торопливо и заискивающе совал мне руку, чтоб тут же залезть в автобус, набитый сплюснутыми человеческими волями, как селедками в банке. А заискивал он уже не передо мной. Я взглянул на него. Лицо его перекосилось, он судорожно про запас набрал воздух и шагнул из нашей темноты в освещенный клубок. Больше никого не было. Темнота отдала его одного. Автобус благодарно заурчал, двери поскорее захлопнулись, и его повезли...

У меня голова закружилась. Я чуть на землю не упал. Я физически ощутил, будто это я сажусь в автобус. Сотни полузадушенных глаз как клещи впиваются в меня. Они рады. Пропадать — так вместе. Десятки пил начинают распиливать вдоль, вкось и поперек:

«Ты-я, ты-я, ты-я».

Я обливаюсь, я начинаю им подвизгивать, пьяное, нестройное пение гремит в тишине.

И я чувствую себя предателем, и ощущение своего предательства все усиливается, потому что хоть у меня голова кружится, но я твердо знаю, я радуюсь каждой точкой своего тела, что это не я, что это не меня, что это не моя очередь ехать на совет нечестивых и сидеть в собрании развратителей. Моя тоже будет, будет через три дня, но сегодня еще не моя...

Жутко, Господи, по своей воле жить.

И ОСТАВИ НАМ ДОЛГИ НАША, ЯКОЖЕ И МЫ ОСТАВЛЯЕМ ДОЛЖНИКОМ НАШИМ

Да есть ли такие, что должникам своим прощают? Откуда я знаю? Знаю только, что я никогда за всю жизнь не простил ни одного своего должника. О, физически, денежно или как там еще — фотографически

видимо, — сколько угодно, руки были коротки, часто, долги свои потребовать. Хотя бы, когда меня на танцплощадке двадцать человек ногами топтали, разве не простил? Еще как простил, их даже попросил, чтобы кончили они меня ногами топтать. Потому что руки были коротки, потому что ничего другого не оставалось, потому что не было у меня под рукой своих двадцати человек, которые бы мне помогли должок свой потребовать — зубы у них повышибать.

А так, по доброй воле, разве прощал? Да никогда. Уж в крайнем случае, когда решался молчание гордое на слова обидные хранить, уж тогда только не отвечал, а про себя счетец подавал. Да и этого не выдерживал. Терплю, терплю, а потом гримасу скорчу, этак по-печорински: «Да? Ну-ну». Всего лишь только «Ну-ну», а этим «ну-ну» весь свой долг сполна получал. Один раз от художника-коммуниста пощечину стерпел. Спорили с ним об истине, и я, семнадцатилетний мальчишка, его забивал, а рядом ребята — мои сверстники — стояли, у которых он властителем дум хотел быть, и слушали, как я его забивал. Не стерпел он и мне звездорезнул. А я стерпел, только его за руки взял, чтоб больше не бил. Так ведь он чахоточный был, у него ручки как пальчики, я его щелчком мог перешибить, и ребята это знали, в трусости меня никто не заподозрил, и я это заранее чувствовал, что не заподозрят, наоборот, я этим больше выиграл, чем всем своим спором. Он раздавлен был, для него лучше б было, если б у него от меня кровь текла. Он за мной бегал и прощения просил, водкой потом угощал...

Жил со мной в квартире Володька мотыль — вор. И был у меня друг — ныне покойный, было нам с другом по шестнадцати лет, а мотыль лет на десять старше. Ребята были мы, как и все у нас во дворе, рано развращенные и приבלатнённые. Тогда все почти

парни были приклатнёнными или уж во дворах не гуляли. Еще только-только отошла мода на белое кашне, зеленую кепку с разрезом, челку, синий плащ и прохоришки яловые. В ушах и в душе красивые танго и фокстроты звучали: «Брызги шампанского», «Нинон», «Цветущий май».

Весь день меня не было во дворе, а когда приехал, мой друг сказал, что мотыль обещал вечером девочек привести. Ждали мы, ждали у ворот, продрогли, к нам пошли в квартиру. Дергаем дверь мотыля, думаем заперта, а она открыта, а он на полу сидит, что-то себе порванное зашивает.

Странная представилась нам картина.

Совершенно голая комната — стены и пол (все пропито, все вынесено, что батя покойный, полковник юстиции из Германии вывез), в углу шинелька постелена и горшок с цветком вместо горшка ночного стоит, а мотыль сидит на полу и что-то себе порванное зашивает.

— Ага, — сказал мой друг и захлопнул дверь. А я остался у мотыля.

Минут через пять Алик назад пришел и с ним Валька Горшок.

«Я за мотыля буду, — решил я, — он один, а ты, парень, не прав».

Долг моральный друг мой считал уже долгом фактическим и считал себя вправе за это расправу учинить. Как в «Идиоте», когда к князю за наследством пришел: юридически вы, дескать, ничего не должны и можете нас с лестницы спустить, но вы же порядочный человек и потому обязаны, и потому мы не просим, а требуем...

— Мотыль! Я пришел дать тебе по роже. Защищайся! — сказал Алик.

Какой-то странный у нас двор. Все привилегии, бывшие у его обитателей там, за воротами, здесь ничего не стоили. Здесь могли избить, если хватало силы и умения, Тольку-следователя и вора Хабара, и возмездия за это ни в том, ни в другом случае не было. Ведь по традиции это было совершенно непостижимо, чтоб вору в законе шестнадцатилетний мальчишка вообще без масти, даже не хлопец, даже не мужик по молодости, мог так непринужденно сказать — я пришел тебе рожу бить...

А Валька Горшок был как квадрат. Он стал в дворях.

— За что? — тихо спросил мотыль, не поднимая головы от шитья.

— У нас с тобой на вечер было назначено дело и ты меня подвел.

— Дело? У нас с тобой дело. Эта юноша сказала дело? — задумчиво переспросил мотыль, впервые оторвавшись от шитья и взглянув на меня. — Дел у нас с тобой не может быть по причине твоей младости и глупости. Бутылку выпить — другое дело. Сходи?

— Ах ты гад! Бутылкой хочешь рожу загородить? Вставай!

— Ну, пори меня, — тихо, как голубь, проворковал мотыль и швырнул по направлению к Алику, не глядя, ржавую вилку, а сам внимательно заизучал сделанную работу.

Конечно, тыкать вилкой человека, который на тебя даже внимания не обращает, было не очень-то почтенно, и Алик не стал.

— Нет, ты вставай, я тебе по-честному рожу расквашу.

Володька медленно поднялся, помолчал и сказал:

— Знаешь, давай как поступим? Сначала ты мне по харе съездишь, а потом я тебе. Идет?

— Годится.

Алик ударил. Потом ударил Володька. Алик не упал, но отлетел к двери.

— Давай по новой! — заорал он. Он быстро в раж входил. Поэтому через три года уже от водки лечился, а в тридцать лет умер.

Ударил он еще раз и попал мотылю по глазу, а это было против правил. Мотыль взбеленился и пошел к нему:

— Ах, ты, поганец...

Я съезился. Мотыль подошел к нему вплотную... и его поцеловал.

Что тут было! Друг мой бляял, на шее у Володьки повис:

— Володя, прости! Володя, прости! Дай мне по роже, ну прошу тебя! Ну, что мне делать? Прикажи. Хочешь сейчас магазин грабану? Володя! Я гад...

Валька Горшок стонал:

— Вот это король! Вот это король! Раздавил, умял. Кровь из носа...

Я тоже был потрясен. Как будто красоту небывалую увидел...

Вот какое это оружие...

А Володька был артист. Он чутьем понял, что это сильнее любого кулака подействует. Через три дня он Алику нос откусил. Двое держали, а мотыль кусал. Когда я вышел, кончик носа висел на ниточке. А тут поцеловал, понял, что добром на зло сильней забереет...

Прости мне, Господи, не могу я спокойно поросычьей своей юности вспомнить. Ведь что было-то? Ведь она и сейчас у меня в ноздрях тройным одеколоном разит и девочкам в парадных, и это, когда я уже верил, а не могу без содрогания, услышу во «Встрече с песней»:

«Вам возвращая ваш портрет,
Я о любви вас не молю,
В моем письме упрека нет,
Я вас по-прежнему люблю».

Услышу этот полуженский голосок и меня колотит. Кровь быстрее бегала, кровь блудить заставляла. Теперь не то, теперь всё в порядке, теперь не заставляет, теперь я утром и вечером правило читаю, от жены своей не бегаю, детей рашу, а о поросычьей одеколонной моей юности с истомой горькой вспоминаю. Кровь потерял, и духа не приобрел... Но приобрету...

Вот и получается, что слова эти душу язвят:

«И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим».

Так же оставь, как и мы оставляем, — а я никак не оставляю.

И затоскую и пойму сразу, какой я маленький, и вот тут-то в эти минуты и начинаю расти. Верней, не расти, наверно, а всего лишь на ноги подымаюсь с четверенек.

Я ведь раньше как? Я хоть и читал, что Царство Божие не от дел, а все равно думал, что от дел. Ты заповеди исполняешь, пощечину стерпишь, рубашку отдашь, душу свою положишь, а тебя в Царствие Божие возьмут... Да и не только я. И так ведь оно и действительно. Только так да не так...

Был Антоний в пустыне, подвиги великие совершал борьбы с телом. Зимой и летом гол и бос ходил, хуже любого нищего питался, молился день и ночь, почти не спал, заповеди Божии исполнял, как мне и не снилось. Но как-то явился ему в видении ангел и сказал:

«А всё же ты не вошел в меру сапожника».

Пошел Антоний в город, нашел этого сапожника и стал спрашивать его, что он делает?

— Я одну треть заработка своего отдаю нищим, — рассказал ему сапожник.

«Ну, — подумал Антоний, — я вообще ничего не имею!»

— А что ты думаешь о Царствии Небесном?

— Да, как начну думать, так мне и кажется — все спасутся, один я погибну.

Перевернулось всё в душе у Антония с этих пор...

Я когда об этом прочел, у меня всё перевернулось.

Ведь он, святой человек, себя хуже всех считает, всех от века. Так кому же и погибать, как не ему? И в то же время они не отчаивались, а часто знали заранее, что спасутся.

«Держи ум свой во аде и не отчаивайся».

Это и есть надежда. Надежда на милосердие Божие, надежда на спасение. Да, я мразь, да, хуже меня нет, но Ты благ, но Ты милосерд, и я Тебя прошу, и я надеюсь, что Ты меня услышишь, и я надеюсь, что Ты меня простишь.

Милосерд. Не справедлив, а милосерд. По делам я должен погибнуть, по делам все должны погибнуть, потому что нет человека, который ни разу не согрешил, а не грешить — наша обязанность, норма, потому самый лучший, самый приближающийся к выполнению всех заповедей человек, уже достоин наказания, потому что он только приближается.

Но мы просим о помиловании, и Он нас милует, тех, кто просит, а кто считает, что им не о чем просить, те не просят, а раз не просят, то им и не дарят.

Значит, Царство Божие не плата, а подарок, благодать — благо дать. Но здесь такое тонкое, такое неразличимое различие внутри нас и извне, что они сливаются, и уже не скажешь, откуда Царство Божие, извне или внутри нас.

Кому больше прощено, тот больше любит, а кто больше любит, тому больше прощено. Простил Бог человеку много грехов и человек много возлюбил Бога. А что такое Царствие Божие, как не любовь к Богу? Но ведь много ли простил нам Господь, мало ли, это от нас зависит, это, что касается нас, есть наше ощущение. Считает человек, что Бог ему много простил, и у него на душе праздник, у него в душе Царство Божие. А другой считает, что получил по заслугам или даже меньше — и праздника нет, и Царства нет.

Ведь в этом-то, может, всё и дело, что Бог этих праведников не наказывает, не отбирает у них Царства Божия, они сами у себя его отбирают, сами думают, что получают плату, а не подарок, а от платы и радости особой нет, получил, что заработал.

И может, в этом отличие новозаветного человека от ветхозаветного, и может, потому у них не было благодати, хотя и была праведность, и не могло быть, просто никак невозможно ей было быть, потому что там дела закона: не убей, не кради, не лжесвидетельствуй; а здесь — прощение и оставление грехов.

Те работники, которые первыми пришли в виноградник, получили свой динарий. Получили свой динарий — Царствие Божие. Но они ему не обрадовались, потому что считали, что они его заработали, им ничего не подарили, как другим, и вот этим считанием сами обрекли себя на мучение и лишились Царства Божьего. А те, последние, которые работали час, получили столько же, тот же динарий, но для них это было счастьем безмерным, потому что не ожидали, потому что думали, что заработали меньше.

Когда зовут вас на пир, садитесь на последнее место, чтобы хозяин, увидев, что вы сели не по достоинству, пересадил вас выше, ибо унижающий себя возвы-

шен будет, а возвышающий — унижится. В этом, наверное, и унижение, что в своей гордыне он не знает на пиру места, достойного себя.

...Я не прощаю должников своих, я не достоин, чтобы Ты простил меня, но я молю. Я, приговоренный к высшей мере, молю о помиловании, и надеюсь, если преступники, осужденные за убийство, надеются на милосердие судей и правителей земных и просят о помиловании председателя президиума, который о них и не слышал, который не знает даже, что такой Гришка Отрепьев живет в его государстве, который стоит так высоко, что и просьба о помиловании какого-то Гришки Отрепьева, одного из миллионов, до него и не дойдет, потому что силы человеческие так ограничены, и будь он даже десяти пядей и кристальной души, он не в состоянии читать просьбу каждого Гришки, — так почему же я, хоть и окаянный Валерка, но я же для Тебя — центр мироздания, Ты из-за меня и вселенную создал, почему же я не вправе надеяться на Твое милосердие, ведь Ты и есть это Милосердие, Тебе только какую-нибудь зацепочку, ложбиночку найти, и Ты меня спасешь и вытащишь из непотребства...

Якоже и мы оставляем должником нашим. Может, кто-то другой за меня заступится, а я за него. Сделал же я хоть раз за тридцать пять лет, что-то хорошее, и мое это хорошее в копилку пойдет. А другой человек долги прощает, тоже ведь во всей земле один такой есть, должен быть, даже в нашей России наверняка есть, да не один; может, только в России еще и есть, потому что русский человек часто скот, часто трус, часто хам, но незлопамятен, зла не помнит. А вот такого, который на обидчика своего даже сразу не разозлится, наоборот, полюбит, я навряд ли уж встречу. Но есть и такие, просто сам нечист, вот и не дано

таких видеть, а всё больше проституток и душегубов...

И вот раз по молитве нашей общей есть такие, что долгов не требуют, то мы спасены.

Рационалистам этого не понять. Для них раз существуют отдельно Валерка и Гришка, значит это два отдельных независимых существа. И хотя Валерка может влиять на Гришку, а Гришка — на Валерку, но всё же их двое, они разные, у них два сердца, две печенки, два мозга, и большое сердце Валерки не обрадуется здоровому сердцу Гришки — корысти нет, разве что Гришку убить, а Валерке Гришкино сердце пересадить, но тогда Гришки не будет... И мозг Гришки не отвечает за глупости Валерки.

А по-нашему, мы члены одного тела, поэтому и люби ближнего, как самого себя, потому что не ты — это тоже ты, поэтому не осуждай — он вон как поступил, я бы так никогда не сделал — это ты сделал. Поэтому и Адамов грех, за который все в ответе, поэтому и Христово искупление, поэтому «отцы ели виноград, а у детей оскомина» и несколько поколений детей расплачиваются за грех отца.

Уму это непонятно, но это так. Вот мы и молимся:

«И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим».

Чтоб не переводились на земле праведники.

ИЗБАВИ НАС ОТ ЛУКАВОГО

Лжец и отец лжи, он всегда входит в нас обманом. Обманом заставляет вкусить от древа познания, обманом внушает нам быть «благороднее» Христа, обманом внушает нам гуманную жалость к проклятой смоковнице, обманом внушает нам плакать о съеденной

курице, обманом внушает нам пожалеть триста динариев на Христа и отдать их нищим, обманом внушает нам презирать монашество, чтобы людям помогать, обманом внушает не ходить в церковь, чтобы Бога в душе иметь, обманом внушает нам не молиться, «ибо знает Бог нужду твою прежде твоего прошения у Него», обманом внушает проповедовать Бога женщинам, молодым и хорошеньким.

А потом оказывается, что богами, съев яблоко, мы не становимся, а вот голод, холод, роды, болезни, смерть стали; рассердившись на Христа, что Он людей называл порождениями ехидниными и лицемерами, мы топаем ногами с перекошенным лицом и слюной изо рта на домашних своих за то, что суп недосолен, или бьем кулаком по морде за то, что, когда нам водку наливают, руку не так держат; обижаясь на обещание нам бессмертия, если мы дорастем до него, мы хотим делать добрые дела, умирая; потом нам приходят в голову другие благородные и мудрые мысли о том, что делать добро вообще бессмысленно, что неизвестно еще, что получится из нашего добра, что мелко делать добро одному человеку, а потом, — что людей ничего не спасет — они испорчены по природе своей; пожалев триста динариев на Христа, пленившись возможностью отдать их нищим, кончаем тем, что нищим их тоже не отдаем, а кладем на сберкнижку, а потом, и этим не удовлетворившись, идем и Христа продаем за тридцать сребреников; людям, когда мы вместо монашества лезем помогать, так неумеючи только головами о помогаемых стукаемся, шишки и себе, и им набивая, и кончается помощь наша так, что лучше б ее и не было; в церковь перестаем ходить, а потом про Бога-то и совсем забываем, на бега промениваем.

Женщины нас охотно слушают и умиляются, просят еще говорить, просят к ним в гости, за апостолов нас принимают, а лукавый шепчет, что так оно и есть, потом в какой-нибудь раз на прощание просят поцеловать их по-братски в щечку, а однажды, — что уже поздно ехать домой и чтоб мы у них остались, а лукавый шепчет, что они для нас не женщины, что мы в них душу погибшую любим, что мы им обиду кровную нанесем, если не останемся, пренебрежение выкажем и от Бога оттолкнем, и что мы уже так сильны, что над плотью какие хочешь победы можем одерживать, и это даже интересно, как мы сейчас сатану проведем.

Потом оказывается, что постели другой нет и на полу постелить нечего... ..И после того, как лукавый сомнет нас полностью, на лопатки бросит, заставит флаг выкинуть, он, умирая от смеха над нашей глупостью, в пределе игривости выкинет над нами последнюю шуточку: заставит нас утешиться, что мы согрешили для ее спасения — не противься злему, и грешные души, дескать, только лаской покупаются, а зло порождает зло...

И никаких шансов нет нам его победить.

Мне раньше картина такая представлялась.

Сидит в раковине таракан, уцепился за гладкую, мокрую, белую стенку мохнатыми лапками, держится и не хочет гибнуть. А на него большие ученые струю воды направляют. А таракан борется, не сдается, не дается в дырку свалиться.

Раз увернулся, другой, на другую сторону перебежал и себя утешает: «Молодец я какой! Еще изловчился! Еще! И еще!!!»...

Но он же обречен, таракан, вопрос только в том, сколько продержится — тридцать секунд или одну

минуту? Это ученые и изучают. Попадет струя, смоев в дырку, как ни ловчись...

Так и человек. Не попал под машину, так умер от рака, не умер от рака, так сердце остановилось, не сердце, так печень, не печень, так голова, — и вопрос только в том, сколько продержимся...

«Господи, так кто же может спастись?»

«Невозможное человекам возможно Богу».

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	7
ПРЕДАНИЕ	
Слава и величие Пресвятой Богородицы. Из книги «Земная жизнь Пресвятой Богородицы»	11
ОТЦЫ ЦЕРКВИ	
Св. Иоанн Златоуст. О молитве	20
ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ	
Архимандрит Спиридон. Из виденного и пережитого	38
Митрополит Вениамин. Записки епископа «Исповедайте пред всеми живущими, что он сделал для вас»	111
Из переписки двух священников	124
ПРАВОСЛАВНОЕ ПАСТЫРСТВО	
Свящ. Димитрий Дудко. Христос в нашей жизни	153
Священнослужитель. Философия православного пастырства	163
Из писем игумена Никона своим духовным чадам	197

ПРАВОСЛАВИЕ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Н. В. Гоголь, И. В. Киреевский,
Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев
пред старцами Оптиной пустыни 222

ПИСАТЕЛИ

В. Никифоров - Волгин. Дорожный
посох 228

М. Пробатов. Стихотворение 271

В. Левятов. Спаси мя по благодати.
Рассказы 273